This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

86 Гилярова-Платонова

ОСНОВНЫЯ
НАЧАЛА ЭКОНОМІИ

ПОСМЕРТНЫЙ ТРУДЪ

Н. П. Гилярова-Платонова

съ предисловіемъ профессора

И. Т. Тарасова.

Изданіе А. М. Гальперсонъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія „Техникъ", Мясницкія вор., д. Фирсановой.
1889.

HB179
G4

Дозволено цензурою. Москва, 17 мая 1889 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Предлагаемый ниже посмертный трудъ Никиты Петровича Гилярова-Платонова не предназначался къ печати въ настоящемъ своемъ видѣ. Никита Петровичъ набрасывалъ на бумагу свои взгляды на предметъ экономіи по мѣрѣ того, какъ они возникали въ его сознаніи, имѣя въ виду въ послѣдствіи привести свои записи въ систему и издать ихъ въ цѣльномъ видѣ. Смерть похитила его раньше, чѣмъ ему это удалось.

Нижепомѣщаемое состоитъ изъ отрывковъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ собою дневникъ; въ другихъ какъ-бы выпущена посредствующая мысль; иные написаны тотчасъ по прочтеніи какой-либо книги объ экономіи; а многіе были продолженіемъ начатой устной бесѣды. Сопоставленія взяты изъ окружающей жизни; примѣры заимствованы изъ данной минуты.

Все это печатается въ томъ самомъ видѣ, какъ оставлено покойнымъ. Поэтому соблюдать при печатаніи послѣдовательность почти невозможно. Приходится руководствоваться частію хронологическимъ порядкомъ записей; частію, гдѣ это не удается, искать внутренней послѣдовательности. Но такъ какъ авторъ временами возвращался назадъ, чтобы подробнѣе развить уже ранѣе разсмотрѣнный имъ тотъ или иной факторъ экономіи, то и послѣднее становится иногда затруднительнымъ.

Недостатокъ внѣшняго единства искупается-ли достоинствами внутренняго содержанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатели найдутъ ниже, въ предисловіи, принадлежащемъ перу профессора Ярославскаго лицея И. Т. Тарасова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тщетны будутъ поиски читателя за системой въ этой книгѣ. Системы нѣтъ, а есть только рядъ набросковъ, касающихся почти всѣхъ предметовъ Политической Экономіи, равно какъ и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ политико-экономическихъ трактатовъ въ новѣйшей иностранной литтературѣ. Но наброски эти мѣстами таятъ въ себѣ такую глубину мысли, свидѣтельствуютъ о такой шири взгляда, являются результатомъ такого объективнаго и всесторонняго изученія предмета, что они не только стоятъ иного цѣлаго, но и превосходятъ многое изъ появившагося до сихъ поръ въ области самостоятельной русской экономической литтературы. Читая эти наброски, составившіеся, какъ выражается самъ авторъ, изъ разсужденій, не связанныхъ рутиной политико-экономическихъ учебниковъ какого-бы ни было лагеря, невольно

задаешься вопросомъ: что-же было-бы, если-бы преждевременная смерть не оторвала автора отъ начатой имъ работы, и онъ довелъ ее до конца, хотя-бы даже только въ тѣсныхъ рамкахъ той программы, которая приложена къ концу книги? По всѣмъ вѣроятіямъ было-бы то, чего до сихъ поръ нѣтъ въ нашей литтературѣ, а именно: вполнѣ самостоятельный очеркъ Политической Экономіи, который, конечно, скоро вытѣснилъ бы собою всѣ компилятивные или на контроверзахъ основанные руководства, очерки и курсы, занимающіе пока первенствующее мѣсто въ русской учебной литтературѣ Политической Экономіи.

Согласно съ просьбой издателя, это предисловіе представляетъ собою попытку сколько-нибудь связать разрозненные наброски примѣнительно къ господствующей системѣ Политической Экономіи, дабы облегчить читателямъ усвоеніе основныхъ началъ экономіи Н. П. Гилярова Платонова. Система эта, какъ извѣстно, обнимаетъ собою четыре обширныхъ отдѣла, въ которыхъ изслѣдуются экономическіе законы производства, обмѣна, распредѣленія и потребленія. Для построенія цѣлаго по этой системѣ въ «Основныхъ началахъ экономіи» нѣтъ всего необходимаго матерьяла, но есть въ то-же время какъ-бы добавочный

матерьялъ, заключающійся въ критическихъ замѣткахъ касательно отдѣльныхъ экономическихъ положеній Лассаля, Маркса, Родбертуса, Энгельса, Джорджа, Дюринга, Шеффле, Тедески и Мейера (Productiv-Associationen и Gewerkvereine), при чемъ относительно послѣдняго Гиляровъ-Платоновъ иронизируетъ, что онъ договорился до производства безъ капитала «на воздухѣ и изъ воздуха».

Такое отсутствіе цѣльности и системы, конечно, могло-бы послужить достаточнымъ основаніемъ къ сомнѣнію въ полезности всей книги, если-бы въ ней не выдвигалось на первый планъ нѣчто такое, чего обыкновенно или совсѣмъ нѣтъ въ политико-экономическихъ трактатахъ, или-же проскальзываетъ въ нихъ какъ-бы совершенно случайно, а именно: анализъ значенія психическаго, моральнаго элемента въ человѣческой экономіи.

«Матерьялистическое направленіе мысли, говоритъ Гиляровъ-Платоновъ, повело къ тому, что вопросъ общественности объявленъ вопросомъ желудка»; это же направленіе препятствуетъ экономистамъ справиться съ экономическимъ элементомъ услугъ. «Духовная жизнь есть не только цѣль растительной, но она ею и управляетъ; она даетъ бытіе самой экономіи, служитъ

основаніемъ матерьяльнаго прогресса». «Умъ есть родоначальникъ стоимости, онъ-же основаніе цѣнности и слѣдовательно субстанція въ обоихъ направленіяхъ». Если-бы не былъ упущенъ изъ виду этотъ элементъ, то между прочимъ не ускользнуло-бы отъ вниманія, что «существующимъ экономическимъ устройствомъ болѣе всѣхъ обиженъ не рабочій, а интеллектъ», и тогда очевидна была-бы «ложность теоремы, что рабочему долженъ принадлежать весь его продуктъ». «Цѣнность есть отраженіе годности, а въ годности лежитъ уже зародышъ психическаго элемента, ибо годность опредѣляется потребностью». Зачеркнувъ чувства и желанія человѣка, говоритъ Гиляровъ, измѣряйте трудъ какимъ угодно динамометромъ и по немъ расцѣнивайте произведенія; расцѣнка эта можетъ быть будетъ вѣрною, но справедливою и безобидною она никогда не будетъ. Стоимость имѣетъ значеніе «генетическое», и къ ней пожалуй приложимо опредѣленіе Маркса «воплощенный трудъ», цѣнность-же есть понятіе «телеологическое».

Такъ выдвигаетъ Гиляровъ-Платоновъ моральный элементъ въ Политической Экономіи,—тотъ элементъ, которому, повторяю, лишь въ новѣйшее время, и то какъ-

бы случайно, начали посвящать кое-какое вниманіе.

Говоря о производствѣ, Н. П. Гиляровъ-Платоновъ ставитъ тезисъ, что «не производитель, а потребитель есть владыка экономической жизни», въ слѣдствіе чего рискъ есть необходимая принадлежность производства, а монополія и централизація суть неизбѣжное зло современнаго состоянія природы и общества. Высшая конечная цѣль этого производства заключается въ питаніи духовномъ, почему матерьяльное богатство не есть самостоятельное благо; весь-же вообще экономическій процессъ сводится къ тратѣ жизненныхъ силъ съ цѣлью и въ надеждѣ ихъ возобновленія посредствомъ усвоенія матеріи. При этомъ, возражая Марксу относительно направленія экономическаго прогресса, авторъ самъ намѣчаетъ слѣдующія ступени этого прогресса: «1) отношеніе непосредственное (благъ къ человѣку), 2) отношеніе посредственное (процессъ разложенія конкретныхъ благъ и идеализація), 3) побѣда надъ посредственностью и идеализаціей, возвращеніе къ непосредственному пользованію благами, но подъ единственнымъ управленіемъ интеллектуальныхъ силъ, съ полнымъ не только освобожденіемъ, но и упраздненіемъ матеріальнаго мускульнаго труда».

По вопросу о соотношеніи между трудомъ и капиталомъ въ производствѣ, Гиляровъ-Платоновъ высказывается безусловно противъ тезиса, будто-бы трудъ человѣка есть единственный творецъ хозяйственныхъ благъ. Трудъ, по его мнѣнію, не только не единственный, но и не главный производитель; мало того, онъ даже совсѣмъ не производитель, а лишь орудіе производящей силы, имѣющей цѣлью покорить природу; между тѣмъ какъ капиталъ, будучи покоренною уже природой, есть цѣнность, дающая самостоятельный доходъ: это—саморастущая цѣнность. Въ человѣческомъ обществѣ природа мало по малу превращается въ капиталъ и теряетъ свою самобытность, а человѣкъ по природѣ своей капиталистъ. Опредѣленіе капитала какъ сбереженный трудъ указываетъ лишь на происхожденіе, опредѣленіе его какъ орудія производства указываетъ лишь на примѣненіе, а между тѣмъ въ слѣдствіе односторонности этихъ опредѣленій ускользаетъ отъ вниманія правильное, соотвѣтствующее природѣ вещей соотношеніе между трудомъ и капиталомъ,—соотношеніе, въ которомъ какъ-бы стихійно трудъ вытѣсняется капиталомъ, и въ этомъ осуществляется начало прогресса въ хозяйственной сферѣ. Что-же касается права

собственности на этотъ капиталъ, то Гиляровъ-Платоновъ въ данномъ случаѣ отчасти совпадаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ съ Фулье, который дѣлаетъ школѣ экономистовъ упрекъ за абсолютность ея выводовъ, въ противность дѣйствительности, порождающей такія, напр., народныя пословицы какъ «тише ѣдешь—дальше будешь». Соціалисты, въ свою очередь, также непослѣдовательны въ рѣшеніи вопроса о правѣ собственности. Споръ обѣихъ сторонъ по этому предмету сводится, по мнѣнію Гилярова, къ тому, что «теперешнее положеніе признаетъ права рода и права корпораціи, предоставляя внутренній распорядокъ соглашенію, соціалисты-же распространяютъ эти права на общество, не доходя до человѣчества, но вмѣсто внутренняго соглашенія вводятъ регламентацію,— и такимъ образомъ рѣшеніе сводится лишь *къ степени*».

Вопросу о цѣнности и цѣнѣ отведено въ книгѣ наиболѣе мѣста. Основной тезисъ автора сводится къ тому, что для цѣнности трудъ не только не единственное основаніе, но даже не главное и даже совсѣмъ не основаніе. Въ данномъ случаѣ, утверждая противное, опять упускаютъ изъ виду психическій элементъ. Что же касается цѣны, то въ отношеніи къ ней опредѣли-

телемъ является не затраченный трудъ, а тотъ трудъ, который надо будетъ затратить на возстановленіе или воспроизведеніе такой-же вещи. Затраченный трудъ имѣетъ значеніе лишь для самого производителя, но и производитель сообразуется не съ затраченнымъ уже трудомъ, а съ будущимъ, и въ этомъ отношеніи или съ этой точки зрѣнія можно безошибочно сказать, что въ общемъ экономическомъ оборотѣ трудъ всегда проигрываетъ, а потребитель выигрываетъ. Потребительная стоимость есть матеріальный носитель мѣновой.

Сливая понятія о капиталѣ и поземельной собственности, Гиляровъ дѣлаетъ то же и въ отношеніи къ рентѣ и проценту, при чемъ онъ рекомендуетъ назвать рентой вообще всякаго рода избытокъ, какъ результатъ всякаго рода монополіи (искусственной или естественной), и обращаетъ вниманіе на недостаточно ясное разграниченіе понятій о заработкѣ и доходѣ. Въ вопросѣ о заработной платѣ авторъ является безусловнымъ противникомъ Маркса, который видитъ только время, а не хочетъ видѣть качества работы, въ слѣдствіе чего между прочимъ привѣтствуетъ такъ называемое фабричное законодательство, какъ-бы не замѣчая, что законодательство

это отнюдь цѣли своей не достигаетъ. Уменьшеніе числа рабочихъ часовъ тогда только цѣлесообразно, когда плата остается неизмѣнною; а развѣ не въ волѣ капиталиста уменьшить плату въ мѣру уменьшенія часовъ? Гигіеническій результатъ этого законодательства еще куда ни шло имѣется, и имъ, конечно, пренебрегать не слѣдуетъ, а экономическій — химера. Соглашаясь съ Лассалемъ, что рабочій получаетъ свое продовольствіе, Гиляровъ не одобряетъ однако его выводовъ изъ этого и вообще приходитъ къ заключенію, что «въ полученіи дохода рабочій обдѣленъ не болѣе другихъ дѣятелей производства». «Когда, говоритъ онъ, рабочій простираетъ руки къ долѣ избытка, ускользающей отъ него, онъ свидѣтельствуетъ лишь о похоти своей на роскошь, ибо прогрессъ съ каждымъ днемъ ее у него самъ увеличиваетъ», такъ что въ данномъ случаѣ требованія соціалистовъ суть не что иное какъ забѣганіе впередъ. Кромѣ того, если допустить рабочаго до участія въ барышахъ, то придется привлечь его и къ участію въ убыткахъ, что, конечно, опять было-бы справедливо лишь въ томъ случаѣ, если рабочій былъ-бы и самъ хозяиномъ, а всѣ рабочіе хозяевами быть не могутъ.

Въ заключеніе—нельзя не обратить вни-

манія на несомнѣнно удачныя мѣстами попытки автора установить болѣе точную русскую терминологію. Такъ, напр., онъ рекомендуетъ замѣнить терминъ «продуктъ труда» терминомъ «издѣліе труда», ибо въ такомъ случаѣ установится слѣдующая постепенность въ развитіи одного и того-же экономическаго понятія: 1) издѣліе труда, какъ непосредственный результатъ «мускульной и нервной (умственной)» работы, 2) издѣліе-товаръ при мѣнѣ, 3) припасъ, какъ товаръ, дошедшій уже до потребителя, т. е. переставшій быть товаромъ, и 4) запасъ, какъ непотребленный еще припасъ.

Конечно, не ускользнулъ отъ вниманія автора и вопросъ о задачѣ государства или закона въ отношеніи къ хозяйственной сферѣ, и по этому предмету онъ высказываетъ слѣдующее совершенно ясное и опредѣленное, хотя и не новое, основное положеніе: «на обязанности закона лежитъ ограждать взаимодѣйствіе, взаимную помощь, а не взаимную борьбу; борьбѣ, исходящей изъ личнаго простора, онъ долженъ полагать границы».

И. Тарасовъ.

Г. Ярославль,
16-го апрѣля
1889 г.

Трудъ, въ смыслѣ производителя, не долженъ-ли быть раздѣленъ:

а) *на активный и пассивный*. Ткачъ стоитъ за станкомъ, а въ это время ходитъ кругомъ сторожъ. Занятіе сторожа трудъ или нѣтъ? Баба жнетъ, а вмѣсто себя смотрѣть за дѣтьми наняла другую. Трудъ это?

Время отнятое, которое могло-бы быть употреблено на трудъ, такъ сказать изнанка труда, есть стоимость. Время обязано само давать заработокъ.

б) *на умственный и физическій*. Умственный можетъ являться въ осязательной цѣнности, но можетъ и не являться. Цѣнность докторскаго совѣта.

Изъ экономической жизни ни пассивнаго, ни умственнаго труда нельзя исключить. Слѣдовательно, самая цѣнность и богатство должны быть иначе опредѣлены.

Располагающій средствами не только пропитать себя, но и пользоваться удовольствіями, называется богатымъ. Кто нуждается въ средствахъ даже для жизни — бѣденъ. Вотъ истинныя понятія: избытокъ съ одной стороны, недостатокъ или нужда съ другой; достатокъ въ серединѣ.

Богатство есть-ли власть надъ вещами? Да, въ томъ смыслѣ, что богатство, какъ и бѣдность, есть явленіе уже сложной жизни, общественной, когда является мѣна. Оно есть откидное понятіе отъ бѣдности, ея противуположеніе.

Надъ людьми? — Нѣтъ, это выводъ; обольщеніе, подкупъ, не власть.

Итакъ, богатство предполагаетъ

а) существованіе средствъ для жизни,
б) обладаніе ими,
в) обладаніе ими въ избыткѣ.

Богатство поэтому исключаетъ трудъ. Въ этомъ смыслѣ обыкновенно оно и принимается: богатъ тотъ, кто не имѣетъ нужды трудиться, а если трудится, развѣ въ свое удовольствіе. Фурье поэтому надѣялся всѣхъ сдѣлать богатыми, а новѣйшіе соціалисты напротивъ прекратить существованіе богатыхъ.

Средства къ жизни назовемъ *благами*; погодимъ говорить о цѣнности и стоимости, чтобы не запутаться.

Благо бываетъ *матеріальное* и *не матеріальное*, какъ и питаніе бываетъ физическое и духовное. Благо состоитъ не въ вещахъ только. Я не только сытъ и одѣтъ, но наслаждаюсь прекрасными окрестностями, созерцаніемъ искусствъ, пріятною бесѣдою. Поэтому пользованіе благами не однозначительно съ обладаніемъ. Совершая морскую прогулку, пользуюсь благомъ (свѣжаго воздуха, прекрасныхъ видовъ), но не обладаю. Заключающій любимую женщину въ объятія обладаетъ ею лишь въ переносномъ смыслѣ. Отсюда блага двоякаго рода и самое пользованіе ими двоякое:

Пассивное и активное. При первомъ—благо не убываетъ отъ пользованія имъ. Второе *потребляетъ* блага. Видъ Монблана теряетъ-ли отъ того, что я на него посмотрѣлъ? Ольриджъ, что я его послушалъ? Да,

Ольриджъ теряетъ, потому что изнашивается. Но софизмъ будетъ сказать, что я его *потребляю*. Результатъ для него одинаковъ, слушаетъ его одинъ или тысяча человѣкъ. То-же и съ профессоромъ. Сущность различія заключается въ томъ, что помимо благъ, пользованіе которыми истребляетъ ихъ конкретный видъ, другое, пассивное, заключается уже въ свободномъ доступѣ къ нимъ. Благами будутъ и вещи и лица и дѣйствія.

Изъ числа первыхъ потребностей даже жилище принадлежитъ къ числу благъ, пользованіе которыми пассивно. Домъ ветшаетъ не отъ того, что я въ немъ живу, а отъ времени и стихій, которыя равно его разрушатъ, хотя-бы я въ немъ не жилъ.

Мимоходомъ укажу на связь, въ которой стоитъ одностороннее экономическое направленіе съ одностороннимъ философскимъ направленіемъ. Матеріалистическое направленіе мысли повело къ тому, что вопросъ общественности объявленъ вопросомъ *желудка*, а отсюда односторонность въ опредѣленіи понятій о богатствѣ и цѣнностяхъ, и односторонній идеалъ общественнаго устройства, не знающій, что дѣлать съ интеллектуальными отправленіями. Марксъ посмѣивается надъ *услугами*, введенными въ число экономическихъ элементовъ. Названіе дѣйствительно неудачно, но явленіе, имъ обозначенное, тѣмъ не менѣе существуетъ и принадлежитъ къ числу экономическихъ элементовъ.

Изъ доступа къ благу образуется *собственность* и отсюда *господство*. Оно еще не есть истребленіе, а отказъ въ доступѣ другимъ; на Монбланъ смотритъ всякій, а въ паркѣ герцога Вестминстера никто не можетъ кромѣ него гулять, хотя парку столько мало сдѣлается отъ гуляющихъ, сколько Монблану отъ созерцающихъ. Мы всѣ слушаемъ Патти, отъ которой самой и зависитъ себя слушать. А у Абдулъ-

Гамида въ гаремѣ пѣвица только для него поетъ и поетъ по его приказу.

Собственность есть свободный для одного (или однихъ) доступъ, прегражденный для всѣхъ. Доступъ къ чему? Къ благамъ. То есть? Къ средствамъ жизни. Собственность получаетъ съ извѣстной точки зрѣнія названіе *имущества;* но это безразлично.

Откуда этотъ ограниченный доступъ, и всѣ-ли имѣютъ право на неограниченный доступъ ко всему? Вотъ задача.

Доступъ *физически* ограниченъ; я-бы желалъ любоваться коралловыми островами и ѣсть бананъ, но *разстояніе* препятствуетъ. Желалъ-бы слушать соловья и скушать рыбу, но соловей молчитъ, и рыба уплыла: мѣшаетъ *живое сопротивленіе*. Чтобы преодолѣть косное и живое сопротивленіе, я долженъ употребить усиліе, *трудъ*.

Отсюда мнѣніе, что всѣ блага и всѣ богатства отъ *труда*.

Но есть блага и *готовыя*, не требующія труда, въ родѣ картины Монблана, а въ пустынѣ—и въ родѣ финика, никому не принадлежащаго. Трудъ начинается съ того момента, когда начинается *собственность* и возникаетъ *сопротивленіе*. А сопротивленіе, и косное и живое, оказывается не только природою, но и людьми, и между прочимъ собственниками.

Откуда-же собственность? Изъ желанія избѣжать усилій, избѣжать труда; основной психическій законъ: желаніе получить большее наслажденіе при меньшемъ напряженіи. Послѣдняя цѣль стало-быть—полное наслажденіе безъ всякаго усилія.

Затѣмъ блага бываютъ *естественныя* и *искусственныя*, то-есть созданныя трудомъ. Но хотя созданныя трудомъ, а доставшіяся не трудящемуся. Не обладающій говоритъ: пусти меня, не ты трудился. Обладатель имѣетъ право отвѣчать: но и не ты. Является споръ,

и онъ-то есть сущность борьбы соціализма противъ современнаго устройства общественности.

Соціалистъ не отрицаетъ у каждаго право на то или эквивалентъ того, что̀ добыто личнымъ трудомъ, но отрицаетъ личное и частное право на то, что̀ дано и дается помимо труда, и называя послѣднее *средствами производства* (впрочемъ не точно), утверждаетъ, что они должны принадлежать всему обществу безраздѣльно.

Экономисты отвѣчаютъ довольно нескладно, возражая, что и средства производства одолжены бытіемъ своимъ труду. Во первыхъ, относительно половины средствъ, поколику они суть готовыя блага природы, это не вѣрно. Во вторыхъ, если созданы трудомъ, то не тѣхъ лично, кто простираетъ на нихъ право собственности.

Основательнѣе возраженіе, что и не тѣхъ-же однако, кто, лишенный права, простираетъ притязанія. Кому-же? Никому? Соціалистъ принимаетъ этотъ отвѣтъ и переводитъ его словомъ «всѣмъ», обществу.

Переводъ не точенъ и переходъ смѣлъ отъ «никого» до «всѣмъ», отъ «не принадлежитъ» до «принадлежитъ» и отъ «всѣмъ» до «общества». Всѣ— это вселенная, а она просторна. Ограничиваясь *обществомъ*, соціалистъ становится на *національно*-экономическую почву, которой не оправдываетъ его *интернаціональность*. Обладающій можетъ сказать неимущему: иди туда, гдѣ нѣтъ живаго сопротивленія. Неимущій частію не хочетъ, частію не можетъ, наталкиваясь на косное сопротивленіе. Я не могу и не моя вина, что не могу. И не моя, отвѣтитъ обладающій. Одинъ лишенъ безъ вины, другой обладаетъ безъ заслуги.

Когда-же онъ не хочетъ (положимъ, переселиться), его споръ есть споръ двухъ желаній на одну вещь. Если-бы то была не вещь, а лице, самъ предметъ

спора и въ правѣ рѣшить, какъ самка, на которую притязаютъ два самца. Къ косной природѣ такой пріемъ не приложимъ.

У соціалиста есть основанія признавать средства производства общественными, а не всечеловѣческими, на томъ основаніи, что они суть плодъ коопераціи именно *этого* общества. Но этимъ ставится вопросъ еще на иную почву. Во первыхъ, признается правособирательныхъ единицъ и притомъ наслѣдственность. Словомъ ставится на *органическую* почву совершенно правильную. Но тогда различіе теперешняго и предполагаемаго будущаго устройства лишь въ *степени*. Теперешнее положеніе признаетъ права рода и права корпораціи, предоставляя внутренніе распорядки соглашенію. Соціалистическое—распространяетъ на общество, не доходя до человѣчества, но вмѣсто внутренняго соглашенія вводитъ регламентацію.

Иное дѣло—средства къ жизни, иное—сама *жизнь*. Пища, одежда, жилище—средства для жизни. Жилище можетъ быть разсматриваемо, какъ одежда, защита отъ внѣшняго дѣйствія стихій, но имѣетъ и самостоятельное значеніе, какъ мѣсто. Поэтому болѣе естественъ пожалуй обратный порядокъ: жилище, одежда, пища. Но тѣмъ и оканчивается?—Да, жизнь *растительная*, и притомъ *единичнаго* человѣка. Но къ растительному процессу принадлежитъ и *половая* жизнь, которая для жизни единичнаго человѣка не представляетъ неизбѣжности, но для человѣчества и общества есть то-же, что переходъ отъ сегодня къ завтра въ единицѣ. Для жизни общественной, именно въ смыслѣ простаго существованія, необходимо воспроизведеніе, въ родѣ обмѣна матеріи въ единицѣ.

Блага жизни, представляемыя *средствами* къ жизни, суть такимъ образомъ блага еще не самостоятельныя.

Ужели жизнь состоитъ только въ голомъ бытіи, и много въ воспроизведеніи? Корова пасется на лугу; когда приходитъ время течки, понимается, затѣмъ телится, а въ промежутокъ этихъ дѣйствій совершаетъ жвачку, задумчиво устремляя глаза. И все? Жизнь исчерпывается только жвачкой? Питаніе и удовлетвореніе половыхъ потребностей само въ себѣ есть наслажденіе и высшее удовлетвореніе?

Экономія какъ будто это и признаетъ, когда не знаетъ куда дѣваться съ элементомъ, который названъ Миллемъ *услугами*, за которыми признаетъ *посредственно* производительное значеніе. Куда-же въ самомъ дѣлѣ дѣваться съ докторомъ, совѣты котораго не подлежатъ мѣрѣ и вѣсу, какъ аршинъ сукна съ эквивалентомъ извѣстныхъ часовъ работы?

Есть однако и противуположное не только воззрѣніе, но направленіе, которое назовемъ *аскетическимъ*, которое всѣ средства къ жизни, возвышенныя въ чинъ самостоятельныхъ благъ, отвергаетъ, желало-бы совсѣмъ, если возможно, избавиться отъ нихъ, свергнуть ихъ. Ѳиваидскій аскетъ, индѣйскій факиръ доводятъ удовлетвореніе растительныхъ потребностей до *minimum'a* и находятъ въ этомъ наслажденіе, но не въ положительномъ смыслѣ, отрицаніе не есть положеніе, а въ смыслѣ простора для другой жизни, которой желаютъ дать только болѣе независимости отъ растительной.

Сама экономія должна признать основнымъ стремленіемъ человѣчества, утвержденнымъ на коренномъ, неистребимомъ свойствѣ индивидуальной природы: возможно большее наслажденіе съ возможно меньшими усиліями. Чтобы не впасть въ кругъ, мы должны замѣнить слово «наслажденіе» словомъ «пріобрѣтеніе», потому что именно въ томъ и вопросъ, что признавать наслажденіемъ. Возможно больше пріобрѣтеній съ меньшимъ трудомъ: слѣдовательно оконча-

тельная точка — пріобрѣтеніе или доступность *всего* безъ *всякаго* труда. Слѣдовательно, окончательная точка *досугъ*. Слѣдовательно—пустота, не наполненное время, потому что пища переваривается безъ жвачки. Отсюда оказывается, что сама экономическая цѣль есть средство для другой цѣли, или наполненіе, точнѣе — равновѣсіе растительной жизни есть средство для другой, духовной, и въ ней получаетъ смыслъ. Узломъ-же служитъ половая потребность или воспроизведеніе, которое впрочемъ не неизбѣжно для духовной жизни и вовсе опять неспособно наполнить досуга. Воспроизведеніе, достигаемое удовлетвореніемъ половыхъ потребностей, облегчаетъ удовлетвореніе потребности въ духовной общительности. Но и оставленный себѣ индивидуумъ остается не безъ духовныхъ утѣшеній *созерцанія* (въ обширномъ смыслѣ, въ томъ числѣ эстетическаго) и *мышленія*. Совершается духовная работа, духовный обмѣнъ, духовное питаніе: употребляемъ эти экономическіе термины.

Спустимся въ низшую животную жизнь. Помимо ѣды, спанья и половыхъ процессовъ, мы видимъ *игру*, имѣющую чисто-гимнастическое, растительное значеніе, но свидѣтельствующее о досугѣ и намекающее на высшій процессъ, открывающійся только въ человѣкѣ, который между прочимъ одинъ способенъ даже къ *воздержанію*, то есть властенъ даже увеличивать досугъ и расширять время для духовной жизни.

Уже по этой одной способности къ воздержанію духовная жизнь есть не только цѣль растительной, но она ею и управляетъ; она даетъ бытіе самой экономіи, служитъ основаніемъ матеріальнаго прогресса. Не руки работаютъ надъ природою, изготовляя изъ нея способное къ растительному усвоенію благо, а *разумъ*. Поступая по методѣ Смита, при

отыскиваніи экономическихъ факторовъ, мы должны-бы признать, что субстанціей всякой стоимости есть не трудъ, а умъ, потому что самъ трудъ въ томъже, даже болѣе точномъ смыслѣ, есть воплощеніе ума, какъ продуктъ есть воплощеніе труда. Трудъ есть не элементъ, вошедшій въ химическій составъ продукта, а сила, приложенная къ матеріалу, двигатель. Двигатель-же рукъ есть умъ. Слѣдовательно стоимость приходится измѣрять количествомъ потраченнаго ума. Но здѣсь всякая мѣра исчезаетъ. Умъ рабочаго пожалуй можно отожествить съ его руками и назвать общимъ именемъ труда. Умъ въ этомъ случаѣ есть только маятникъ; но функція ума не ограничивается этимъ. Умъ распорядителя, умъ предпринимателя, умъ наконецъ изобрѣтателя: въ какомъ количественномъ отношеніи стоятъ они къ своему исполнителю—рукамъ? Во всякомъ случаѣ и съ этой точки зрѣнія трудъ не есть ни источникъ, ни мѣритель цѣнности; то и другое есть умъ, истинная субстанція цѣнности. Умъ есть изобрѣтатель, слѣдовательно родоначальникъ *стоимости;* онъ-же есть цѣнитель, ибо опредѣляетъ потребности, которыя не представляютъ въ себѣ твердаго и неизмѣннаго; слѣдовательно основаніе *цѣнности*, и слѣдовательно субстанція въ обоихъ направленіяхъ. Взявъ въ руки кусокъ хлѣба, я, по рецепту Смита и его послѣдователей, чтобы доискаться до началъ его стоимости, долженъ представить себѣ всю цѣпь рабочихъ, вспахавшихъ поле, посѣявшихъ, смоловшихъ, испекшихъ, продавшихъ хлѣбъ. Нѣтъ, чтобы быть справедливымъ и послѣдовательнымъ, я вспомню объ изобрѣтателяхъ огня, жернова, сохи, печи, закваски, телѣги и проч. и проч. Въ хлѣбѣ воплощены всѣ эти изобрѣтенія, воплощены всѣ распоряженія по посѣву, размолу, перевозкѣ и печенью, всѣ наблюденія за всѣми послѣдовательными процессами; механическій-же про-

цессъ, въ томъ числѣ и исполненный руками рабочихъ, есть только примѣненіе. Заслуженно-ли будутъ пользоваться рабочіе продуктомъ этихъ своихъ трудовъ или ихъ эквивалентовъ? Очевидно нѣтъ, когда представимъ въ живыхъ всѣхъ не только наблюдателей и распорядителей, но и всѣхъ изобрѣтателей до изобрѣтенія огня включительно. Пусть матеріализмъ настоящаго вѣка отвергнетъ раздѣленіе функцій труда на низшія и высшія, и умственную дѣятельность уравняетъ съ физическою. Но остается вотъ разница: изобрѣтатель незамѣнимъ; онъ есть монополистъ по природѣ, а мускулы замѣнимы. И не только изобрѣтатель, но распорядитель и наблюдатель. Не всякій рабочій способенъ быть десятникомъ, а всякій десятникъ есть уже способный рабочій. Способность къ мускульной работѣ есть перейденная ступень. А слѣдовательно интеллектуальная сила есть не спеціальность, а высшая функція, Mehrwerth, добавочная стоимость, употребляя выраженіе Маркса, и слѣдовательно эквивалентъ, котораго заслуживаетъ умственный дѣятель за свое участіе въ производствѣ, заслуживаетъ несоизмѣримо большей преміи. *Несоизмѣримо* именно по своей незамѣнимости. Можемъ представить себѣ толпу африканскихъ негровъ, пристарленныхъ къ работѣ, которые оставленные себѣ ничего не произведутъ, или произведутъ безтолочь, а подъ руководствомъ плантатора производятъ дорогія цѣнности. Какая доля выработанной цѣнности кому принадлежитъ?

Ясно, что существующимъ экономическимъ устройствомъ болѣе всѣхъ обиженъ не рабочій, а интеллектъ. Всѣхъ менѣе заслуженно въ большей части вознаграждается именно онъ. Во всякомъ случаѣ совершенно ложна теорема, что рабочему долженъ принадлежать весь его продуктъ, если изъ числа рабочихъ исключать интеллектъ или его уравнивать

съ прочими рабочими по числу лицъ или рабочихъ часовъ. Прибѣгнемъ для ясности къ примѣру.

Работаетъ мельница. Предположимъ, какъ и бываетъ, что она есть общественная собственность. Предположимъ, что также бываетъ, что мелется зерно, снятое съ общественнаго поля и назначенное въ общественный раздѣлъ по превращеніи въ муку. Мельница работаетъ водой и утилизуетъ, какъ сплошь и рядомъ, 15% силы искусственнаго водопада. Мельникъ—догадливый: съ небольшимъ преобразованіемъ въ посадкѣ колеса и въ притокѣ, онъ доводитъ утилизацію сырой силы до 30%, не говоримъ ужъ больше. Кромѣ того подсѣкаетъ и насаживаетъ иначе жерновъ, благодаря чему получается обдирная мука, увеличивающая потребительную стоимость ея, то есть полезность, на 50%. Общество считаетъ свою выгоду. Въ разницѣ стоимости между зерномъ и мукою сбереженія оказалось ровно на 150%. Кому они принадлежатъ? Всему обществу? Это капитализмъ, совершенная несправедливость. Парнямъ, которые сыплютъ зерно, подвозятъ и отвозятъ зерно и муку, подымаютъ и опускаютъ вешки? Ихъ трудъ не прибавился ни на полчаса. А стоимость уменьшилась, или все равно сумма продукта увеличилась ровно на 150%, минусъ матеріалъ. Вся выгода истекаетъ отъ выдумки мельника, который вдобавокъ потратилъ на приведеніе ея въ исполненіе не болѣе нѣсколькихъ часовъ. А выдумка даетъ выгоды 150%, и притомъ на вѣчныя времена, слѣдовательно 150% умножатся на все время и на все количество зерна, какое будетъ только работаться на мельницѣ. Не мельникъ-ли одинъ и долженъ пользоваться? Не одинъ-ли Аркрайтъ и долженъ пользоваться всѣми выгодами бумаго-прядилокъ и притомъ на вѣчныя времена? По теоріи рабочаго вопроса должно-бы такъ, въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что на сей

разъ ни капиталистъ, ни рабочій ничего ровно не прибавили къ стоимости. Здравый смыслъ и чувство справедливости рѣшаютъ иначе, и практика въ послушаніи имъ выработала законъ половинчества. Мельнику, который-бы предложилъ упомянутое улучшеніе, общество предложило-бы раздѣлъ выгоды поровну на томъ основаніи, что если-бы не было мельницы и зерна, то и выдумка не осуществилась-бы, и наоборотъ, если-бы не было выдумки, не было-бы и сбереженія и прибавочной стоимости. Это участіе *исполу* и есть принадлежность всѣхъ непосредственныхъ, первоначальныхъ коопераціи: между прочимъ «твоя земля, мой трудъ, выработка пополамъ», тоже и «мой умъ, твой капиталъ». Половинчество есть коренной законъ, служащій точнымъ выраженіемъ взаимности, пока на степени ея одного бытія, еще не осложнившагося другими признаками. «Я безъ тебя не могу, ты безъ меня»,—своего рода супружество, равноправность. При болѣе усложненныхъ экономическихъ отношеніяхъ равноправность переходитъ въ процентное отношеніе сообразно различной степени, въ какой тотъ или другой нуждается въ участникѣ.

Законъ «исполу» есть норма, и притомъ основанная не на положительной, а на *отрицательной* оцѣнкѣ.

* * *

Собственность.

Собственность происте аетъ изъ *простора* и опредѣляется *безпрепятственностью*, и притомъ въ обоихъ смыслахъ, и 1, какъ *фактъ* и 2, какъ *право*. *Я* распоряжаюсь, потому что другіе *даютъ мнѣ* распоряжаться. Почему даютъ? Или потому что ихъ нѣтъ, я одинъ; или потому что не смѣютъ: я буду защищаться, прогоню, можетъ быть и убью ихъ; или потому что сами находятся или надѣются находиться въ томъ-же положеніи собственника, по отношенію

къ другимъ вещамъ. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ право создается *спекуляціей*, рефлективнымъ путемъ. Въ первомъ-же случаѣ, когда нѣтъ соперниковъ, въ сущности еще нѣтъ собственности, и право ея опять опредѣляется предположеніемъ, что соперники *могутъ* явиться.

Слѣдовательно опредѣленіе права собственности есть внѣшнее и отрицательное. Я владѣю дотолѣ, доколѣ не отнимутъ и потому что не отнимаютъ. Пусть говорятъ, что собственность есть внѣшняя форма свободы; изъ этого еще ничего не слѣдуетъ или слѣдуетъ только, что не имѣющій собственности лишенъ свободы; но не слѣдуетъ права собственности въ смыслѣ безусловной справедливости, въ смыслѣ всеобщей обязательности уважать собственность на основаніи идеи справедливаго.

Пусть говорятъ, что собственность отъ труда. Во первыхъ, это исторически вѣрно только на половину. Но вопросъ остается: а гдѣ основаніе уважать собственность труда? Итакъ:

Право собственности есть условное право. Исторически оно начинается фактомъ перваго присвоенія. (Возраженіе, что нѣтъ *res nullius,* а каждая вещь кому нибудь уже принадлежитъ, если не частному лицу, то общинѣ или обществу или государству, не имѣетъ смысла. Оно уже предполагаетъ собственность и подставляетъ ей хозяина, тогда какъ вопросъ о первомъ ея происхожденіи. Откуда-же право у общины, общества, государства?)

Укрѣпляется согласіемъ, сначала безмолвнымъ, потомъ формулированнымъ (въ видѣ закона) другихъ.

Слѣдовательно справедливо, что собственность основывается на гражданскомъ законѣ, и потому на справедливости, такъ какъ законъ есть воплощеніе справедливости. Но справедливости, какъ ее понимаетъ общество. А потому основательно считать соб-

ственность и послѣдствіемъ договора, разумѣется подразумѣваемаго. Но сущность остается, что фактъ собственности обращается въ право, утвержденное единственно на добровольной или вынужденной уступкѣ другихъ, которые или не смѣютъ или не могутъ или не хотятъ отнимать. Совокупность трехъ основаній, абстрагированная и формулированная, и есть право, которое уже принудительно обращается на всѣхъ, кто-бы противъ него пошелъ.

Не смѣютъ, не хотятъ, не могутъ (безсильны) отнять. А почему-бы отнимать? Остается не одинъ фактъ естественной возможности отнять, но естественность желанія отнять. Естественно желаніе, потому что собственность, власть надъ вещью, есть благо, то есть предметъ или условіе къ моему питанію, и внѣшняя форма и условіе моей свободы.

Такимъ образомъ и это опредѣленіе тоже вѣрно, хотя, какъ выше сказано, само оно еще не даетъ основанія для *права*. Естественно мнѣ желать собственности, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы другіе мнѣ ее давали. Выступая во внѣшній міръ, естественное личное желаніе подчиняется условіямъ равновѣсія: оно выполняется, на сколько и доколѣ допускаютъ подобныя-же естественныя желанія другихъ лицъ.

Законъ равновѣсія есть главный въ обществѣ. Но равновѣсія, прибавлю, не механическаго и даже не просто органическаго, а органически-духовнаго. Полное равновѣсіе было-бы покой, иначе смерть, чего нѣтъ и въ неорганическомъ мірѣ, гдѣ происходитъ взаимодѣйствіе и смѣна, вращеніе міровъ, чередованіе свѣтовыхъ, тепловыхъ, магнитныхъ и электрическихъ дѣятелей, химическихъ процессовъ. Въ органическихъ особяхъ равновѣсіе устанавливается соотношеніемъ между питаніемъ и изверженіемъ. То-же въ обществѣ, какъ организмѣ, но отличіе то, что здѣсь каждая изъ клѣточекъ (индивидуумъ обладаетъ спо-

собностью самоумерщвленія и въ общемъ и въ частномъ смыслахъ. Это есть внутренняя свобода не выполнять своихъ желаній и потребностей. Ближе къ нашему предмету она опредѣлится способностью къ *воздержанію*, которое въ свою очередь упирается на *умствованіе* и на силу индивидуальной природы—противодѣйствовать исполненію естественныхъ законовъ. Такимъ образомъ здоровый членъ общественнаго организма (индивидуумъ) еще внутри себя обсѣкаетъ свои желанія и внутри себя управляетъ собою по нравственному внутреннему закону, прилаживаясь къ окружающему нравственному-же міру. Тотъ-же процессъ повторяется во всѣхъ, и тѣмъ созидается нравственное равновѣсіе общества. Отсюда, между прочимъ, и признаніе собственности въ предѣлахъ и размѣрахъ, которые установлены общепризнаннымъ закономъ.

По условности, которая лежитъ въ самомъ существѣ собственности, не допускаетъ безусловнаго отвѣта и вопросъ: должна-ли существовать или оставаться собственность? Когда толкуютъ объ этомъ вопросѣ, въ самомъ основаніи кроется неясность. Что такое собственность? Власть надъ вещію, свобода ею распоряжаться, распоряжаться во всемъ, даже до бытія ея, власть истребить вещь, какъ таковую, сжечь домъ, разбить посуду. Этому крайнему проявленію права, которое впрочемъ и есть его преимущественная характеристическая черта, подлежатъ всѣ виды собственности, за исключеніемъ однако собственности поземельной. Ее уничтожить я не могу: могу истощить, могу содержимое ею перевезти въ другое мѣсто, но пространства, ею очерчиваемаго, истребить не могу. А между тѣмъ поземельная собственность есть существеннѣйшая изъ собственностей. Такимъ образомъ самое распоряженіе, присущее собственности, является въ двухъ видахъ и состоитъ

изъ двухъ элементовъ: 1) въ преграждении доступа другимъ и 2) въ употребленіи вещи. Послѣдній элементъ имѣетъ силу только для движимаго имущества, и въ самой поземельной собственности только для того что̀ въ ней движимаго. Къ недвижимому, къ пространству право собственности является лишь въ доступѣ. Различеніе это страшно существенно, между прочимъ уже потому, что всякое движимое имущество тоже нуждается для себя въ мѣстѣ. Съ другой стороны, поземельная собственность въ большинствѣ случаевъ бываетъ лишь пользованіемъ движимостью, въ ней заключающеюся, а не властью надъ доступомъ. Дорогъ черноземъ, лѣсъ, каменный уголь, а не пространство. Пространство за то образуетъ ренту: домъ на Ильинкѣ дороже совершенно такого же на Бутыркахъ. Разница въ цѣнахъ здѣсь зависитъ отъ случайной близости къ рынку. То же повторяется и вездѣ; нечего и ходить къ длинному объясненію, представляемому Рикардо, о порядкѣ воздѣлыванія земель. Этотъ порядокъ есть приложеніе той же разности разстояній ко рту или брюху, а благороднымъ образомъ—къ рынку. Въ объясненіи Рикардо есть лишь одна особенность: указаніе на разность естественнаго плодородія. Въ сущности опять это все равно, сводится къ той-же близости, которая выражается между прочимъ въ численности населенія. Но указывается между прочимъ на даровую движимость, которая заключается въ лучшей по плодородію землѣ. Въ сущности такъ. Но не въ этомъ-же рента. Рента безразлична къ плодородію, потому что право собственности вознаграждается не одними продуктами, а и замѣщеніемъ, и притомъ однимъ замѣщеніемъ (Ильинка и Бутырки).

Кромѣ сказаннаго различенія между отношеніемъ права собственности къ пространству и къ вещамъ въ пространствѣ, необходимо прибавить еще разъ-

ясненіе, что въ самой собственности надъ вещами первый признакъ опять въ распоряженіи доступомъ. Это еще общая отрицательная черта обоимъ элементамъ собственности, за которыми слѣдуетъ относительно вещей уже право положительнаго распоряженія. Это безконечно властное распоряженіе не ограничивается правомъ потребленія въ смыслѣ удовлетворенія нуждъ, хотя это частное право и заключается какъ составная часть или послѣдствіе собственности вообще. Экономическій смыслъ собственности опредѣляется въ силу того не какъ блага, удовлетворяющаго непосредственно мои потребности, а какъ источника, откуда можетъ быть почерпнуто удовлетвореніе, иначе--какъ *обезпеченіе*. Обыкновенное словоупотребленіе не въ иномъ смыслѣ и употребляетъ выраженіе собственность, такъ что кушанье, поданное въ трактирѣ, пусть я за него и заплатилъ деньги, не назоветъ никто собственностью. Чтобы удостоиться этого названія, нужна даже предмету потребленія нѣкоторая продолжительность существованія, слѣдовательно указаніе на то, что оно не только служитъ для потребленія или потребляется, но и обезпечиваетъ на извѣстное время удовлетвореніе той нужды, для погашенія которой онъ назначенъ; напримѣръ домъ, отчасти платье, посуда и т. п.

Теперь приступаю къ анализу. Гдѣ моя неотъемлемая собственность? Во первыхъ, самъ. Власть моя надъ собою не есть собственность, но она есть, и во мнѣ есть стремленіе перенести ту-же власть на окружающее, чтобы оно было послушно мнѣ, какъ собственные члены. И она распространяется естественно.

1) Пространство никому не принадлежитъ, но то, что въ пространствѣ, можетъ кому нибудь принадлежать, даже какъ составная часть индивидуума. Коса, хотя и отрѣзанная, есть несомнѣнная принадлежность той, у кого она отрѣзана.

Библіотека Наук

2) Готовое благо, находящееся въ пространствѣ, можетъ кому нибудь принадлежать въ томъ смыслѣ, что никому другому не принадлежитъ. Сорванный плодъ въ безлюдной пустынѣ становится принадлежностью сорвавшаго съ минуты присвоенія, отличаясь отъ органической части индивидуальнаго состава лишь формально.

3) Какъ самъ индивидуумъ не безпространственнъ, но имѣетъ очертаніе, то по крайней мѣрѣ та доля пространства, которая занимается его массою, должна считаться его принадлежностью.

4) Доля пространства, необходимая для помѣщенія индивидуума, и доля готовыхъ благъ, ему доступная, не ограничивается предѣлами массы даже у растеній, организмовъ, лишенныхъ самодвижности. У организма самодвижущагося кругъ естественно расширяется, и предѣлы принадлежности опредѣляются не отношеніями индивидуума къ мертвому пространству, а отношеніемъ силы самодвиженія къ живому сопротивленію, иначе сказать—опредѣляются *соціально*.

5) Законъ распредѣленія принадлежностей есть законъ равновѣсія, механико-химическаго у растеній, животно-физическаго у животныхъ, животно-духовнаго у человѣка.

6) Человѣчество состоитъ не изъ индивидуумовъ, а изъ органическихъ групъ, которыя признаютъ себя и признаются за индивидуумы, каждый членъ котораго есть самостоятельный индивидуумъ, не переставая быть частью другаго индивидуума. Сіамскіе близнецы—група и вмѣстѣ индивидуумъ въ одномъ организмѣ. Супружеская чета, мать съ ребенкомъ въ извѣстные моменты даже физически представляютъ единое.

7) Групы-индивидуумы способны къ безконечному продолженію, преемственно смѣняя отдѣльныя части, безъ разрыва своего единства не только въ настоя-

щемъ, но въ прошедшемъ и будущемъ, состоя первоначально изъ $a+b$, переходя въ $a+b+c+d$, затѣмъ въ $a^2+b+c+d$, потомъ $b^2+c+d+f$ и такъ далѣе до безконечности.

8) Единство сложныхъ индивидуумовъ, сообразно съ вышесказаннымъ, распространяетъ предѣлы принадлежности еще далѣе и въ ширь и въ глубь, пространство и время, ограничиваясь живыми сопротивленіями уже не индивидуумовъ, а групъ.

9) *Собственностью* или *имуществомъ* условлено называть совокупность внѣшнихъ благъ, признанныхъ неприкосновенною принадлежностью индивидуума или групы. Внутренній моментъ собственности есть полнота распоряженія благами, къ которымъ на низшихъ ступеняхъ культуры причисляемы бываютъ даже живые люди.

10) Законъ животно-духовнаго равновѣсія, которому подчинено распредѣленіе имуществъ, получаетъ различное примѣненіе, смотря по различному сочетанію двухъ противоположныхъ факторовъ: силы и доброй воли, эгоизма и любви.

11) Разъ достигнутое равновѣсіе, повторяясь однообразно въ частныхъ фактахъ, образуетъ *гражданскій порядокъ*, находящій себѣ выраженіе въ *гражданскомъ законѣ* на основѣ *обычая*.

Управляющимъ закономъ въ распредѣленіи собственности остается все-таки равновѣсіе, и естественнымъ побужденіемъ къ ней остается все-таки стремленіе обезпечить себя. Такъ какъ сочетанія силы и доброй воли все-таки различны, и такъ какъ самыя силы групъ различны, и это различіе усложняется еще исторически, то размежеваніе собственности можетъ доходить и доходитъ до того, что индивидуумы и цѣлыя групы могутъ оказываться лишенными всякой собственности. Могутъ быть два примѣра,—древности, гдѣ самъ человѣкъ становился

предметомъ собственности, и—современной цивилизаціи, гдѣ пролетарію остается власть единственно надъ собою, а остальное онъ долженъ покупать. За исключеніемъ дорогъ, площадей и рѣкъ, все состоитъ въ чьей-нибудь частной собственности. Сообразно съ экономическимъ смысломъ собственности, цѣлая половина народа остается слѣдовательно безъ обезпеченія. Однако и этого нельзя утверждать безусловно, и чтобы разъяснить истинное положеніе, необходимо войти въ разсужденія, что собственность, какъ всякая цѣнность, можетъ быть конкретная и отвлеченная, реальная и мнимая. Сосѣдъ мой владѣетъ домомъ, я нѣтъ, но домъ сосѣда у меня заложенъ. Сосѣдъ имѣетъ реальную власть надъ домомъ, я мнимую или точнѣе—оба мнимую, и оба въ сущности отвлеченную, хотя сосѣдъ распоряжается конкретной вещью. Но право его ограничено, какъ и мое. Обезпечены-же мы оба, и тою-же собственностью. Слѣдовательно отсутствіе конкретной собственности само по себѣ еще не есть отсутствіе обезпеченія. Необезпеченность начинается съ той минуты, когда я не имѣю ничего ни реально, ни отвлеченно. Современная наука и имѣетъ въ виду это различеніе, когда дѣлитъ общество на имущихъ и неимущихъ, но не вполнѣ правильно ставитъ вопросъ, отсюда вытекающій. Правильно-ли, что 1) одни ничего не имѣютъ, 2) другіе много имѣютъ? Двѣ половины вопроса, и каждая допускаетъ два отвѣта. Соціалистическая школа отвѣчаетъ отрицательно на обѣ половины; манчестерская на обѣ утвердительно; но утвержденіе или отрицаніе одной половины еще не влечетъ необходимо къ подобному-же отвѣту на другую половину. Отъ ложной постановки выходитъ и ложное послѣдствіе. По однимъ statu quo должно быть оставлено: laissez faire, laissez passer. По другимъ, исправленіе должно состоять или въ коммунизмѣ или въ коллективизмѣ,

то есть если не въ разграбленіи имуществъ, то въ приведеніи общества къ такому положенію, чтобы въ будущемъ по крайней мѣрѣ не было преимущества въ имуществѣ.

Правильно-ли, что одни много имѣютъ?—Само по себѣ правильно, но когда рядомъ другіе ничего не имѣютъ, неправильно.

Правильно-ли, что существуютъ ничего не имѣющіе?—Неправильно во всякомъ случаѣ и безусловно и относительно.

Истина этого положенія требуетъ раскрытія.

Объ *естественномъ* правѣ или *неправѣ* здѣсь не можетъ быть и рѣчи, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго. Справедливость гражданскаго порядка есть относительная справедливость, только равновѣсіе, условливаемое взаимными уступками. Въ томъ и заключается погрѣшность школъ, что та и другая построиваютъ порядокъ на безусловномъ началѣ. Laisser faire желаетъ видѣть въ граж анскомъ порядкѣ естественно-историческій фактъ и обращается за оправданіемъ его къ естественно-историческимъ законамъ, какъ безусловнымъ. Соціалистъ требуетъ отвлеченной безусловной справедливости. Послѣдній не правъ вдвойнѣ, потому что самое понятіе о справедливости беретъ изъ круга идей, которыхъ самъ-же онъ не признаетъ. Государство признаетъ извѣстный порядокъ въ распредѣленіи богатствъ. Оно поступило-бы даже несправедливо, когда-бы вздумало преобразовать его на основаніяхъ безусловной справедливости, т. е. признаваемыхъ имъ за таковыя. 1) Оно есть только часть современнаго человѣчества, 2) оно есть только моментъ въ собственной исторіи. Кто-же его поставилъ судьей надъ всѣмъ человѣчествомъ и гдѣ его полномочіе отъ будущихъ поколѣній? При понятіи о справедливости предполагается понятіе о свободѣ, безъ чего справедливость есть не болѣе

какъ математическое равенство. А допустивъ свободу, неизбѣжно придемъ къ заключенію, что единственное право у каждаго есть право на самоотреченіе. Въ этомъ смыслѣ и общество или государство въ правѣ только на самоотреченіе и притомъ только отъ себя, то есть отъ того что ему принадлежитъ какъ обществу, и именно какъ части и какъ моменту. Съ другой стороны, нельзя отрицать и самостоятельное значеніе общества, независимое отъ индивидуумовъ, къ чему приходимъ, становясь на почву манчестерской теоріи. Даже та свободная игра личныхъ эгоизмовъ, въ которой одной теорія находитъ и источникъ и существо экономической жизни, возможна только при существованіи общественности, то есть извѣстнаго порядка, извѣстной взаимнозависимости частныхъ лицъ одного отъ другаго и всѣхъ отъ своей высшей собирательной единицы. Каждое отдѣльное лице, прежде чѣмъ стать активнымъ экономическимъ факторомъ, прежде чѣмъ быть сознательною личностью, есть уже гражданинъ: онъ рождается въ извѣстныхъ государственныхъ и общественныхъ условіяхъ.

* *
*

(По прочтеніи Джорджа).

Трудъ есть содѣйствіе природѣ къ изготовленію вещей въ той формѣ, въ какой онѣ годны для потребленія.

Природа, такимъ образомъ, есть главный дѣятель и остается имъ. Содѣйствіе ей можетъ быть большее и меньшее, стремленіе человѣка и человѣчества— ограничить свое содѣйствіе *minimum*'омъ и заставить природу работать на себя.

Домъ. Вся забота ограничивается поддержаніемъ его. Издѣліе труда, вещь, въ настоящемъ случаѣ домъ, ввѣряется законамъ тяжести, упругости, скважности. Мое дѣло наблюдать, чтобы тѣ-же физиче-

скія свойства не переняли въ разрушеніе, содѣйствовать равновѣсію.

Поле. Я вспахалъ, взбороновалъ, посѣялъ. Дальнѣйшую работу ввѣряю природѣ, дожидаясь времени, когда мнѣ останется только собрать ею приготовленное.

Скотъ. Онъ гуляетъ на волѣ, самъ о себѣ заботится, самъ себя прокармливаетъ. Мнѣ остается заколоть его, когда нужно мясо, или стричь и доить періодически, когда нуждаюсь въ шерсти иль молокѣ.

Фабрика. Работаютъ вода, огонь, искусственные пальцы. Они кушаютъ и извергаютъ, подобно скоту, и приготовляютъ издѣліе, подобно полю.

Вездѣ работаетъ природа, но содѣйствіе человѣка требуется въ разной степени.

Когда вещь природою, при содѣйствіи труда, приведена въ видъ мнѣ нужный (годный для моего потребленія, принаровленный), она есть *капиталъ*,—дотолѣ пока не потреблена, не возвратилась въ прежній видъ, не отдана обратно природѣ въ разложенномъ видѣ. Не только фабрика, домъ, скотъ, но и зерно и самое поле есть капиталъ. Поле безъ поддержки глохнетъ, какъ и скотъ безъ надзора дичаетъ; то и другое возвращается въ состояніе природы. Капиталъ есть покоренная природа, въ какомъ-бы видѣ ни на есть; то ько степени участія человѣческаго разныя, начинаясь отъ величины почти равной нулю и доходя въ другомъ концѣ къ такому напряженію, гдѣ дѣйствіе природы доходитъ почти до нуля. Скотоводъ на одномъ концѣ, ремесленникъ на другомъ.

То что достигнуто трудомъ, есть заработокъ, а капиталъ и заработокъ, согласно вышесказанному, одно и тоже; разница, съ котораго конца смотримъ. *Откуда*—заработокъ; *куда*—капиталъ. Оставляя заработокъ капиталомъ, я хочу, чтобъ трудъ мой кончился, по крайней мѣрѣ дошелъ до возможнаго *minimum*'а, чтобы природа работала на меня даромъ.

Говоря обыденнымъ языкомъ, я желаю имѣть *доходъ*, и онъ долженъ послѣдовать, въ чемъ-бы ни состоялъ мой заработокъ. Я ткачъ, получилъ за свою работу деньги, но я на нихъ куплю теленка, который черезъ два года будетъ коровой, или цыпленка, который черезъ годъ будетъ курицей, приносящей плодъ независимо отъ моихъ усилій. Слѣдовательно капиталу присуща способность давать самостоятельный доходъ, самостоятельный разумѣется въ относительномъ смыслѣ. Слѣдовательно процентъ есть заработокъ, продолжающійся съ моего заработка съ постепенно уменьшающимся моимъ участіемъ, заработокъ во второй степени, можно такъ выразиться, a^2.

Какъ же этотъ заработокъ во второй степени, a^2, достигается? Разнымъ образомъ, смотря потому, сколько я себѣ оставляю участія. Я покупаю курицу, но могу отдать деньги другому, который купитъ курицу или что другое. Я разработалъ участокъ, повырылъ пни, распахалъ и посѣялъ, да не пшеницу, а траву, часть пустилъ подъ садъ. Садъ и трава берутъ меньше труда. Обращаюсь за примѣромъ къ орѣховому дереву; впрочемъ и луговина хорошій примѣръ.

Отсюда слѣдуетъ, что между *рентой* и *процентомъ* нѣтъ существеннаго различія; то и другое берется за даровыя силы природы; съ другой стороны между капиталомъ и поземельной собственностью исчезаетъ различіе; собственность обращается въ такой-же капиталъ, съ разницею единственною, относящеюся къ удободвижимости капитала въ тѣсномъ смыслѣ, чего нѣтъ за собственностью. Это выяснится изъ теоріи *найма* и *займа*.

Языкъ различаетъ эти два понятія. Оба они означаютъ временное пользованіе, оба предполагаютъ доходъ; но *заемъ* спеціально относятъ къ деньгамъ и къ операціямъ, существенно связаннымъ съ мѣною, чего въ *наймѣ* не предполагается. Кредитуясь, я

обязываюсь возвратить лишь равноцѣнную стоимость, а нанимая возвращаю самую вещь, которую нанялъ: домъ, землю, фабрику. Наемъ и заемъ, во всякомъ случаѣ, различаются только формально.

Какъ понимать наемъ? Я понимаю его какъ *отступное*. Я не хочу засѣвать своего поля, косить траву на своемъ лугу, собирать плодовъ съ своего сада, производить работы на своей фабрикѣ; или другой я желалъ-бы и сѣять и плоды собирать и фабриковать, но не имѣетъ гдѣ и надъ чѣмъ проявить свой трудъ. Совершается сдѣлка, по которой одинъ даетъ, другой получаетъ все, что способна дать вещь, за вычетомъ заработной платы. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ имуществъ, напримѣръ фабрика или поле, требуютъ сверхъ того еще и капиталъ значительный (незначительный требуется и для луга съ садомъ), но отбросимъ-ли его, или приложимъ, все равно, наемная плата будетъ дана за даровыя силы, даровыя *воспроизводительныя* силы природы, заключенныя въ полѣ, садѣ, машинѣ, а кстати и въ сырьѣ, зернѣ или хлопкѣ, которые играютъ въ отношеніи къ труду ту же роль, что поле или фабрика сами по себѣ. Откуда эта даровая сила, отъ природы или отъ труда, это безразлично; то и другое уравнивается: натурально-черноземная земля потребуетъ за себя столько-же, сколько доведенная до черноземности удобреніемъ, и въ этомъ-то смыслѣ рента сливается съ процентомъ, и законъ ренты повидимому долженъ получить иное объясненіе, нежели даетъ ему Рикардо.

* * *

Капиталъ—сбереженый трудъ. Не точно. Сбереженое издѣліе, то есть продуктъ труда.

Трудъ—есть процессъ, приложеніе рукъ къ матеріалу. Да рукъ-ли однихъ? Силъ физическихъ и нравственныхъ. Результатъ—преобразованіе матеріала

или перемѣщеніе; самое преобразованіе можно разсматривать какъ перемѣщеніе.

Итакъ, съ одной стороны матеріалъ, съ другой— трудъ. Матеріалъ есть всякое вещество, не только земныя произрастенія и земля, но самый воздухъ и свѣтъ.

Всякій матеріалъ, прежде чѣмъ испытать на себѣ дѣйствіе труда, то есть рукъ человѣческихъ, подлежитъ дѣйствіямъ природы и продолжаетъ имъ подлежать. Такимъ образомъ собственно два дѣятеля надъ матеріаломъ: природа и искусство, физическіе законы и трудъ человѣка. Самый трудъ подлежитъ также физическимъ законамъ, а равно и пользуется ими, подставляя имъ матеріалъ. Физическій законъ такимъ образомъ есть орудіе производства, если употребить этотъ экономическій терминъ, и именно дѣйствующій 1) независимо отъ человѣка и 2) управляемый имъ.

Посмотримъ, что такое будетъ *капиталъ*, если разумѣть подъ нимъ орудіе.

Руки—капиталъ.

Здоровье—капиталъ.

Умъ—капиталъ.

А физическій законъ въ смыслѣ орудія есть-ли капиталъ? Капиталъ предполагаетъ возможность имъ распорядиться. Воздухъ, свѣтъ, тяжесть, которые суть дѣятели—не капиталъ, потому что не составляютъ частной принадлежности. Это общій капиталъ человѣчества. Слѣдовательно капиталъ предполагаетъ собственность, и какъ таковую именно частную собственность. Потому кромѣ

1. собственныхъ рукъ и ума, можно располагать
2. чужими руками—рабство,
3. механическими орудіями—топоръ, пила, или животною силою—лошадью, воломъ.

Опредѣленіе «капиталъ—сбереженый трудъ» указываетъ на происхожденіе; «капиталъ—орудіе»—примѣненіе; существо капитала не опредѣляется.

Капиталъ есть нѣчто способное быть употребленнымъ въ орудіе производства, и онъ есть какъ таковой именно пока не приложенъ. Самый трудъ есть не что иное, какъ приложеніе капитала, сперва первичнаго, каковы руки, или вторичнаго, каковы животныя и машины. Трудъ безъ капитала невозможенъ, имъ предполагается капиталъ, и слѣдовательно все сводится къ принадлежности, собственности, праву и возможности распоряженія, и во вторыхъ къ лишнему орудію, которымъ располагаетъ работникъ кромѣ рукъ.

Трудъ есть отличительная черта человѣка, если его разсматривать, какъ орудіе производства, а не потребленія. А въ этомъ смыслѣ единственно и правильно его пониманіе. Животное не производитъ, а только потребляетъ. Оно производитъ только дѣтей, но не въ смыслѣ капитала для добычи, для дальнѣйшаго производства. Человѣкъ — творецъ, и въ этомъ его особенность. Пчелы строятъ ульи и берегутъ медъ, бобры—цѣлыя государства, бѣлки и муравьи сберегаютъ запасы. Это не капиталъ; это виды и степени потребленія. Остатокъ отъ потребленія становится тогда капиталомъ, когда онъ становится для новаго производства, которому въ силу этого нѣтъ конца.

Выводъ отсюда странный повидимому, но достовѣрный, что человѣкъ—капиталистъ по природѣ и потому, что онъ человѣкъ.

Чтобы подойти къ понятію поближе, необходимо условиться, что *трудъ есть покореніе природы*. Это опять есть не потребленіе. Кто потребляетъ, тотъ не покоряетъ природы, а живетъ съ нею общею жизнью, но тотъ покоряетъ природу, кто управляетъ физическими явленіями, обращаетъ физическій за-

конъ себѣ въ послугу, не только пользуется тѣмъ, что даетъ природа, но заставляетъ ее давать. Корабль, разсѣкающій волны при пособіи парусовъ или пара, земледѣлецъ, бросающій сѣмена по взборонеиой землѣ, — вотъ покорители природы. Она покоряется одноличною силою, еще лучше многоличною, но *посредствомъ ея же самой*. Помимо безъискусственнаго міра природы, человѣкъ создаетъ новый, искусственный міръ природы-же, противопоставляя ей же ее и побѣждая ея безцѣльное бытіе, которое обращаетъ въ цѣлесообразное, въ *полезное*. Природа, какъ созданный человѣкомъ дѣятель противъ природы-же, есть капиталъ. Послѣ того можно спросить: откуда-же онъ, какіе его виды и какое употребленіе?

Первый шагъ побѣды надъ природою есть пріобрѣтеніе независимости отъ нея,—побѣда отрицательная. Природа повинуется своимъ законамъ, не справляясь съ нуждами человѣка: она сегодня родитъ пшеницу, завтра сорную траву, родитъ снѣдь тамъ, гдѣ ея не нужно, а гдѣ есть люди, тамъ не даетъ ничего или даетъ мало сравнительно съ ихъ числомъ. Отсюда стремленіе обезпечить себя преодолѣніемъ пространства и времени, принести нужное издалека и запасти лишекъ на будущее время. Способами служатъ опять тотъ-же *трудъ* и *экономія*. Трудъ эластиченъ, можетъ готовить болѣе чѣмъ на потребленіе, и природа человѣка эластична, способна къ воздержанію. Строго говоря, запасъ и цѣлесообразное (полезное) перемѣщеніе продуктовъ (издѣлій) еще не есть капиталъ; пчелы, какъ сказано, собираютъ не капиталъ. Но запасы получаютъ характеръ капитала съ той минуты, какъ назначаются не на потребленіе, а на производство; капиталъ существенно есть производитель. Потому и запасъ можетъ быть капиталомъ, коль скоро назначается или обращается на производство; а такъ какъ производство человѣку отличи-

тельно существенно, то въ этомъ смыслѣ и запасъ можетъ быть признаваемъ за капиталъ, потому что онъ есть человѣческій, потому что самые мускулы суть капиталъ, а пища или одежда равносильны въ этомъ случаѣ маслу для смазки машинъ. Сущность лишь въ перестановкѣ отношеній: не трудъ становится источникомъ продуктовъ, а продукты, въ смыслѣ капитала, родителемъ труда.

Во всякомъ случаѣ это есть первое выраженіе капитала, между прочимъ порождающее *плату* и *мѣну*. Сбереженые продукты порождаютъ трудъ не того, кто сберегъ, а другаго. У одного сбереженъ хлѣбъ или уродился въ излишкѣ, другой нуждается. Избыточествующій предлагаетъ неимущему хлѣбъ за его трудъ. Излишекъ времени, которымъ располагаетъ неимущій, служитъ къ увеличенію производства у имущаго. Вотъ зерно, изъ котораго выростетъ понятіе *дохода* и *процента*, и вмѣстѣ понятіе *кредита* и *денегъ*. Но существенна здѣсь *неистребимость* капитала и способность его къ *творчеству*. Послѣднее яснѣе означается во второмъ видѣ капитала, въ орудіяхъ производства. Уже земледѣлецъ или часть его труда обращается въ орудіе, когда онъ платитъ своимъ трудомъ за удѣляемый ему запасъ. Но помимо запаса, по существенной эластичности труда и потребленія, сбереженое время можетъ быть употребляемо на приготовленіе пособляющихъ орудій труду. Дикарь на досугѣ обдѣлываетъ каменный топоръ, укрощаетъ лошадь, пріучаетъ овцу. Процессъ тотъже, разница въ непосредственности, въ томъ что непосредственно изъ природы-же создаются пособники труду. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ процессѣ есть *изобрѣтеніе*, истинное начало человѣческаго творчества во всѣхъ видахъ, и притомъ безконечное. Каменный топоръ есть предсказатель, что рядомъ преемствующихъ изобрѣтеній природа будетъ совершенно

покорена, и трудъ не только упраздненъ, но упраздненъ въ смыслѣ тягостнаго напряженія, сведенъ къ *minimum*'у. Природа будетъ служительницею, мановенія перста достаточно будетъ для полученія всѣхъ предметовъ потребленія.

Страннымъ является выводъ, что капиталъ есть благодѣтель человѣчества. Однако это такъ. Смитъ основательно свелъ все къ труду, но самъ трудъ производителенъ только въ смыслѣ родотворнаго начала для капитала, а способность живить, творить, развивать остается за капиталомъ. Если перескочить отсюда къ современнымъ соціальнымъ вопросамъ, задача должна быть выражена обратно существующему. Война должна быть объявлена не противъ капитала, а противъ труда. Понятно, что подъ капиталомъ и трудомъ разумѣются не капиталисты и трудящіеся, а капиталъ и трудъ сами въ себѣ. Въ стадіи, на которой теперь стоитъ процессъ человѣчественнаго развитія, возмущаетъ неравномѣрность распредѣленія, незаслуженность богатства и кажущаяся незаслуженность угнетенія трудящихся. Неравномѣрность фактически существуетъ, но *незаслуженность* есть пришлый терминъ, понятіе, взятое не изъ экономической сферы, нуждающееся еще въ своемъ оправданіи. Найдетъ-ли оно еще его? Съ экономической точки зрѣнія можно ли ставить вопросъ о заслугѣ или незаслугѣ? Это вопросъ о справедливости, сфера понятій нравственная. Подойти къ ней нужно съ понятія о *собственности*. Возмущаетъ не капиталъ, а принадлежность капитала не тому, кто имѣетъ повидимому на него *право*. А право что такое? Въ немъ два элемента, элементъ *справедливости* и элементъ силы, точнѣе— насилія, принужденія. Я имѣю *право*, положимъ, на что? Ну, хотя жить въ этомъ домѣ, потому что я за него заплатилъ, или плачу наемную плату, или получилъ въ наслѣдство, а не то въ даръ. *Справед-*

ливо жить въ домѣ тому, кто за него заплатилъ, его нанялъ, получилъ его по добровольной отдачѣ. Это—первое положеніе. А второе: если-бы кто вздумалъ отнять его, у того отнимутъ и отдадутъ кому справедливо или даже не допустятъ, въ обоихъ случаяхъ—силою. Сила, поставленная для фактическаго утвержденія справедливости, задняя сторона права. Справедливость—передняя или пожалуй внутренняя. Но что такое сама справедливость, откуда она, на чемъ она имѣетъ основаніе? Откуда это *должно* и почему оно должно существовать, да еще въ господствующемъ положеніи къ *силѣ*? Не одна-ли сила и должна быть началомъ? Или, вычеркнемъ это *должна*, не одна-ли сила и есть законъ и основаніе? Послѣдняя точка есть точка реализма и позитивизма, и единственная ему приличная. Борьба за существованіе, сила — единственный законъ. И сама справедливость будетъ поэтому мнѣніемъ, и болѣе ничего. Фактъ силы установилъ мнѣніе и поддерживаетъ силою. Но такъ-ли? Стало быть міръ есть Англія съ преобладающимъ парламентскимъ большинствомъ? Большинство постановило, и народъ повинуется на томъ основаніи, что если-бы онъ отказалъ въ повиновеніи, то большинство его принудитъ силою? Происходитъ банковый переводъ, сложеніе и вычитаніе, разница уплачивается. Зачѣмъ спорить? Если дойдетъ до фактическаго сопротивленія, насъ побьютъ и все-таки заставятъ. Но однако и англійскій парламентъ и вся исторія двигаются къ справедливому не въ смыслѣ борьбы за существованіе, то есть права сильнаго, а наоборотъ къ справедливому, какъ отрицанію или возможному ослабленію силы. Это даетъ понять, что справедливость, какъ подкладка права, имѣетъ другое основаніе, а не ту-же силу, которая служитъ ей поддержкою.

Разсмотрѣно было логическое происхожденіе капи-

тала или его первоисторическое, его перворожденіе. Чтобы выяснить его теперешнее распредѣленіе, нужно прослѣдить фактическую исторію человѣчества и ея дѣятелей въ частности. Но чтобы раскрыть вопросъ въ надлежащей ясности, надлежитъ обратиться къ *собственности*, что она такое въ логическомъ и своемъ перворожденіи? Откуда она? Кстати, и войти подробнѣе въ *плату*, *кредитъ*, *деньги*, которыя намекались въ понятіи о капиталѣ при первомъ-же его образованіи.

* * *

Руки (и умъ) *мой* капиталъ. Здѣсь повидимому не можетъ быть рѣчи даже о правѣ, которое можетъ быть и въ положеніи неосуществляемаго. Они мои, это фактъ, со мной нераздѣлимый. Однако мое можетъ быть не моимъ; это зависитъ отъ того, что кромѣ рукъ дѣятель во мнѣ и умъ. Руки во-первыхъ можно еще связать, лишить меня дѣйствія; это отнятіе моего способомъ отрицательнымъ, но мой умъ можетъ отречь мои собственныя руки отъ меня и послать ихъ на работу для другаго. Источникъ рабства въ рабѣ есть его умъ, нравственная сторона; всякое рабство есть нравственное. Взятому въ неволю велятъ работать; если не работаетъ — бьютъ. Внутри раба происходитъ разсчетъ, результатомъ котораго происходитъ рѣшеніе работать хотя на другаго. Со временемъ переходитъ это въ привычку, чрезъ поколѣніе —въ преданіе и даже въ убѣжденіе о справедливости: «господинъ меня кормитъ, поитъ, слѣдовательно я долженъ работать». Отсюда видно, что принужденіе можетъ дѣйствовать даже на умъ, который можетъ быть обольщенъ, придавленъ, воспитанъ въ извѣстномъ направленіи. Стоитъ вниманія непослѣдовательность, съ какою соціалисты обыкновенно и атеисты или крайніе реалисты по крайней мѣрѣ (?). Послѣдовательно нечего возмущаться какимъ-бы то

ни было рабствомъ и неравенствомъ и притязать на какую-нибудь свободу. Я запрягаю лошадь, держу ее въ неволѣ, рабочій не такая-ли-же лошадь? Или отпускай на волю лошадей со всѣмъ домашнимъ скотомъ или мирись съ положеніемъ человѣчества. Плантаторы были послѣдовательнѣе, когда однихъ негровъ выдѣляли изъ человѣчества, а бѣлой расѣ, присвоивая человѣчество, приписывали и права на свободу. Но это мимоходомъ.

Итакъ, *мои* собственно только руки, и даже только умъ, да и тотъ можетъ быть не моимъ, въ слѣдствіе внѣшняго пригнетенія. Но пригнетеніе можетъ быть даже и не внѣшнимъ, но внутри человѣческаго существа происходящимъ. Іаковъ работалъ для Лавана за Рахиль; другой Іаковъ можетъ получить руку Рахили безъ посредства третьяго лица.

Въ самомъ человѣкѣ можетъ происходить отреченіе отъ себя даже до пожертвованія жизнью. Согласимся, что здѣсь тоже пригнетеніе: умъ пригнетается страстью. Но гдѣ-же тогда искать самаго *я*, а отсюда и основанія для права? Человѣкъ обращается въ слагаемое или въ процессъ моментовъ, и всякое противопоставленіе *должно* и *есть* теряется; существующее, по Гегелю, становится разумнымъ и наоборотъ. Самое понятіе о *мое* и *твое* становится несобственнымъ, иллюзіею; все ничье, все свое, все фактъ и болѣе ничего. Оставимъ борьбу за существованіе; остальное, чѣмъ потѣшается человѣчество, въ родѣ требованія справедливости, суть только прикрасы, реальнаго значенія не имѣющія.

Но странно изо всего, имѣющаго реальное бытіе, отрицать реальность за однимъ, которое несомнѣнно реально. Понятіе о справедливости *есть*, не менѣе животныхъ инстинктовъ и борьбы за существованіе; *потребность* въ немъ есть, безъ него не обходится человѣкъ, какъ безъ логики. Требованіе справедливости

и есть нравственная логика; этимъ все сказано. Вычеркнуть ее невозможно, какъ нельзя вычеркнуть логику. Человѣкъ можетъ поступать и мыслить не логически, но безъ логики совсѣмъ человѣкъ не есть настоящій человѣкъ, точно также и безъ справедливости, отъ которой онъ можетъ также точно отступать какъ отъ логики. Чѣмъ-же очерчивается кругъ справедливости? Именно понятіемъ о *моемъ* и *твоемъ*, переходящимъ въ дѣйствіе.

***

Сила, орудіе, средства производства, *матеріалъ*. Необходимо опознаться.

Единственная производительная сила есть *природа*. А человѣкъ? Онъ есть тоже производитель, но онъ же есть самъ созданіе природы и въ трудѣ его дѣйствуетъ та-же физическая природа. Если обратить вниманіе на различіе безцѣльнаго производства, совершаемаго природою, и цѣлесообразнаго, совершаемаго человѣкомъ, то можетъ быть признанъ дѣятелемъ *умъ* человѣческій въ противоположеніи съ природою, а не мускульный трудъ.

Итакъ, человѣкъ и природа оба дѣятели, и оба могутъ стоять въ отношеніяхъ *силы* къ *орудію*. Самъ человѣкъ, въ смыслѣ мускульной силы, есть орудіе въ рукахъ природы, которая между прочимъ вложила въ него аппетитъ, разнообразя его и въ качествѣ и въ количествѣ, соотвѣтственно поставляемымъ ею условіямъ. Но и природа бываетъ орудіемъ, а человѣкъ силою, когда напримѣръ запирается рѣка и образуется, въ видѣ водопада, искусственная сила.

Сила, изъ матеріаловъ предложенныхъ природою составленная при ея пособіи человѣческимъ трудомъ, будетъ капиталъ. Онъ есть что, орудіе или сила? Опять, смотря по обстоятельствамъ: топоръ въ рукахъ плотника есть орудіе, прядильщикъ при машинѣ есть

одно изъ орудій, которымъ она дѣйствуетъ, тогда какъ она сама есть орудіе для фабриканта или частнѣе и ближе—для директора фабрики, или еще ближе—для машиниста. Силы и орудія могутъ такимъ образомъ перепутываться, мѣняться ролями.

Средства. Что такое средства производства? Домъ, въ которомъ я живу, пища, которою питаюсь, суть средства производства, въ томъ смыслѣ, что представляютъ необходимыя условія производителя. Поле, на которомъ производится посѣвъ, помѣщеніе фабрики и каменный уголь—средства, безъ которыхъ невозможно самое производство. Въ этомъ смыслѣ и *матеріалъ* можетъ быть причисленъ къ средствамъ, ибо и пища и каменный уголь тоже матеріалъ, хотя не непосредственный. Но въ точномъ смыслѣ матеріалъ нѣчто другое. Вспомнимъ метафизику, которая отличала *causam materialem*. *Causa efficiens*, кто производитъ? Человѣкъ и природа, тотъ или другой, при взаимномъ содѣйствіи, въ которомъ одинъ можетъ обращаться въ орудіе другому. *Causa instrumentalis*, орудія, чѣмъ производитъ? Средства могутъ скорѣе подходить, потому что орудія могутъ быть прямыя, ближайшія и отдаленныя; активныя и пассивныя. Пропитаніе и каменный уголь—отдаленное орудіе; помѣщеніе—пассивное орудіе; но точнѣе назвать ихъ *средствами*. Останется *матеріалъ*, вещество непосредственно преобразуемое. Результатъ работы, правда, можетъ быть сложнымъ. На обои идетъ и краска и бумага; матеріалы могутъ быть первостепенные и второстепенные. При посѣвѣ матеріаломъ служитъ не одно зерно, но отдаленнымъ способомъ и удобреніе. Только ради этой невозможности точнаго разграниченія, матеріалъ, *causam materialem*, и можно причислить къ средствамъ, по крайней мѣрѣ второстепенные матеріалы

***

Богатство, производство, потребленіе. Критика этихъ понятій у Милля. Понятіе о цѣнности, затемненное парадоксомъ Смита.

Опытъ о богатствѣ народовъ, опытъ о происхожденіи, распредѣленіи и потребленіи богатствъ, наука о матеріальномъ благосостояніи, насколько оно зависитъ отъ положеній и вещей, созданныхъ трудомъ: ни одно изъ этихъ опредѣленій не удовлетворительно, особенно послѣднее. Въ немъ прямо *petitio principii*. Благосостояніе матеріальное зависитъ отъ труда; это еще должно быть установлено въ наукѣ, а оно берется какъ готовое. Да притомъ положеніе и невѣрно: матеріальное благосостояніе лишь частію зависитъ отъ труда; природа здѣсь значитъ болѣе: благосостояніе прибрежнаго жителя южныхъ странъ иное нежели самоѣда, въ слѣдствіе географическаго положенія. Затѣмъ на благосостояніе оказываютъ вліяніе общественныя условія. Ни того ни другаго изъ условій нельзя миновать въ курсѣ политической экономіи; слѣдовательно выдѣленіе благосостоянія «насколько оно зависитъ отъ труда» неосновательно ограничиваетъ предметъ.

Терминъ *богатство* основательно обвиняется въ неопредѣленности, какъ понятіе сравнительное. Однако до смысла его добраться, во всякомъ случаѣ, легче, нежели опредѣлить «благосостояніе», которое очень условно, бывая благосостояніемъ для одного, бѣдствіемъ для другаго. Можно протестовать противъ Смитовской прибавки «народовъ». Почему не человѣчесва, почему не о богатствѣ вообще? Положенія науки, постраиваемыя на требованіи *народнаго* богатства, лишаютъ науку ея безусловности, вводятъ въ ея общія положенія теоремы, относящіяся не къ происхожденію богатствъ и къ богатству, а къ распредѣленію богатствъ. Прибавкою слова «народовъ» Смитъ желаетъ отличить коллективное богатство отъ частнаго, которое подлежитъ нѣсколько инымъ усло-

віямъ, но погрѣшилъ, остановившись на полдорогѣ, потому что коллективное богатство можетъ быть разсматриваемо какъ общечеловѣческое, въ отношеніи къ которому народъ со своимъ богатствомъ есть такое-же частное лице. Замѣчаніе это имѣетъ не одно формальное значеніе: ограниченіе предмета богатства неизбѣжно вводитъ положенія условныя подъ видомъ всеобщихъ. Иной вопросъ, имѣетъ-ли право на существованіе наука о богатствѣ вообще, когда ея еще нѣтъ. Но на этотъ вопросъ отвѣчать излишне: когда явленіе существуетъ, наука должна изучить его законы, и законы безусловные.

Итакъ, мы имѣемъ науку о богатствѣ, понятіе о которомъ должно быть опредѣлено и очищено отъ случайныхъ и относительныхъ представленій, которыя соединены съ нимъ въ житейскомъ быту. Выкинемъ во-первыхъ всякую сравнительность, отстранимъ понятіе о степени. Въ житейскомъ быту это понятіе дѣйствительно остается субъективнымъ и притомъ относительнымъ. Мужикъ считаетъ себя богатымъ, и таковымъ его признаютъ, когда у него амбары полны хлѣбомъ и скота десятки головъ, но предъ Дервизомъ онъ бѣднякъ, хотя и остается «мужикомъ» богатымъ. Дополненіе опредѣленія словомъ «мужикъ» показываетъ, что въ общемъ словоупотребленіи богатство признается явленіемъ относительнымъ, по мѣрѣ общественнаго положенія извѣстной особи. Наука, само собою, должна устранить это ограниченіе, искать въ богатствѣ признаковъ независимыхъ отъ случайныхъ признаковъ, каково общественное положеніе лица или его общественное довольство и недовольство, собственное сознаніе себя богатымъ или бѣднымъ. Нужно поискать всеобщихъ безусловныхъ признаковъ богатства, независимыхъ отъ личной оцѣнки и равнодушныхъ къ степени явленія. Существуютъ-ли такіе признаки? Ихъ отыскать не трудно, хотя-бы для тѣми-

же сравненіями степеней богатства. Дервизъ богаче богатаго крестьянскаго богача, въ этомъ согласится каждый, и сами Дервизъ и крестьянинъ. Крестьянинъ, у котораго есть запасъ хлѣба и скота, богаче у котораго нѣтъ запаса, ни скотины, а одинъ дворъ, но онъ если не богатъ, по просту прямо бѣденъ, то есть еще болѣе бѣдные, то есть менѣе богатые, нежели онъ, у которыхъ нѣтъ даже двора. Есть люди, о которыхъ говорятъ: «совершенные бѣдняки», далѣе чего уже нѣтъ степеней, гдѣ если не богатство, то противоположность его, бѣдность, является уже безусловною, а въ этомъ смыслѣ, какъ противоположность, она служитъ къ опредѣленію, въ его безусловности, и богатства. Что такое «совершенный бѣднякъ?» Тотъ кто ничего не имѣетъ. Имущество есть первый признакъ богатства, но именно только первый. При дальнѣйшемъ разборѣ само имущество дастъ спросить о себѣ, что оно такое, ограничивается-ли внѣшними вешами, имѣющимися въ моемъ распоряженіи, или охватываетъ что-либо другое. Я не имѣю ничего кромѣ носильнаго платья, но я еще не бѣднякъ, потому что имѣю руки и голову, и по истинѣ богаче крестьянина, хотя у него полонъ амбаръ хлѣба. Но во всякомъ случаѣ имущество есть твердый признакъ, и притомъ всеобщій и объективный. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ разсуждаетъ наука о богатствѣ народовъ, она разсуждаетъ о ихъ имуществѣ, и ни о чемъ другомъ, спрашиваетъ и отвѣчаетъ, откуда берется имущество, какъ оно распредѣляется и куда дѣвается. Процессъ добычи и истребленія имуществъ, законъ, которому онъ подлежитъ, условія, подъ которыми онъ развивается, вотъ ея задача. Понятіе о благосостояніи здѣсь должно быть отложено въ сторону; должно быть отстранено понятіе о самомъ человѣкѣ, о единичной и коллективной его личности. Богатство имѣетъ право быть разсматриваемо само въ себѣ; отно-

шеніе его къ субъективнымъ ощущеніямъ богачей и бѣдняковъ, видоизмѣненія, пріобрѣтаемыя имъ отъ распредѣленія между частными людьми и между народами — законный предметъ прикладной экономіи, какъ есть прикладная механика. Но прикладная механика не упраздняетъ теоретической, напротивъ имѣетъ въ ней основаніе. Такъ и экономическая наука должна изыскать чистые законы для своихъ явленій, которыя суть не менѣе самостоятельныя явленія, какъ и механическія движенія или какъ міръ искусства и науки.

* *
*

Производство и *потребленіе*. Милль и его комментаторъ связываютъ эти два момента экономической жизни вообще довольно правильно, но выводятъ примѣненія, которыя не оправдываются анализомъ явленій. И авторъ, и комментаторъ относятъ напримѣръ къ капиталу только тѣ продукты, которые тратятся производительно, а комментаторъ еще болѣе ограничиваетъ понятіе, когда за капиталъ признаетъ только продукты, «идущіе на продовольствіе работниковъ». Отсюда, всякая затрата, идущая не на продовольствіе работниковъ, стало быть не производительна? И всякая непроизводительная затрата есть затрата чего-то другаго, а не капитала? Чего-же? Сами-же мыслители употребляютъ выраженіе «капиталъ истребляется», «уменьшается». Стало быть истребляемое и уменьшаемое есть все-таки капиталъ.

Опредѣливъ, что капиталъ есть только производительно употребленный запасъ, и въ частности употребленный на продовольствіе работниковъ, естественно придти къ выводу, что продовольствіе работниковъ и производительность тожественны. Такъ и поступаютъ оба мыслителя. Немного нужно внимательности, чтобъ увидѣть натяжку, смѣшеніе понятій. Если послушать

Чернышевскаго, то каждый лишній стаканъ вина и кусокъ хлѣба, доставшійся рабочему, уже увеличиваетъ производство. Да развѣ это такъ? Развѣ человѣкъ механизмъ? Развѣ потребности не эластичны? И развѣ сумма продовольствія не можетъ измѣняться, по времени и мѣсту, оставляя производительность въ старомъ объемѣ? Вотъ тысяча, милліонъ пахарей. Завтра имъ дадимъ по полуфунту лишняго хлѣба. Эта прибавка пищи увеличитъ-ли жатву на то же количество? Понятно, увеличеніе продуктовъ произойдетъ, если эти полмилліона фунтовъ будутъ истрачены въ видѣ заработной платы другимъ рабочимъ, положимъ, до вчерашняго дня не занимавшимся пахотой. Но такъ-ли непремѣнно? Можетъ постигнуть неурожай. Можетъ самъ рабочій наработать не въ мѣру полученнаго продовольствія. За то и съ другой стороны, могутъ, при неизмѣнившейся суммѣ продовольствія, наработать болѣе вчерашняго. Словомъ, производство и продовольствіе работника стоятъ въ зависимости одно отъ другаго, но не въ такой тѣсной, чтобы ихъ отожествлять. Разберемъ, какъ смотрятъ понятія сами въ себѣ.

Продовольствіе работника есть одинъ изъ видовъ потребленія. Откинемъ на минуту представленіе о существующемъ распредѣленіи богатствъ и о существованіи класса не трудящихся. Всѣ трудятся и всѣ производятъ. Вообразимъ себѣ хотя такую общину. Итакъ, они трудятся и производятъ, короче производятъ просто, потому что производствомъ трудъ предполагается. Производятъ они вмѣстѣ и потребляютъ. Одно безъ другаго не существуетъ. Въ чемъ-же состоитъ связь?

Во-первыхъ, неосновательно признавать за чѣмъ нибудь первенство. Говорятъ: производство продуктовъ будущаго года совершается посредствомъ запасовъ отъ прошлаго. Вовсе не такъ, по крайней мѣрѣ

не безусловно такъ. Я живу на островѣ Фиджи или въ лѣсу Канады; срываю кокосъ или убиваю тетерева, кушаю и ложусь спать, покрывъ себя листьями сейчасъ нарванными. Встаю и повторяю то же. Въ какомъ смыслѣ приложима ко мнѣ приведенная теорема? А между тѣмъ все содержаніе трудящихся, за исключеніемъ продовольствія въ очень ограниченномъ смыслѣ хлѣба, именно таково. Тутъ нѣтъ прошлаго и будущаго года, а есть прошлая минута или секунда, и даже менѣе того, если говорить о цѣломъ народѣ или человѣчествѣ. Безъ пропитанія человѣкъ не можетъ жить, и однако докторъ Таннеръ постился сорокъ дней, и въ это время вѣроятно успѣлъ-бы, если-бы захотѣлъ, связать хоть пару чулокъ, то есть провести время производительно. Питаніе не есть процессъ, отъ котораго послѣ вчерашняго обѣда ничего на завтра не остается; питаніе продолжается всю жизнь, и сорокалѣтнія мышцы суть результатъ не вчерашняго дня и не прошлаго года, а всей жизни отъ рожденія. Слѣдовательно нечего говорить о продовольствіи работниковъ, какъ средствѣ производства, и притомъ единственномъ, но будемъ говорить о производствѣ и потребленіи вообще. Работникъ продовольствуетъ себя не съ тѣмъ чтобы производить, а чтобы удовлетворить свой аппетитъ; это первое. Онъ потребляетъ; самое производство есть средство для потребленія, а не наоборотъ; хотя становясь на сторону того, кто даетъ продовольствіе рабочему, оно будетъ средствомъ производства.

* * *

Понятія точнѣе всего опредѣлятся противоположеніями.

Производство и *потребленіе*, это есть точное противоположеніе. *Потребленіе* есть разрушеніе производства, точнѣе—разрушеніе *издѣлія* какъ таковаго,

обращеніе его въ вещество природы (которое, конечно можетъ служить и *матеріаломъ*).

Трудъ и *капиталъ* не противоположны, напротивъ однородны и связаны. *Трудъ*, въ смыслѣ *рабочихъ рукъ*, есть первая степень капитала. Трудъ, какъ самое дѣйствіе, есть приложеніе *капитала* къ *матеріалу*.

Итакъ, точное противоположеніе: *капиталъ* и *матеріалъ*, активный и пассивный, мужескій и женскій элементъ производства, результатомъ котораго является полезная цѣнность, какъ выражаются, но точнѣе — просто *издѣліе*. Издѣліе есть матеріалъ, преобразованный трудомъ, то есть приложеніемъ капитала.

Издѣліе отъ вещества природы отличается тѣмъ, что оно состоялось по намѣренію человѣка, для его цѣлей и его распоряженія, тогда какъ простое вещество есть дѣло случая, управляемаго безъ вмѣшательства людей.

Итакъ, противоположеніе—сила *человѣческая* и сила *природы*.

Человѣкъ есть самъ созданіе природы и силы его такія-же физическія, какъ и ея. Слѣдовательно, противополагается человѣческая *воля* физической *силѣ*, *умъ* человѣческій *закону* природы.

Различимъ *добычу* отъ *издѣлія*, просто взять или *создать*. Издѣліе предполагаетъ новый видъ вещи и трудъ, которымъ новый видъ достигнутъ.

Изъ ничего человѣкъ не можетъ создавать; онъ ограниченъ *матеріаломъ* и *орудіями*. Въ этомъ смыслѣ трудъ и есть только покоритель природы, а не создатель, и производство отличается отъ творчества и состоитъ въ преобразованіи, только перемѣщаетъ (частицы и цѣлыя тѣла).

* * *

Не менѣе понятія о трудѣ и капиталѣ требуетъ разъясненія понятіе о цѣнности, которое затемнено парадоксомъ Смита, что единственнымъ основаніемъ

цѣнности служитъ трудъ. Это не только не единственное основаніе, но даже не главное и даже не основаніе. Между тѣмъ на этомъ понятіи о цѣнѣ зиждется вся соціалистическая теорія. Смиту извинительно увлечься въ опредѣленіи, потому что онъ все сводитъ къ труду; но безпристрастный взоръ можетъ замѣтить коренное заблужденіе, заключающееся въ томъ, что въ цѣнности проглядывается существенный элементъ, *психологическій*. Цѣнность собственно и вноситъ этотъ элементъ въ экономическій процессъ, который черезъ нее перестаетъ быть чисто *физическимъ*. Пойдемъ глубже и скажемъ, что цѣнность есть отраженіе *годности* и уже въ годности лежитъ зародышъ психическаго элемента. Годность есть второй моментъ въ опредѣленіи экономическихъ явленій, первый моментъ которыхъ есть трудъ, вторая сторона дѣла, безъ которой первая теряетъ смыслъ. Цѣлый годъ я буду дѣлать кораблики изъ бумажки, которые никому не нужны, потрачу много труда, и они никому не будутъ нужны,—процессъ вовсе не экономическій, не смотря на трудъ: моимъ издѣліямъ не достаетъ годности. А годность явленіе съ одной стороны реальное, съ другой мнимое. Кринолинъ и накладная коса въ сущности вовсе не годны, но имѣютъ цѣнность. Годность опредѣляется потребностью, какъ ее сознаетъ лице: вотъ это и есть психическая сторона дѣла.

Сейчасъ сказано, что трудъ есть не только не единственное и не главное, но даже вовсе не основаніе цѣнности. Въ палящій зной арабъ стоитъ подъ пальмою въ тѣни; мѣста хватаетъ только для одного. Подходитъ другой, изнемогающій отъ зноя; собравъ всѣ силы, онъ убьетъ затѣненнаго счастливца. Но нѣтъ, у него въ карманѣ есть деньги, съ нимъ лошадь, дорогая лошадь, которую онъ любитъ больше всего. Онъ предлагаетъ счастливцу деньги, предла-

гаетъ лошадь, составляется экономическая сдѣлка: первый изъ воспользовавшихся тѣнью дерева беретъ лошадь и уѣзжаетъ. Онъ взялъ деньги и лошадь за *мѣсто*, къ которому онъ не приложилъ труда, кромѣ того что сталъ на него. Правда, и это было уже движеніе, мускулы работали, но отожествлять это движеніе съ трудомъ въ экономическомъ смыслѣ будетъ натяжкою непростительною; всякое насиліе тогда будетъ трудъ, все зданіе политической экономіи тогда переворачивается къ верху дномъ, и бароны-завоеватели окажутся производителями и законнѣйшими обладателями. Слѣдовательно трудъ не есть основаніе цѣнности, не бываетъ непремѣннымъ условіемъ ея, хотя можетъ и долженъ быть ея предметомъ, а слѣдовательно не обосновываетъ и цѣны, по крайней мѣрѣ не обосновываетъ одинъ.

Цѣна что-же такое? Цѣна есть реальное выраженіе цѣнности, какъ свойства присущаго вещи или явленію, но не явившагося. Цѣна возникаетъ изъ экономическаго сравненія вещей или явленій, имѣющихъ цѣнность, то-есть годность, опредѣляемую личнымъ сознаніемъ потребностей. Для того чтобы сравненіе явилось, необходимы другая вещь или явленіе, съ которыми-бы сравнивать. Пока вторая вещь или явленіе не показалось, первая имѣетъ цѣнность, предполагаемую на основаніи предполагаемой-же ея годности, но кому она, на сколько нужна среди другихъ экономическихъ вещей или явленій, это не раскрылось. Чтобы не запутываться существующими соціальными отношеніями, возьмемъ Робинзона, къ которому обращается Дюрингъ, но Робинзона не на Тихомъ, а на Ледовитомъ океанѣ. Робинзонъ и голоденъ и холоденъ, но голоденъ онъ отчасти, а холодъ чувствуетъ смертельно. Кусокъ рыбы передъ нимъ и шкура бѣлаго медвѣдя, мясо котораго склевано, но вотъ есть опасность, что и шерсть растащатъ. Опа-

сность и тому и другому предмету продовольствія. Трудъ дойти до шкуры и до куска одинаковъ. Робинзонъ предпочитаетъ шкуру: онъ производитъ мысленно сравненіе, спрашивая потребности своего организма, и еслибы владѣтелемъ шкуры оказался второй Робинзонъ, ему предложилъ-бы первый не одинъ, а два куска, и даже всѣ, какіе у него есть, въ надеждѣ достать кормъ, тогда какъ шкуры другой не имѣется. *Въ данное время при данныхъ обстоятельствахъ шкура безконечно дороже куска.* Да, безконечно. Смерть предстоитъ одинаково отъ холода и отъ голода, но голодная отсрочивается, а холодная неминуема.

Вступаетъ на вѣсы факторъ, который не имѣетъ цѣны, напротивъ который и порождаетъ цѣну и цѣнность, который даетъ имъ бытіе,—человѣческая жизнь, потребность самосохраненія. Борьба за существованіе есть законъ не менѣе основной въ экономической жизни, чѣмъ въ естественно-исторической; соціалисты справедливо на него ссылаются, хотя онъ ведетъ совсѣмъ къ другимъ, вовсе не любезнымъ для нихъ выводамъ. Въ данномъ случаѣ одна вещь безконечно цѣннѣе другой, потому что вопросъ идетъ о жизни. Шкура остается безконечно цѣнною и безъ куска, опять потому-же. Но представимъ и обратный случай. У обоихъ Робинзоновъ, перенесенныхъ уже съ Ледовитаго на Тихій океанъ, и пищи и одежды вдоволь; въ послѣдней впрочемъ они вовсе не имѣютъ нужды, тепло и безъ того, а чтобы покушать, имъ достаточно протянуть руку къ банану. Ни одежда, ни пища не имѣютъ никакой цѣны, но уже въ обратномъ смыслѣ, потому что онѣ безконечны даны, безконечно готовы, тогда какъ шкура Ледовитаго океана, если такъ выразиться, безконечно конечна, ограничена единственнымъ кускомъ, тогда какъ на ставкѣ безконечно цѣнный предметъ—жизнь. И тамъ

и здѣсь жизнь первымъ и послѣднимъ факторомъ; она и остается во всѣхъ дальнѣйшихъ осложненіяхъ потребностей и условливаемыхъ ими цѣнъ. Въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ жизнь является въ своемъ непосредственномъ грубомъ понятіи, но чѣмъ далѣе, тѣмъ понятіе болѣе разнообразится и утончается. Жизнь получаетъ опредѣленіе не одного избавленія отъ смерти, но отъ неудобствъ, непріятностей, скуки наконецъ; въ итогѣ все-таки это есть потребность жизни, опредѣляемая уже личнымъ сознаніемъ, личнымъ привольемъ.

Пища и одежда не имѣютъ на Тихомъ океанѣ цѣны, потому что онѣ даны, и достать ихъ нѣтъ затрудненія, не требуется напряженія. Здѣсь не указаніе-ли на трудъ? Несомнѣнно, потому что трудъ есть безспорный экономическій факторъ. Но вопросъ не о томъ, входитъ-ли трудъ въ число элементовъ цѣны, а въ томъ, служитъ-ли онъ ей основаніемъ. Цѣна дается прежде труда измѣреніемъ одной потребности. Шкура и кусокъ рыбы лежатъ передъ глазами, и притомъ на одинаковомъ разстояніи; еще не тронулась рука, чтобы достать то или другое, а онѣ уже имѣютъ цѣнность, каждая сама по себѣ и цѣну въ сравненіи одна съ другой; цѣна ихъ съ каждой минутой даже возрастаетъ одной, упадаетъ другой, по мѣрѣ чувства холода. Но вотъ замерзъ Робинзонъ, не успѣлъ окутаться; остается пустынный островъ; черезъ часъ растащатъ птицы шкуру, расклюютъ мясо. Цѣнность внезапно прекращается съ прекращеніемъ своего основанія, которое было чувство холода и голода; прекращается съ прекращеніемъ рынка. Совершенно то-же продолжается во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, гдѣ рынокъ уже не совмѣщается въ одномъ лицѣ. На томъ-же островѣ Ледовитаго океана валяются самородки золота,—какое богатство, какая ихъ огромная цѣнность! Нѣтъ,

это и не богатство и даже не цѣнность. Они цѣнность, если смотрѣть на нихъ съ луны, безучастнымъ взоромъ, отвлеченно. Они не цѣнность и въ богатствѣ не имѣютъ ровно никакого значенія, потому что не падалъ еще взоръ ни одного земнаго обитателя и ни одинъ земной обитатель не присвоилъ его себѣ. Цѣнность ихъ начинается лишь съ минуты присвоенія, первоначально оставаясь однако предполагаемою, доколѣ присвоеніе не переходитъ въ обладаніе. Для обладанія нуженъ бываетъ еще трудъ, для присвоенія никогда.

Парадоксъ о поглощающемъ значеніи труда при опредѣленіи цѣны коренится на неразличеніи существенныхъ понятій, о которыхъ сейчасъ сказано, присвоеніи, обладаніи и трудѣ, или короче—въ неясномъ понятіи о трудѣ. И присвоить вешь пожалуй тоже трудъ и захватить ее. Но тогда отказывайтесь отъ всѣхъ экономическихъ законовъ, отъ человѣческаго въ экономической сферѣ. Трудъ въ смыслѣ экономическаго фактора есть нѣчто другое, не одно движеніе мускуловъ. Тигръ, подстерегающій теленка и бросающійся на него, двигаетъ мускулами и напрягаетъ ихъ. Это простой обмѣнъ матеріи, съ равнодѣйствующими силами; качественно и теленокъ, и тигръ, и сѣроводородъ, который отдѣлится отъ тигра, когда тотъ околѣетъ, равны. Процессъ физическій, но не экономическій; экономическій начинается съ момента, когда физическое напряженіе перестаетъ быть непосредственнымъ орудіемъ непосредственнаго потребленія и переходитъ въ орудіе производства. Садясь за столъ, протягиваю руку къ хлѣбу, беру ложку, окунаю ее въ супъ, подвожу ко рту и обратно,—это не есть трудъ въ экономическомъ смыслѣ, хотя состоитъ въ движеніи и напряженіи мышцъ. Въ этомъ смыслѣ справедливѣе въ самомъ процессѣ производства дать первое мѣсто капиталу, а не труду;

трудъ есть приложеніе капитала къ матеріалу (а не обратно, какъ обыкновенно толкуютъ). Капиталомъ являются первоначально не болѣе какъ руки или ноги, но все-таки ихъ существованіе дано прежде труда, который есть уже отношеніе данныхъ капитала и матеріала. Во всякомъ случаѣ, что касается цѣны, ни трудъ, ни капиталъ не служатъ ей основаніемъ, хотя и входятъ въ нее какъ элементы. Опредѣленіе ей лежитъ не въ производствѣ, а въ потребленіи, интенсивность потребительскаго аппетита устанавливаетъ то, что̀ мы называемъ цѣною.

Ясно, что изложенныя сейчасъ отношенія въ развитой экономической жизни получаютъ видъ «предложенія» и «спроса» и что цѣну опредѣляетъ спросъ, именно спросъ, даже не отношеніе его къ предложенію. Спросъ даетъ вещи цѣнность, которой безъ него она лишена. Цѣна—какъ сравненіе цѣнностей, по мѣрѣ увеличенія его экстенсивнаго или интенсивнаго, и интенсивность болѣе имѣетъ значенія, нежели внѣшнее количество, численность, хотя въ житейскомъ быту, общественныхъ отношеніяхъ, гдѣ является на рынкѣ спросъ въ коллективномъ видѣ, то и другое количество уравниваются; интенсивность равнозначительна экстенсивности. Тѣмъ болѣе, что и предложеніе является также въ коллективномъ, а не индивидуальномъ видѣ. Равновѣсію помогаетъ особенно, что сила желанія, условливающая напряженіе, способна къ растяжимости, и по психологическому закону, вступающему здѣсь въ силу, желаніе экстенсивнымъ расширеніемъ ослабляется въ своемъ напряженіи. Законъ моды служитъ этому явленію замѣчательнымъ объясненіемъ. Психическій элементъ заслуживаетъ вообще бо̀льшаго вниманія въ политической экономіи, нежели ему оказываютъ, управляя цѣлою половиною экономическихъ отношеній.

Какъ-бы то ни было, цѣну опредѣляетъ спросъ, и

къ сожалѣнію, спросъ находится поэтому въ господствующемъ отношеніи къ труду, а трудъ въ подчиненномъ, коль скоро идетъ дѣло о реальномъ трудѣ, уже явившемся въ издѣліи. Спросъ властенъ всегда взять себя назадъ, даже если-бы угрожала опасность дѣйствительной голодной или холодной смерти; нравственная возможность пусть исчезаетъ, но физическая остается. Но трудъ лишенъ власти взять назадъ потраченный процессъ. Стоитъ, потупивъ голову, ремесленникъ, который принесъ мнѣ шкатулку въ надеждѣ, что я ее пріобрѣту. Не нужно ея мнѣ, и столяру остается надежда, не пріобрѣтетъ-ли другой, но за другимъ остается та-же физическая способность отказаться. А трудъ уже потраченъ, его воротить и привести шкатулку въ первобытное состояніе матеріала значитъ все равно погубить трудъ. Вотъ почему и соціалистъ обезпокоивается возможнымъ несоотвѣтствіемъ предложенія со спросомъ и придумываетъ статистическія бюро, которыя-бы опредѣлили заранѣе уравнительное отношеніе. Капля смысла, которая еще сохраняется въ этомъ, по сущности, химерическомъ предположеніи, заключается въ предоставленіи обмѣну исключительной формы *заказа*. При этой формѣ потребитель и производитель, спросъ и предложеніе становятся дѣйствительно на равную ногу. Но согласимся на минуту, что подобное преобразованіе возможно. Помимо всего, оно внесетъ китаизмъ, пріостановитъ всякій прогрессъ, и попросту разрушитъ экономическія отношенія, обративъ ихъ въ неизмѣнно физическія и механическія. Сущность новаго положенія заключалась-бы въ томъ, что исполненіе и изобрѣтеніе будутъ разлучены безвозвратно; генію и таланту нѣтъ мѣста; работай по готовому шаблону, который однако не способенъ передать души, идеи изобрѣтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и личные вкусы исчезаютъ; каждое ихъ проявленіе будетъ

встрѣчать сначала препятствіе въ неисполнимости, затѣмъ заглохнетъ навсегда, предоставляя человѣчеству въ перспективѣ повальный идіотизмъ.

Отсюда не слѣдуетъ однако, чтобы существующее отношеніе между спросомъ и предложеніемъ и неизбѣжное угнетеніе труда было справедливо. Только вопросъ долженъ быть иначе поставленъ. Вѣрно, что трудъ не получаетъ полнаго вознагражденія, чего онъ стоитъ, но не капиталъ его обсчитываетъ, а въ концѣ концовъ — потребитель, и обсчитывается не одинъ трудъ, а съ нимъ вмѣстѣ капиталъ, въ качествѣ производителя. Обсчитывается производитель вообще. Онъ долженъ обсчитываться и не можетъ не обсчитываться по упомянутому выше закону эластичности спроса или общѣе сказать—потребленія. Безчисленныя житейскія осложненія затемняютъ этотъ законъ, но нужно умѣть отыскивать его въ чистомъ видѣ.

Дикою, вопіющею нелѣпостью покажется напримѣръ, чтобъ въ Англіи населеніе въ качествѣ потребителя угнетало ландлордовъ въ ихъ общемъ качествѣ производителей. Но не упустимъ изъ вида подпорки, которыми обставило себя въ Англіи земледѣліе монополіею поземельной собственности, а прежде и таможенными законами. Не упустимъ изъ вида скученности населенія. А все это, по нашему опредѣленію, относится къ прикладной уже экономіи, а не къ чистой, обстоятельства случайныя, а не вѣчныя. Посмотрѣть съ точки зрѣнія чистаго экономическаго закона, безчеловѣчная привилегія англійскаго землевладѣнія окажется оградою, которую устроилъ себѣ производитель противъ потребителя, который одновременно грозитъ ему двумя опасностями: или сожрать даромъ все, что произведено, или-же даромъ проработать. Весь исторически-экономическій процессъ всего человѣчества не иное что есть, какъ самоограждение производителя отъ потребителя, борьба чело-

вѣчества противъ самаго себя, человѣчества производящаго противъ человѣчества пожирающаго.

Отсюда и капиталъ—рогатка противъ случайности природы съ одной стороны и противъ алчности человѣчества съ другой. Отсюда производится всегда больше, нежели потребляется; отсюда и убытки вообще для производителя и въ частности тѣмъ большіе, чѣмъ непосредственнѣе агентъ производства стоитъ къ производству: слѣдовательно послѣдній рабочій теряетъ въ опредѣленномъ случаѣ болѣе, нежели предприниматель, но за то въ другихъ случаяхъ предприниматель теряетъ уже все рѣшительно, тогда какъ рабочій спасъ по крайней мѣрѣ свое прокормленіе. Всѣ эти явленія однако принадлежатъ уже прикладной экономіи. Здѣсь достаточно остановиться на опредѣленіи, что цѣна диктуется спросомъ, если только существуютъ экономическія отношенія.

Варвары бросились на Римскую имперію, все пожрали и разрушили; это не экономическое отношеніе, это бѣдствіе, равносильное урагану, разрушеніе экономической жизни. Но ураганъ пронесся, производитель начинаетъ оживать, поправляется; начинается обмѣнъ и цѣна. Цѣною обмѣнъ предполагается. Но если обмѣнъ, скажутъ, то предложеніе и спросъ одинаково суть производители и потребители? Вѣрно, и каждый изъ нихъ несетъ потерю въ качествѣ производителя и выигрываетъ въ качествѣ потребителя, а въ концѣ выигрываетъ въ качествѣ того-же потребителя все человѣчество, потому что какъ производитель оно производитъ болѣе, нежели потребляетъ, и нескончаемо себя обсчитываетъ, а обсчитывая, обогащается. Въ этомъ все таинство соціальнаго прогресса.

Но нельзя-ли приложить Смитовскаго опредѣленія къ цѣнѣ внутренней, независимой отъ рынка? Она зависѣла-бы отъ сравненія количествъ труда, потра-

ченныхъ на ту и другую вещь. Предположеніе прежде всего само въ себѣ нелѣпо. Оно есть предположеніе о кисломъ или прѣсномъ звукѣ. Экономическія вещи сравниваются только по ихъ годности, которая неравнозначительна труду. Можно сравнивать паровую машину съ лошадью, и два издѣлія можно сравнивать съ той механической стороны, но она не будетъ экономическая. Но допустимъ задачу поворотить экономическія отношенія на математическій путь. Разрѣшима-ли она? Такъ-же не разрѣшима, какъ живой организмъ не даетъ себя учесть механически. Придется прежде всего отказаться отъ качества и ограничиться однимъ количествомъ. Согласимся на минуту, что качество и есть то-же количество, предполагаетъ его, но гдѣ-же у насъ руководство къ уравненію, во сколько дороже цѣнить вещь изящную въ сравненіи съ грубою, сработанною въ то-же время? Но выводъ качества изъ количества есть во всякомъ случаѣ натяжка. Мы не будемъ знать, что̀ дѣлать съ талантомъ и геніемъ, не будемъ знать, что̀ дѣлать съ тонкимъ вкусомъ, какъ оцѣнить французскую шляпу въ сравненіи съ нѣмецкою, вообще съ тою печатью личнаго и народнаго эстетическаго вкуса, которая ложится на вещь. А всѣ произведенія ума и рѣшительно выйдутъ изъ подъ мѣрки. Мѣрка не приложима, если даже ограничиться мускульнымъ трудомъ. Относительная крѣпость и слабость мускуловъ, неравная способность къ утомленію, не одинаковое прилежаніе отъ роду и случайное, не одинаковое расположеніе духа у того-же индивидуума въ разныя времена, не одинаковый темпераментъ у разныхъ индивидуумовъ,—все это безконечно разнообразитъ даже количественное отношеніе мускуловъ къ работѣ и поставляетъ непреодолимыя препятствія къ справедливой и безобидной оцѣнкѣ, хотя, увы, неутѣшительно уже то, чтобъ всю работу человѣчества свести на

мускулы. Среднее рабочее время, предполагаемое Марксомъ, есть только измышленіе, да если-бы удалось какъ-нибудь его опредѣлить, сколько за нимъ еще остается разнообразія, не поддающагося уравнительности, ведущаго непремѣнно къ мнимой или дѣйствительной обидѣ и несправедливости. Въ томъ-то и дѣло, что погоня за справедливостью совершается въ мірѣ, который собственно не знаетъ ея по существу. И математикѣ и физикѣ справедливость и обида чужды; это понятія другаго порядка. Искать справедливости математическихъ времени и матеріальнаго напряженія еще болѣе несообразно, нежели квадратуры круга. Зачеркнувъ чувства и желанія въ человѣкѣ, измѣряйте трудъ какимъ угодно динамометромъ и по немъ расцѣнивайте произведеніе; расцѣнка будетъ вѣрною, но справедливою и безобидною не будетъ. Ищете справедливости и безобидности, не отнимая у человѣка ни чувствъ, ни желаній, обратитесь къ другому инструменту, если таковой есть. Но его-то и нѣтъ, и то самое недостижимо въ томъ мірѣ, гдѣ ищете.

Справедливость, безобидность—явленія міра нравственнаго, математическими вѣсами не опредѣлимы и математическими пріемами недостижимы.

* * *

Стоимость, цѣна, цѣнность. Капиталъ есть *запасъ силъ. Запасъ и припасъ. Экономическій* процессъ *самъ въ себѣ* и съ точки зрѣнія *этической.*

Свобода, независимость и власть (экономическія). Попробую опредѣлить термины, и притомъ не стѣсняясь рутиной политико-экономическихъ учебниковъ, какого-бы ни было лагеря.

Стоимость, цѣна, цѣнность.

Стоимость—значеніе генетическое, *цѣнность* — телеологическое. Изъ сколькой массы труда или къ

сколькихъ его моментовъ составилась вещь, принявшая форму *издѣлія?* Это есть *стоимость*, воплощенный трудъ, какъ справедливо опредѣляетъ Марксъ. Но *издѣліе* къ чему нибудь годно или нѣтъ?—Этимъ опредѣляется его *цѣнность*, которая безразлична къ *стоимости;* стоимость можетъ быть велика и цѣнность ничтожна и наоборотъ. Если стоимость имѣетъ за собою такъ называемое *производство*, то цѣнность опредѣляется *потребленіемъ*. Бо́льшая или меньшая потребимость опредѣляетъ бо́льшую или меньшую *цѣнность*, которая спадаетъ въ безцѣнность, и притомъ въ противоположныхъ смыслахъ, именно выше всякой цѣны и ниже всякой цѣны. А что такое сама *цѣна?* Уравненіе стоимости съ цѣнностью, не отвѣчающее ни той ни другой: стоимость умѣряется цѣнностью, цѣнность стоимостью, но болѣе находящееся подъ вліяніемъ цѣнности, то есть запроса. Стоимость играетъ роль почти единственно въ той мѣрѣ, въ какой она сама есть цѣнность; рабочій самъ есть потребитель, пусть другой вещи, а не своего издѣлія, и потому издѣліе, если не абсолютно лишено годности (въ такомъ случаѣ оно не экономическое), все еще сохраняетъ цѣнность на столько, чтобъ не умереть производителю съ голода.

Политико-экономическая рутина лишена одного термина, который однако неизбѣженъ для различенія понятій. Я называю *издѣліемъ* продуктъ труда; (общеупотребительное названіе *продуктъ* неопредѣленно, *издѣліе* точнѣе). Издѣліемъ вещь имѣетъ право называться, пока имѣется въ виду исключительно ея происхожденіе, то есть трудъ; экономическое качество издѣлія есть стоимость. Чтобы перейти къ потребителю и прежде чѣмъ перейти, издѣліе должно имѣть *цѣнность*, опредѣляемую потребимостью; указателемъ цѣнности служитъ *цѣна*. Цѣна есть уравненіе: оно предполагаетъ сравненіе, которое одно-

значительно съ *мѣною* и вытекаетъ изъ нея. *Мѣна* оказывается равнозначительнымъ членомъ съ *производствомъ* и *потребленіемъ* и относится къ *цѣнѣ*, какъ производство къ издѣлію, потребленіе къ цѣнности. Къ моменту *мѣны издѣліе*, не переставая тѣмъ быть, чѣмъ оно есть, пріобрѣтаетъ новое опредѣленіе — *товара:* товаръ для мѣны есть то-же, что̀ издѣліе для производства. А какое-же качество, какое наименованіе получаетъ *издѣліе - товаръ* въ моментъ, когда его роль товара кончилась, и онъ остается единственно предметомъ потребленія, *издѣліе-товаръ* предъ потребителемъ? Вотъ этого-то термина и не достаетъ. Наука оборачивается однимъ названіемъ *продуктъ*, который, какъ замѣчено выше, неопредѣлененъ, лишенъ той точности, какая заключается, напримѣръ, въ понятіи *товара*. Я буду употреблять слово *припасъ*; припасъ будетъ товаръ, дошедшій до потребителя, вышедшій изъ рынка, переставшій быть товаромъ. Русскій языкъ даетъ счастливую возможность отличить *издѣліе-товаръ*, какъ *припасъ* отъ *запаса*.

Послѣдній терминъ будетъ имѣть важное значеніе при опредѣленіи понятія о *капиталѣ*. *Запасъ* будетъ не потребленный *припасъ*, и не потребленный въ двоякомъ смыслѣ: или онъ готовится быть потребленнымъ или остается отъ потребленія. Само собою разумѣется, оба эти опредѣленія сходятся: сбереженный припасъ готовится къ потребленію и готовящійся къ потребленію есть сбереженный. Но важно, на которой сторонѣ перевѣсъ, которое изъ значеній опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу потребимаго-сбереженнаго. Гдѣ первое назначеніе припаса быть сбереженнымъ, а не потребленнымъ, тамъ онъ есть *капиталъ*. Капиталъ есть припасъ на степени запаса, не предназначенный къ непосредственному потребленію.

Это одна изъ сторонъ капитала, одна изъ составныхъ его частей: сбереженное издѣліе, или, что̀ все

равно, сбереженный трудъ. Съ этой стороны, и эта составная часть капитала имѣетъ страховое назначеніе—выравнивать случайные излишки и недостатки производства. Но есть другая сторона, гдѣ сбереженнымъ является не издѣліе и не трудъ, а *силы* экономическія. Въ теперешней борьбѣ экономической собственно это значеніе капитала и эксплуатируется изслѣдователями, которые отожествляютъ *капиталъ* со *средствами производства*. Но средство производства —не точное выраженіе. Въ своемъ значеніи капитала, капиталъ есть не средство производства, а *сила* производства, сбереженная понятно. Логически средство не тожественно съ силою. Какая сила дѣйствуетъ въ производствѣ? 1) Природа, то есть ея законы; 2) человѣкъ, то-есть его мускулы и нервы; 3) сочетаніе того и другаго,—мускулы, но не человѣческіе, а природы,—рычаги и пары: природа, но не по слѣпымъ законамъ дѣйствующая, а по предустановленному плану человѣка съ искусственно подставленнымъ ей матеріаломъ и орудіями: свѣтъ, электричество, влага, тяжесть, какъ орудія, восполняющія и замѣняющія нервы и мускулы человѣческаго мяса. Это есть *капиталъ*, одна изъ *силъ* производства. Въ этомъ смыслѣ капиталъ отчасти параллеленъ поземельной собственности; въ точности, если говорить напримѣръ о фабричной промышленности, поземельной собственности параллельно *помѣщеніе*, а машины—свѣту, влагѣ, электричеству, дѣйствующимъ на произрастенія.

Не забудемъ, что капиталъ есть сбереженная сила, запасъ силъ. Запасъ этотъ произведенъ конечно на счетъ того-же труда, и въ этомъ смыслѣ опять есть сбереженный трудъ и сбереженное издѣліе, но издѣліе, назначенное не къ потребленію, а напротивъ къ производству, какъ пособникъ недостаточнаго человѣческаго труда. Капиталъ въ этомъ смыслѣ принадлежитъ не одной промышленности, но и земле-

дѣлію (само собою разумѣется—и торговлѣ, но торговля не производитель, а только мѣновщикъ).

Прудъ, устроенный для орошенія или для гидравлическаго дѣятеля, есть запасъ силы, искусственно сбереженный, — капиталъ; навозъ, положенный въ землю — такой-же капиталъ. Углубляясь дальше, мы найдемъ, что и естественный черноземъ есть капиталъ, потому что онъ есть запасъ силы, съ тою только разницею, что не трудомъ человѣческимъ накопленъ. Въ томъ-же смыслѣ капиталомъ можетъ быть названъ самый организмъ человѣка. Однимъ словомъ, если признать въ опредѣленіи капитала существеннымъ понятіе *запаса*, то подойдетъ подъ него все безразлично, и силы природы, и силы человѣка, и силы капитала въ тѣсномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что если обратить вниманіе на силы природы, то капиталъ въ ней находящійся и даровой можетъ быть разсматриваемъ при настоящемъ соціальномъ положеніи, какъ результатъ труда. Черноземное имѣніе *куплено;* деньги, отданныя за него, въ дальнемъ концѣ своемъ пріобрѣтены тоже трудомъ. Въ тѣсно-экономическомъ смыслѣ, и человѣческая сила потому-же есть результатъ труда, именно воспитанія.

Можно двояко разсматривать, съ которой стороны стать: признать машины—искусственнымъ человѣкомъ, вытѣснившимъ настоящаго человѣка, и признать настоящаго человѣка—не совершенной и не доконченной машиной. И въ тѣсно-экономическомъ смыслѣ, разсматривая экономическій процессъ самъ въ себѣ и для себя, послѣднее объясненіе вѣрнѣе.

Но мы можемъ разсматривать экономическій процессъ какъ существующій не самъ для себя, а для людей; такъ обыкновенно онъ и разсматривается. Да будетъ-ли это разсмотрѣніе строго-экономическое? Экономическій процессъ будетъ разсматриваться тогда съ точки зрѣнія этической; за экономическимъ

процессомъ будетъ признано только значеніе средства; изученіе его будетъ отвѣчать на вопросъ не о томъ, какъ *есть*, а какъ *должно быть*, и есть-ли такъ, какъ быть должно. Такая точка зрѣнія имѣетъ свое оправданіе, но въ томъ-то и дѣло, что она не будетъ уже строго-экономическая. Да и почему напримѣръ рабочій долженъ быть содержимъ лучше, нежели рабочая лошадь или машина? Каждый долженъ быть удовлетворенъ пропорціонально, на сколько требуется, чтобъ онъ годенъ былъ, какъ орудіе. На чемъ основано положеніе, что каждый рабочій имѣетъ право на весь свой заработокъ? Почему-же отказывать въ томъ-же правѣ, ну ужъ не скажемъ машинѣ, но лошади? Этотъ вопросъ способна рѣшить только нравственная философія, а безъ ея помощи утвержденіе правъ человѣка и притомъ преимущественныхъ предъ лошадью есть неосновательное утвержденіе, предразсудокъ.

Каждый человѣкъ имѣетъ *право*... ну, на чтобы то ни было. Въ *правѣ* заключается отрицаніе факта, по крайней мѣрѣ оно равнодушно къ нему. Я пролетарій, но имѣю право на землю, у меня есть земля, и я на нее имѣю право, или владѣю ею по праву. Фактъ, какъ таковой, сличается съ какимъ-то понятіемъ, на основаніи его рѣшается, таковъ-ли онъ, какимъ долженъ быть. Понятіе, съ которымъ сличается фактъ, есть понятіе о *справедливомъ*, которое однако ничего не рѣшаетъ, представляя только повтореніе понятія. Каждый имѣетъ право на кусокъ хлѣба, или справедливо, чтобъ каждый имѣлъ кусокъ хлѣба. Почему-же однако такъ? Потому что всѣ люди равны. Согласимся, что это и такъ, хотя это не такъ: но изъ того, что всѣ люди равны, какимъ образомъ слѣдуетъ, чтобы всѣ были сыты? Напротивъ, изъ того, что не всѣ одинаково сыты, слѣдуетъ, что не всѣ равны. Изъ того, что мнѣ го-

лодному непріятно быть голоднымъ? Мало-ли что непріятно, но отсюда не слѣдуетъ, что мнѣ *должно* быть пріятнымъ. Потому-ли что иначе, то есть безъ справедливости, не можетъ существовать общество, что послѣдуетъ то и другое и третье, очень не хорошее, словомъ, что справедливости требуетъ *польза*, Бентамовское опредѣленіе? Во первыхъ, понятіе о пользѣ само шатко и во многихъ случаяхъ потребуетъ оправданія для себя; но тогда будетъ справедливымъ только то, что полезно, и кромѣ того, изъ пользы все-таки не выведешь понятія обязательности, заключающагося въ справедливости. Слѣдовательно одно изъ двухъ: или жизнь есть борьба за существованіе, и тогда каждый фактъ правъ самъ въ себѣ, и понятіе права будетъ фикціей, отвлеченіемъ существующаго порядка вещей, соглашеніемъ большинства признать обязательными извѣстныя правила и поддерживать ихъ исполненіе предупредительными и карательными мѣрами; или-же *справедливость* есть понятіе данное прежде факта, прежде понятія объ обществѣ и само общество признать обязаннымъ предъ справедливостью. Но тогда перенесется вопросъ съ экономическихъ отношеній самихъ въ себѣ къ вопросу *о соизмѣримости общества вообще со справедливостью.* Еще возможно-ли въ обществѣ воплощеніе справедливости, требованіе всеобщей справедливости не заключаетъ-ли само въ себѣ противорѣчія? Забѣжавъ нѣсколько впередъ, скажемъ, что и дѣйствительно здѣсь существуетъ неразрѣшимое противорѣчіе, потому что жизнь-то сама въ себѣ дѣйствительно есть борьба за существованіе, личныя цѣли съ требованіями безусловной справедливости (при предположеніи безусловной свободы) дѣйствительно непримиримы.

* * *

Экономическое рабство.

Разсуждая объ экономической свободѣ, нужно имѣть предосторожность, какъ и при разсужденіяхъ о политической свободѣ, чтобы не смѣшать *свободы, независимости* и *власти.*

Начну съ болѣе яснаго понятія о *независимости.* Человѣкъ съ первой минуты своего бытія лишенъ экономической независимости. Еще Плиній саркастически замѣчалъ, что для человѣка природа болѣе мачиха, нежели мать. Нѣтъ существа беззащитнѣе, нежели человѣкъ при рожденіи; онъ есть весь нужда, во всемъ, даже въ движеніяхъ. Смотря на младенца, задаемъ себѣ вопросъ: какъ творцы извѣстной «Декларацiи о правахъ человѣка» просмотрѣли такой крупный фактъ? Они брали человѣка, очевидно взрослаго, и устанавливали для него различныя права, забывъ о томъ, что напримѣръ для того чтобы пользоваться правомъ «свободно говорить», нужно еще выучиться говорить. Какое *право* у младенца? Если право есть, то и у жеребенка есть право. По отношенію къ младенцу можно говорить только объ обязанностяхъ другихъ въ отношеніи къ нему, а не о правахъ его, и объ обязанностяхъ безусловныхъ, независимыхъ отъ требованій общественной пользы или блага (иначе придемъ къ оправданію дѣтоубійства). Съ котораго-же момента начинается право самого новорожденнаго и наступаетъ-ли оно когда нибудь, не остается-ли и онъ съ одними обязанностями? Во всякомъ случаѣ правовое отношеніе ребенка указываетъ на возможное существованіе обязанностей безъ изнанки правъ. Несомнѣнно пока, что у каждаго есть право, опредѣляемое обязанностями или отсутствіемъ права у другихъ. Съ этой точки единственно и позволительно разсуждать о *правахъ* и относящихся сюда *свободѣ, власти, независимости* экономическихъ.

Если я не имѣю права, другой лишенъ также,—вселенная для насъ безразлична. Но я обязанъ предъ отцомъ, матерью, обществомъ, прежде всего въ моей жизни. Разберемъ поподробнѣе эту зависимость.

1) Отъ чего онъ зависитъ или въ чемъ онъ имѣетъ нужду (вопросъ однозначительный)? Онъ зависитъ отъ «куска хлѣба». Кускомъ хлѣба называю а) пищу и питье, б) свѣтъ, воздухъ, тепло, но кромѣ того и прежде всего ему нужно в) мѣсто. Да, мѣсто: нужно пространство, въ которомъ помѣстился-бы объемъ его тѣла. Сперва этимъ пространствомъ служитъ материнская утроба, потомъ колыбель или хоть мѣшокъ, въ которомъ таскаютъ дѣтей цыганки, затѣмъ жилище, или по крайней мѣрѣ логовище, или просто наконецъ свободное мѣсто, гдѣ лечь и стать.

2) Отъ кого онъ зависитъ въ кускѣ хлѣба, то есть въ томъ, отчего зависитъ и чѣмъ условливается его земное существованіе? А непремѣнно онъ зависитъ. Начать ужъ съ младенчества, гдѣ зависимость, какъ сказано выше, оказывается во всей полнотѣ. При достиженіи возраста, всѣ три элемента, нужные для жизни, находятся въ распоряженіи только, доколѣ не мѣшаютъ другіе. Яснѣе: обладаніе пищей, питьемъ, свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ, помѣщеніемъ, условливается безпрепятственностью со стороны, и эта безпрепятственность—состояніемъ и устройствомъ общественнымъ. Отвлеченнаго человѣка нѣтъ: онъ непремѣнно существо политическое, какъ выразился Аристотель, по крайней мѣрѣ общежительное. И это потому именно, что онъ существо изъ всѣхъ существъ наиболѣе зависимое. И отъ того, чѣмъ одиночнѣе онъ живетъ, тѣмъ шатче его существованіе, тѣмъ онъ беззащитнѣе, тѣмъ сомнительнѣе удовлетвореніе его нуждъ, тѣмъ нужды тѣснѣе и проще. И на оборотъ, чѣмъ болѣе онъ обезпеченъ, чѣмъ сложнѣе

общественная жизнь, тѣмъ шире и его нужды, за то тѣмъ и зависимѣе. Переберемъ ступени.

1) Состояніе *звѣролова*. Полный просторъ и отсутствіе всякихъ обязанностей, то есть всякихъ заботъ о постороннихъ существахъ, за исключеніемъ самки и дѣтей. Состояніе семейное, но еще не общественное. Отсутствіе собственности и собственность надъ всѣмъ. Раздолье, гдѣ всякому и мѣста и добычи вдоволь. Потребности не сложныя: логовище, одежда или изъ шкуры наловленныхъ звѣрей или изъ листьевъ готовой пальмы; пища— добыча собственнаго искусства, отъ котораго одного и зависитъ звѣроловъ. Запасовъ нѣтъ и не нужны: сегодняшній день принесетъ на сегодня, что изловится. Завидное и повидимому самое справедливое состояніе.

2) Состояніе *пастуха*. Ежедневная забота о пропитаніи, ежедневная борьба съ неизбѣжными неудачами внушаютъ мысль объ обезпеченіи, чтобы сегодня ручалось за завтра и завтра за дальнѣйшіе дни. Вмѣсто того, чтобы гоняться за звѣремъ, нельзя-ли его приручить, покорить, чтобы отдавался онъ безъ борьбы и былъ всегда готовъ къ услугамъ. Конь, верблюдъ, рогатый скотъ побѣжденъ,—первый видъ *капитала* и первое проявленіе *постоянной власти* надъ природою, въ видѣ пока четвероногихъ. Первое имущество, и притомъ даже не личное, а и наслѣдственное. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя свобода и просторъ сокращаются. Нельзя рыскать подобно птицѣ, нужно беречь обузу, которою обзавелся. Для обузы этой притомъ нужно опредѣленное мѣсто и притомъ съ достаточнымъ количествомъ воды. А это ведетъ за собою намекъ на землевладѣніе. Предразсудокъ думаетъ, что кочевникъ двигается туда и сюда безъ цѣли. Нѣтъ, у него своего рода плодоперемѣнная система. Сегодня онъ здѣсь и остается, пока лошади поѣдятъ макушки травы, за ними коровы выщиплютъ

остатки, а овцы выгложутъ. Онъ отправится далѣе на свѣжій подножный кормъ, а на его—придетъ другой въ опредѣленное, заранѣе разсчитанное время. О киргизскихъ ордахъ всегда извѣстно, гдѣ стоитъ какая именно на основаніи правильнаго чередованія въ кочеваніи, этого кочеваго *передѣла* въ своемъ родѣ.

Съ первымъ признакомъ имущества является необходимость въ болѣе широкомъ общежитіи и намекъ на раздѣленіе труда. Имущество нужно беречь, чего не достигнешь силами одной семьи. Скотъ доставляетъ не одно мясо, но и шерсть и молоко,—зародышъ домашней промышленности.

3) *Земледѣлецъ.* Почему,—но вкусъ къ кочевой жизни и вмѣстѣ исключительно мясной пищѣ пропадаетъ. Утѣсненіе конечно служитъ одною изъ причинъ, а можетъ быть и бѣдность отдѣльныхъ лицъ. Каждая степь можетъ прокормить опредѣленное количество скота. Увеличеніе скота не можетъ двигаться пропорціонально возрастанію населенія. Съ тѣмъ появляется различіе бѣдности и богатства. Бѣднякъ, у котораго осталась пара, другая всего скотины, осаживается. Степь продолжаетъ быть общею собственностію, а для осѣвшаго выгономъ. Начинается ковырянье земли и постоянное жилище, у иныхъ сперва лишь на опредѣленное время года. Раздѣленіе труда яснѣе, и первыми земледѣльцами должны быть старики, женщины, рабы. Молодые остаются наѣздниками. Зачатокъ сословій. Типъ—кавказскій и текинскій аулъ. Зародышъ *города.*

4) Что такое *городская жизнь?* Чѣмъ въ первобытномъ состояніи условлено основаніе города и чѣмъ онъ отличается отъ осѣдлости земледѣльческой? Тою же заботою о сбереженіи имущества, а на сей разъ и личности, какая соединила пастуховъ въ общежитіе. Гдѣ укрыть семейства и стада на случай набѣга? Куда хоронить добычу? Одинъ удалецъ-наѣздникъ

подбираетъ себѣ товарищей разбойничать: гдѣ они оснуются?—За стѣной. Стѣна и есть городъ.

Отъ земледѣльческой усадьбы до города переходъ очень не большой. Но имъ рѣзкое отличіе даетъ а) окончательное выдѣленіе различія классовъ и б) возникновеніе личной поземельной собственности. Подъ защитою стѣнъ развиваются мирныя занятія, съ другой стороны обособляется военный (отчасти и разбойничій) классъ. Люди оружія не разбойники только, но и защитники, подъ покровительство которыхъ бѣгутъ укрыться въ стѣнахъ мирные граждане, на большую половину потомки плѣнныхъ рабовъ. Начало подати. Все болѣе и болѣе утѣсняемое *мѣсто* окончательно разрушаетъ общественную собственность; воздвигаются дома,—имущество совершенно неспособное быть общественнымъ, цѣнность которыхъ безмѣрно превышаетъ земли, ими застроенной.

Вотъ порядокъ естественный. Уклоненій не будемъ принимать въ разсчетъ. Но каждый изъ моментовъ есть необходимость,—вотъ что важно. Изъ звѣролова не можетъ не выйти скотоводъ, скотоводъ не можетъ не перейти въ земледѣльца, а земледѣлецъ въ горожанина. И каждый моментъ, перерождаясь, не уничтожаетъ предшествующаго. Съ городомъ не прекращается земледѣліе, напротивъ укрѣпляется. Скотоводство служитъ подспорьемъ земледѣлію и обратно. Звѣроловъ не исчезаетъ, но продолжается въ охотникѣ, которымъ можетъ быть и селянинъ и горожанинъ. Между тѣмъ развитіе общественности съ каждымъ переходомъ изъ одного момента сопровождается слѣдующими явленіями: а) постепеннымъ стѣсненіемъ простора, необъятнымъ у звѣролова, меньшимъ у скотовода, еще меньшимъ у земледѣльца, и наконецъ ничтожнымъ у горожанина, б) усиленіемъ власти на экономическія средства. Власть развивается въ обратной пропорціональности къ простору. Отсут-

ствіе всякой собственности и всякаго владѣнія на первой ступени. Движимый капиталъ на второй. (Земля остается еще на равнозначительной степени съ воздухомъ и свѣтомъ). На третьей ступени зачатки поземельной собственности. А въ городской жизни личная собственность въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Не только собственность поземельная, но съ нею и недвижимый капиталъ, въ видѣ дома. в) Усиленіе власти отдѣльныхъ лицъ надъ экономическими средствами усиливаетъ ихъ зависимость и между собою и зависимость отъ тѣхъ-же самыхъ средствъ. Хозяинъ дома есть и рабъ своего дома, цѣпная собака къ нему привязанная и вынужденная о немъ заботиться. А взаимная личная зависимость есть результатъ разложенія жизни на классы или профессіи, пусть на первый разъ—военную и земледѣльческую,—одинъ безъ другаго жить не можетъ и въ другомъ нуждается.

Разборомъ 1-ой главы Милля дойдено было до того, что вмѣсто «богатства» и «благосостоянія» болѣе точнымъ признано «имущество», какъ предметъ политической экономіи. Но терминъ остается еще двусмысленнымъ. Сущность имущества въ обладаніи или правѣ на обладаніе; оно можетъ быть разсматриваемо съ юридической точки зрѣнія. Чѣмъ же очерчивается *экономическая?* Подойдемъ съ другой стороны, не ближе-ли будетъ?

Истинное, *прекрасное*, *справедливое* могутъ быть предметомъ науки. Это не предметъ экономической науки. Ближе къ ея предмету *полезное;* однако полезное, качество, разсматриваемое экономіей, обслѣдуется не со стороны самой пользы, а со стороны *цѣнности*. Полезное обсуживается экономіею, поколику оно есть *цѣнное*.

Съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на слово *экономія*, оно означаетъ *хозяйство* или въ

частности *домостроительство*. Если писать науку, положимъ, домашняго хозяйства, она должна быть изложена болѣе или менѣе по рецепту *Домостроя* и поваренныхъ книгъ: когда закупать хлѣбъ или какъ солить огурцы. Параллельна-ли такому трактату *экономія политическая*, экономія народовъ? И да и нѣтъ. Такая наука была-бы системою практическихъ совѣтовъ государственнымъ хозяевамъ. Происхожденіе политической экономіи дѣйствительно таково; этой цѣли она обязана своимъ бытіемъ. Но искомымъ служатъ не практическіе совѣты, а теоретическіе законы, изъ которыхъ выводятся самые совѣты. Политическая экономія должна изучить эти законы. Законы чего-же? Пріобрѣтенія, распредѣленія и расходованія. Распредѣленіе можно даже выкинуть, потому что оно уже не относится къ существу; это есть уже выводъ. Итакъ законы пріобрѣтенія и расходованія имуществъ, какихъ? Цѣнныхъ. Иначе—*созиданіе и разрушеніе цѣнностей*. Но разрушеніе можно тоже выкинуть. Экономическая жизнь есть не переливаніе изъ пустаго въ порожнее, а прогрессъ: разрушается и созидается, при чемъ избытокъ на сторонѣ созиданія, а разрушеніе есть средство къ созиданію. Итакъ, наука будетъ наукою о созиданіи цѣнностей, о матеріальномъ прогрессѣ человѣчества, — *по какимъ законамъ совершается матеріальный прогрессъ человѣчества?* Вопросъ, такимъ образомъ поставленный, нѣсколько напоминаетъ опредѣленіе Чернышевскаго: «благосостояніе народовъ, зависящее отъ труда». Но не забѣгается впередъ ни въ народъ, ни въ трудъ, которому мѣсто еще должно быть найдено. Остановимся пока на *матеріальномъ прогрессѣ* и на созиданіи *цѣнностей*.

Прогрессъ матеріальный: «матеріальный» прибавляется для отличенія отъ прогресса духовнаго, умственнаго. Умственный кругозоръ человѣчества постоянно расширяется; но это не экономія. Ближайшій къ мате-

ріальному прогрессъ *соціальный* опять не то; отношенія людскія могутъ улучшаться, и даже въ зависимости отъ матеріальнаго прогресса, но все таки это не самъ матеріальный прогрессъ.

Чтобы жить, ѣсть, пить и проч., человѣкъ нуждается въ усвоеніи матеріи. Итакъ, съ одной стороны нужда, съ другой матерія.

Чтобы усвоить матерію, нужно *обладать* ею.

Обладать матеріею возможно только *покоривши* ее, потому что она косна и враждебна человѣку. Для покоренія матеріи нужно усиліе, *трудъ*. Итакъ трудъ есть усиліе, употребляемое для покоренія природы, для приведенія безразличной матеріи въ состояніе, годное къ удовлетворенію нужды, въ *полезное издѣліе*. *Издѣліе* указываетъ на происхожденіе отъ труда, *польза*—на годность къ удовлетворенію нуждъ.

Трудъ способенъ производить больше, нежели требуется на удовлетвореніе нуждъ. Нужды способны расширяться. Болѣе и болѣе широкимъ и глубокимъ покореніемъ матеріи пріобрѣтаемая возможность все шире и полнѣе удовлетворять человѣческимъ нуждамъ и есть матеріальный прогрессъ.

Но *полезное* входитъ, какъ сказано, въ курсъ экономіи лишь въ смыслѣ *цѣннаго*. Что придаетъ полезному смыслъ цѣннаго?

Полезное переходитъ въ *цѣнное* съ той минуты, когда возникаетъ представленіе о *платѣ*, реальной или мнимой, то есть совершившейся или ожидаемой. Цѣнная вещь предполагаетъ сравненіе съ другою вещью по степени ихъ пользы, которая съ своей стороны въ силу того-же сравненія сама обращается въ цѣнную. Польза, съ своей стороны, дающая основаніе для вещи быть цѣнною, не нуждается для измѣренія своего и даже для существованія въ реальности, но держится исключительно на субъективномъ представленіи: нахожу полезнымъ, хотя можетъ быть

и безполезно на самомъ дѣлѣ. Экономическая польза есть способность удовлетворять матеріальныя нужды, то есть нужды въ матеріи, а нужда опредѣляется личнымъ ощущеніемъ и сознаніемъ.

Итакъ, цѣнность предполагаетъ непремѣнно двѣ вещи или два явленія полезныхъ, предполагаетъ *мѣну*, но прибавимъ—полезныхъ не отвлеченно: вещь или явленіе должны быть уже усвоены, перейти въ распоряженіе, перестать быть просто предметомъ природы, должны быть способными къ *мѣнѣ*. Другими словами, цѣнныя вещи предполагаютъ *трудъ*, покореніе природы совершившееся или предполагаемое къ совершенію. Гора изъ чистаго золота не имѣетъ цѣнности, пока она никому не принадлежитъ, или можетъ быть представлена лишь въ теоретической односторонней цѣнности, «сколько можно было за нее заплатить». Но платить-то некому. Она принадлежитъ всѣмъ и мнѣ въ томъ числѣ, и имѣетъ *стоимость* только, именно эту односторонне взятую цѣнность: «сколькаго-бы труда мнѣ стоило, чтобы усвоить эту гору?»

Во всякомъ случаѣ, основаніемъ цѣнности дѣйствительно служитъ *трудъ*, какъ и основаніемъ стоимости, но совсѣмъ въ иномъ опредѣленіи. Когда идетъ дѣло о стоимости, сравнивается количество труда съ вещью: «вырвать это дерево мнѣ стоило столько-то», то есть труда. Но когда я хочу опредѣлить ея цѣнность, я спрашиваю: сколько мнѣ труда дадутъ за эту вещь? Опредѣленіе цѣны зависитъ не отъ меня, производителя, а отъ другаго, пусть тоже производителя, но на данный случай *потребителя*, зависитъ отъ ощущаемой *нужды* въ моемъ деревѣ.

Итакъ, *мѣна* не только существенный моментъ политической экономіи, но съ нея она начинается. Иначе сказать, до мѣны существуетъ только экономія,

хозяйство, а съ мѣны начинается ея политическій характеръ, то есть экономія взаимно мѣняющагося труда, что̀ предполагаетъ между трудящимися отношенія, общественную связь. В непрерывномъ преемствѣ продолжающаяся мѣна труда на трудъ и образуетъ *экономическую жизнь* народовъ и человѣчества. Какіе-же законы ею управляютъ?

Выше много говорилось о *трудѣ*. Вся политическая экономія занимается *трудомъ*. *Трудъ* и его организація есть очередный вопросъ времени. Но что такое *трудъ?*

Выше объяснялось, что трудъ есть усиліе покорить природу, преобразовать продуктъ природы въ *издѣліе* перемѣщеніемъ частицъ тѣла или самыхъ тѣлъ. А *умственный трудъ* есть ли трудъ? Если да, тогда трудъ долженъ быть раздѣленъ на непосредственный—мускульный и посредственный—нервный. Не причислить же умственнаго труда къ труду не только въ смыслѣ усилія, но и въ смыслѣ покоренія природы, съ цѣлію усвоенія матеріи, невозможно. Даже безъ кооперацiи и безъ раздѣленія труда, мускульный трудъ, ограничивающійся самимъ собою, не существуетъ: ему предшествуетъ и ему соотвѣтствуетъ напряженіе нервовъ, которые двигаютъ мускулами, и еще прежде производятъ представленія и ощущенія, вызывающія на мускульный трудъ. Вѣрнѣе —именно нервный-то трудъ и есть главный производитель. Безъ него трудъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, творчествомъ, оставаясь механическою силою, тожественною съ паромъ или лошадью. Руки и мускулы только орудіе мозга. Въ раздѣленіи труда это яснѣе. Архитекторъ чертитъ планъ, плотникъ строитъ. Что плотникъ или каменьщикъ безъ архитектора? Но тогда онъ самъ архитекторъ. А безъ этого и дома

не выйдетъ: выйдутъ слѣпыя, случайныя движенія, однозначащія съ явленіями природы.

Когда станемъ на эту точку зрѣнія, вся политическая экономія перевертывается, и Адамъ Смитъ со всѣми послѣдователями обличается въ односторонности. Прежде чѣмъ пускаться въ теоретическое разъясненіе, обращусь къ примѣру, и возьму для него, напримѣръ, хоть постройку знаменитаго Волжскаго моста. Разберемъ составные его экономическіе элементы, и слѣдуя господствующему воззрѣнію, переберемъ участвовавшихъ работниковъ: слесарей, плотниковъ, кузнецовъ, углекоповъ, паровщиковъ, машинистовъ, словомъ всѣхъ, кто участвовалъ въ отдѣлкѣ матеріала, въ подвозкѣ и установкѣ его на мѣсто. Но не забудемъ и строителя. Его и не забываютъ конечно; объ немъ скажутъ, что онъ участникъ кооперативнаго труда. Но какъ опредѣлить его мѣсто? И такъ какъ вопросъ экономическій, то какую цѣнность справедливо опредѣлить его труду? Разомъ, во-первыхъ, бросается въ глаза вся неприложимость пошлаго измѣренія, предлагаемаго Марксомъ, посредствомъ *рабочихъ часовъ*. Умственная работа по существу недоступна измѣренію временемъ, не основательно прибѣгнуть, при измѣреніи ея, и къ понятію интенсивности. Мѣритель очевидно долженъ быть приложенъ какой-то другой. Чудовищною несправедливостью будетъ, если всю цѣнность труда ограничимъ черченіемъ плановъ и временемъ, для нихъ требовавшимся. Прежде чѣмъ начертить, надобно обдумать, надобно произвести исчисленія, надобно свѣриться съ книжками. При исчисленіяхъ можно милліонъ разъ ошибиться, милліонъ разъ поправлять; можно просидѣть за планомъ многіе годы; можетъ планъ мгновенно предстать фантазіи въ конченномъ видѣ. Во все время работы матеріалъ (бумага и перо и даже мысленное представленіе) имѣютъ совершен-

но несущественное значеніе; ничто не тратится, кромѣ внутренней жизненной силы, и ничего не портится, какъ при мускульныхъ опытахъ съ матеріаломъ. Однако плодъ фантазіи и ума есть членъ равнозначительный всему остальному въ постройкѣ моста, всѣмъ этимъ каменьщикамъ, кочегарамъ, слесарямъ, взятымъ вмѣстѣ. Весь мостъ является только исполненіемъ идеи, и каждый изъ работниковъ по праву можетъ быть представленъ раздвоеннымъ на исполнителя и умствователя, и въ послѣдней половинѣ, умствованіи, заемщикомъ чужой мысли, ему переданной, безъ чего вся его работа — ничто и даже не можетъ возникнуть къ бытію.

То, что видимъ на постройкѣ Волжскаго моста, повторяется ежеминутно: въ каждомъ экономическомъ моментѣ неизмѣнно взаимно сопутствующими—*замыселъ* и *исполненіе*.

* * *

Монополія а) естественная: аа) въ самомъ человѣкѣ—умъ и дарованія, физическая сила, избытокъ здоровья; бб) въ окружающей природѣ, точнѣе мѣстѣ, географическая—климатъ, близость къ естественнымъ путямъ сообщенія, капиталъ въ нѣдрахъ земли и на поверхности, запасенный природою. б) Случайная отъ сочетанія обстоятельствъ: аа) независимыхъ отъ нашей воли: землетрясенія, грозы, саранча, засухи, повальныя болѣзни; бб) соціальныхъ или даже устроенныхъ съ разсчетомъ—искусственные пути сообщенія, разница городскихъ условій отъ сельскихъ, войны, тарифы, политическія и соціальныя права.

Монополія и централизація одно и то-же: степень близости къ естественнымъ источникамъ богатства. Съ одного конца совершенная ихъ недоступность, съ другаго—полное обладаніе ими, могущее при-

надлежать отдѣльнымъ лицамъ, обществамъ или цѣлымъ народамъ.

Совокупность всѣхъ условій, создающихъ искусственную монополію и предлагающихъ естественную, и есть источникъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, къ устроенію котораго недостаточно переустройства одной или нѣсколькихъ странъ. Необходимъ былъ бы переворотъ всего міра и кромѣ того уравненіе искусственныхъ условій съ естественными, —предпріятіе по крайней мѣрѣ для современнаго человѣчества невозможное.

Наука еще не согласилась подыскать одно короткое слово, которымъ бы обозначить — избытокъ дохода или разность заработка двухъ равныхъ трудовъ, зависящую отъ разныхъ видовъ монополіи и поступающихъ капиталисту или собственнику. Я бы назвалъ это *рентою*, прилагая это не къ земельной собственности только, но ко всѣмъ элементамъ производства. Рентою назывался бы не вообще доходъ, получаемый отъ даровыхъ силъ природы, но та разность, которая благодаря разнымъ видамъ монополіи обнаруживается въ этихъ самыхъ дарахъ природы. Рикардо обличился бы въ своей односторонности, и вся наука въ неполнотѣ выводовъ. Окажутся безчисленные виды и степени ренты, начиная съ эскимоса и лапландца и кончая банкиромъ въ Сити, принадлежащіе не только земельной собственности и капиталистамъ, но даже рабочимъ классамъ.

* * *

Мыслимая цѣнность, кредитъ, спекуляція.

Цѣнность опредѣляется не тѣмъ трудомъ, который употребленъ на ея производство, а тѣмъ, который предлагается за ея пріобрѣтеніе. Обратимся опять къ одинокому человѣку. Онъ голоденъ, а впереди

его кустъ съ плодами, отдѣленный препятствіемъ, пусть въ видѣ другаго кустарника, который надо раздвинуть, словомъ преодолѣть. Посмотримъ процессъ: въ душѣ происходитъ умозаключеніе, торговля. Жизнь требуетъ себѣ поддержки; взору представляется кустъ съ плодами и кустъ препятствія. Умъ находитъ, что ягоды утишатъ, а можетъ быть удовлетворятъ чувство голода. Но для достиженія его нужно преодолѣть препятствіе, потратить жизненной силы. То подкрѣпленіе жизненныхъ силъ, которое дано будетъ ягодами, заслуживаетъ-ли траты жизненныхъ силъ, которое должно быть на то употреблено? При мѣнѣ совершается тотъ же процессъ въ раскрытомъ видѣ, но онъ совершается въ душѣ каждаго, оставленнаго съ собою.

Въ представленномъ примѣрѣ, вещь, назначаемая для потребленія, ягоды, суть готовое произведеніе природы и притомъ въ пассивномъ состояніи: у нея нѣтъ живаго обладателя. Но вмѣсто ягодъ можетъ быть печеный хлѣбъ, и онъ въ рукахъ у хлѣбника. Голодный же имѣетъ въ карманѣ нѣсколько копѣекъ. Эти копѣйки получены имъ за что нибудь, что нибудь онъ сдѣлалъ, за трудъ уже совершенный. Это второе различіе, трудъ не предстоитъ, но онъ уже совершенъ. Умозаключеніе принимаетъ нѣсколько иную форму, вслѣдствіе двухъ особенностей, вступающихъ въ процессъ, втораго лица, участвующаго въ сдѣлкѣ, и въ оконченности труда. Предлагаемый хлѣбъ стоитъ ли того труда, который я долженъ употребить, чтобы пріобрѣсти требуемыя за него копѣйки? Другой разсуждаетъ: тѣ копѣйки, которыя пріобрѣту, покроютъ ли мнѣ тотъ трудъ, который я долженъ буду употребить на пріобрѣтеніе хлѣба, который я продаю?

Въ обоихъ представляемыхъ примѣрахъ умозаключеніе строится не на прошедшемъ, а на будущемъ,

не на совершившемся, а на томъ, что́ имѣетъ совершиться. Прошедшее служитъ даннымъ лишь для измѣренія будущаго.

Это первый законъ. Второй, который есть вмѣстѣ и его послѣдствіе, заключается въ томъ, что рѣшителемъ служитъ догадка, а не реальный фактъ, не фактъ вообще, а предположеніе о фактѣ. И это относится не къ одному измѣренію труда, но и къ соотвѣтствію блага съ потребностью. «Хлѣбъ этотъ меня насытитъ»: это есть еще предположеніе. Сравненіе насыщенія (предполагаемаго), то есть подкрѣпленіе силъ съ требуемою тратою (то-есть трудомъ), тоже есть только умственное. Въ дѣйствительности издержка превышаетъ полученіе или на оборотъ.

Итакъ, величина потребнаго труда есть мнимая величина, величина подкрѣпленія есть мнимая величина, и равенство ихъ также мнимое. Величина подкрѣпленія на дѣлѣ можетъ быть даже отрицательною, т. е. не подкрѣплять, а еще разрушать силы. Во всякомъ случаѣ экономическій процессъ обращается въ мнѣніе, и каждая цѣнность уже по существу есть не реальная цѣнность, а мнимая.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на послѣдовательность процесса и на послѣдовательность различныхъ его моментовъ. Въ обоихъ примѣрахъ трудъ предшествуетъ пріобрѣтенію, трата силъ—возобновленію. Хотя бананъ висѣлъ на деревѣ, но я долженъ хотя руку протянуть, чтобы его усвоить. Только въ пѣснѣ Гусара въ ротъ сами валятся галушки.

Таковъ, повидимому, непреложный законъ, но вопросъ снова встаетъ: а первый-то портной у кого же учился? На чей же, однако, счетъ первое пропитаніе получено? Откуда взялись тѣ самыя силы, которыя надо потратить, чтобы ихъ подкрѣпить?

Итакъ, вотъ діалектика: для питанія необходимъ трудъ, а трудъ предполагаетъ совершившееся пита-

ніе. Между прочимъ это есть отвѣтъ на праздный въ сущности споръ: капиталъ ли даетъ продовольствіе рабочимъ? Джорджъ говоритъ, что нѣтъ, и онъ правъ, и противная сторона права. Продовольствіе и трудъ совершаются въ сущности одновременно, идя на встрѣчу. Рабочій, становясь на работу, уже продовольствованъ, капиталомъ конечно, но не тѣмъ капиталомъ, къ которому онъ сталъ на работу, а капиталомъ, и перспектива его продовольствія растетъ, по мѣрѣ того какъ изъ-подъ рукъ его выростаетъ произведеніе. Во всякомъ случаѣ, трудъ и продовольствіе и ихъ процентное отношеніе оцѣниваются мысленно, еще до ихъ совершенія, а когда они совершатся, они служатъ только данными для оцѣнки будущаго дальнѣйшаго. Спекуляція есть поэтому необходимый моментъ въ экономическомъ процессѣ, въ самомъ даже несложномъ, даже когда потребитель съ производителемъ совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Точно также и кредитъ. Взять человѣка на самой первой ступени, гдѣ вся экономія состоитъ въ непосредственной тратѣ силъ на ихъ непосредственное возобновленіе, существенные признаки предмета осуществляются въ разстояніи между тратою и возобновленіемъ. Я трачу *въ надеждѣ* на возобновленіе. Если примѣнить сюда итальянскую бухгалтерію, то данный организмъ есть капиталъ, который кредитуетъ трудомъ и дебитуетъ питаніемъ; равно и на оборотъ: питаясь кредитую себя; мускулы—должникъ, который заплатитъ трудомъ.

Кредитъ есть затрата, совершаемая въ ожиданіи возвращенія затраченнаго съ прибылью. Ожиданіе и прибыль есть его двѣ существенныя черты, отличающія отъ простой мѣны. Хотя въ мѣнѣ уже скрывается кредитъ, но только скрывается. Выступаетъ же онъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается разстояніе между затратою и возвратомъ и съ нимъ возрастаетъ требованіе прибыли.

Требованіе прибыли основывается на естественномъ законѣ органическаго роста и на естественномъ же стремленіи получить возможно больше съ наименьшею затратою силъ.

Ростъ.

Капиталъ есть цѣнность, дающая самостоятельный доходъ. Въ этомъ опредѣленіи согласны Лассаль и Джорджъ. Лассаль прибавляетъ: «въ которомъ обладатель не участвуетъ своей работой». Но прибавленіе излишне, оно само собою подразумѣвается. Капиталъ есть саморастущая цѣнность. Насмѣшки Лассаля надъ объясненіемъ, что прибыль есть премія за воздержаніе или за умственную работу отчасти справедливы. Но однако-же онъ долженъ допустить, что еслибы владѣлецъ капитала 1) не пустилъ его въ оборотъ, а пожралъ или закопалъ, 2) не распорядился его производительнымъ употребленіемъ самъ или чрезъ управляющаго,—капиталъ остался-бы мертвымъ и дохода-бы не далъ, да и работы-бы не далъ. Могутъ спросить: но откуда-же самое право распоряженія? Вопросъ основательный и поведетъ къ разсужденіямъ о правѣ наслѣдства. Но можно представить капиталъ и самолично нажитой; слѣдовательно и объясненіе Бастіа останется вѣрно.

Во всякомъ случаѣ опредѣленіе, что капиталъ есть саморастущая цѣнность, точно, а опредѣленіе или поясненіе Лассаля, что «капиталъ есть форма работы», никуда не годится. Капиталъ естественный, лѣсъ и скотъ, не предполагаютъ работы, нуждаясь въ ней только для надзора. Лассаль и Марксъ не хотятъ знать этого капитала, ограничиваясь капиталомъ общественнымъ, а именно поколику онъ есть принадлежность имущихъ классовъ, поставленныхъ насупротивъ неимущихъ. Но напрасно. Для общественнаго

капитала первообразомъ служитъ естественный, и на немъ-то основанъ саморостъ и общественнаго.

Саморостъ есть отличительная черта органическаго. Онъ состоитъ въ обмѣнѣ матеріи, происходящемъ внутри растенія, посредствомъ усвоенія и изверженія собственными его органами, чрезъ что особь увеличивается въ массѣ и измѣняется въ формѣ. Экономія повторяетъ процессъ органическаго возрастанія въ своей общественной сферѣ, частію пользуясь естественнымъ процессомъ, частію уподобляясь ему. Разница между обоими все таки та, что одинъ есть процессъ случайный, другой предустановленный. Дерево и животныя ростутъ сами для себя. Человѣкъ, господинъ природы, заставляетъ ихъ рости для него. Природа производитъ особи, по химическимъ и механическимъ законамъ, повинуясь случайному ихъ сочетанію. Человѣкъ-же ставитъ силы природы въ опредѣленное, ему нужное сочетаніе, и онѣ производятъ тѣ-же особи, но въ иномъ видѣ, съ иною массою, въ иномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ человѣку нужно. Господинъ природы не довольствуется этимъ. Онъ заставляетъ природу производить новыя особи, новыя даже существа. Забудемъ на минуту, что человѣкъ есть духовное существо. Съ точки зрѣнія Лассаля или Маркса иначе даже не должно смотрѣть: школа мамоны не хочетъ знать, отрицаетъ безконечность, несоизмѣримость, различіе между духомъ и матеріею. Человѣкъ есть такой-же продуктъ природы, какъ папоротникъ, образовавшійся можетъ быть черезъ устрицу между прочимъ до настоящаго вида. Итакъ, человѣкъ есть только послѣдняя ступень, послѣднее звено въ цѣпи, отличающееся только количествомъ отъ осины-ли, отъ обезьяны-ли. Станемъ-же на эту точку зрѣнія, поднимемся надъ земнымъ шаромъ и будемъ смотрѣть. Безконечные аршины миткаля, извергаемые машиной, лишь количественно отличаются отъ меда, выступающаго

на листьяхъ липы, сама бумагопрядилка организмъ, напоминающій ту-же липу отчасти, отчасти и животное, но особаго новаго рода, безпозвоночное, существо, въ которомъ скелетъ преимуществуетъ, мускулы ограниченны, питаніе производится черезъ пожираніе угля, и притомъ на разстояніи. И такъ далѣе, и такъ далѣе, разберемъ это существо и опредѣлимъ особый классъ, въ которомъ должна его поставить естественная исторія. Кромѣ внутреннихъ мускуловъ, у этого существа есть самодвижущіеся внѣшніе мускулы, которыми оно соприкасается съ внѣшней природой и при содѣйствіи которыхъ совершается его питаніе,— человѣческія руки. Какъ создалось это существо? Тѣмъ-же порядкомъ, какимъ остальныя, чрезъ усвоеніе окружающей матеріи, чрезъ примѣненіе себя къ ней, черезъ подборъ, чрезъ борьбу за существованіе, и т. д. и т. д. Разница есть, но мы не можемъ не признать въ немъ черты органическаго самороста и способности къ произведенію, даже къ воспроизведенію, правда не непосредственному. Сырая матерія пожирается, своимъ путемъ переваривается и извергается въ новомъ видѣ, пройдя извѣстный химическій и механическій процессъ. Пряжа или миткаль, выброшенные этимъ чудовищнымъ организмомъ, какъ сѣмя вѣтромъ на листкѣ, переносится на разстояніе въ суднѣ по морю, обмѣнивается съ другимъ продуктомъ, оборачивается деньгами и строитъ новую особь, подобную родительницѣ. Процессъ органическій.

1) Чѣмъ онъ отличается отъ грубо-естественнаго возрастанія? Количественно только степенью участія человѣческихъ силъ. Я бросилъ сѣмя, и тѣмъ кончилъ свое участіе; при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, оно само пойдетъ, взойдетъ, выростетъ, дастъ плодъ. Я не довольствуюсь посѣвомъ, я озабочиваюсь доставленіемъ и благопріятныхъ условій, поливаю, окутываю и т. д. Коли-

чественное участіе человѣка въ сооруженіи бумагопрядилки и выдѣлки пряжи будетъ состоять только въ степени. Но оба процесса безконечно различны качественно. Бумагопрядилка есть совершенно новая особь въ природѣ, не имѣющая себѣ прямаго родоначальника, есть созданіе, не гончая собака или англійскій скакунъ, которые, при всемъ своемъ отличіи отъ прародителей, воспроизводятъ ихъ-же субстанцію, представляя только большее или меньшее видоизмѣненіе. Субстратъ другой, и онъ есть произведеніе мозга, говоря матеріалистическимъ воззрѣніемъ.

2) Подъ какими условіями совершается жизнь этихъ необыкновенныхъ особей, особей, которыхъ природа, оставленная себѣ, не знаетъ, и которыхъ она не умѣетъ произвести? А она можетъ произвести. Что говорю, можетъ? Да она ее и производитъ. Вѣдь возможно-же представить, что все, совершенное при участіи человѣка, сооружено сырыми силами вѣтра, тяжести, тепла и прочихъ физическихъ дѣятелей, такимъ ихъ сочетаніемъ, послѣдствіемъ которыхъ явилась именно бумагопрядилка. Наводненіе обточило валы, землетрясеніе ихъ подняло и т. д.: всѣ дѣятели, которыхъ сочеталъ человѣкъ, сочетались случайно и случайно-же произвелась Аркрайтова машина. Это дико, никогда этого не произойдетъ. Мы согласны, но нѣтъ основанія, что не можетъ произойти: физическая возможность есть. Но не произойдетъ по другой причинѣ, что дѣйствуетъ тутъ не физическая причина, а другая, духовная, не только безконечно различная отъ физической, но безконечно другая. Слѣпая природа улучшитъ шакала въ собаку, повинуясь условіямъ среды, но Аркрайтовой машины не произведетъ. Произведетъ-ли она еще изъ рыбы четвероногое, и даже изъ обезьяны человѣка?

Слѣдовательно, первое условіе для искусственныхъ организмовъ-производителей, назову ихъ механическими, есть присутствіе духовной силы, которая одна ихъ рождаетъ и воспроизводитъ. Второе условіе—духовная-же среда, общество. Производство машины превосходитъ силы не только одного человѣка, но силы одного поколѣнія. Изобрѣтенію ея должно предшествовать множество болѣе элементарныхъ изобрѣтеній, выработаться множество понятій, которыя черезъ слово должны войти въ умственное достояніе человѣчества. Однимъ словомъ, производителей можно раздѣлить на сырыхъ и культурныхъ по происхожденію, случайныхъ и предустановленныхъ по назначенію. Послѣднее опредѣляетъ ихъ *качество*, по которому одинъ производитель есть и ростетъ по себѣ, другой кромѣ того и *для другаго*. А отсюда возникаетъ:

3) Цѣлый *міръ нуждъ*, тоже человѣческихъ и тоже общественныхъ и тоже предполагающихъ культуру. Между значеніемъ общества и культуры для происхожденія и для назначенія производителей разница та, что причина дѣйствующая предполагаетъ реальность, а конечная есть идеальная: нужда существуетъ въ предположеніи, о чемъ уже было отчасти говорено. А потому производство не только удовлетворяетъ существующимъ нуждамъ, но и вызываетъ новыя. Совершается взаимнодѣйствіе. Вопросъ о саморостѣ. Сейчасъ сказанное поясняетъ, что органическій процессъ можетъ совершаться не только въ мірѣ сырой природы, но и въ мірѣ общественной культуры. Въ образецъ представлены машины. Но не одна машина являетъ саморостъ, и не машина только воспроизводитъ органическое въ обществѣ. Все общество есть организмъ. Обмѣнъ матеріи, совершающійся въ индивидуумѣ, тѣмъ самымъ совершается и въ собирательной единицѣ мно-

жества индивидуумовъ, образующаго общество. Обмѣнъ матеріи въ обществѣ не есть только сумма потребляемыхъ предметовъ или удовлетворяемыхъ потребностей. Жизнь, какъ общественная, имѣетъ свои особенности, благодаря которымъ общество есть организмъ, въ которомъ индивидуумъ есть только членъ, но членъ самодѣятельный, хотя сохраняющій связь съ общественнымъ организмомъ. Эту чудную зависимость слѣдуетъ разсмотрѣть особо.

* * *

Не далѣе какъ вчера я слышалъ, что подъ Москвой нѣкоторые изъ деревенскихъ, изъ настоящей деревни, а не то что подмосковной въ тѣсномъ смыслѣ, покупаютъ *яйца* въ Москвѣ и везутъ въ деревню. Вотъ примѣръ, который годится на случай при разсужденіяхъ о «свободномъ обмѣнѣ». Что это, невѣжество, лѣнь? Что-бы ни было, но мы имѣемъ дѣло съ психическимъ элементомъ, и слѣдуетъ, что его нельзя опускать изъ вниманія, когда разсуждаютъ объ обмѣнѣ-ли или вообще объ экономическомъ процессѣ.

Другой случай: мужикъ положилъ возъ дровъ везти въ Москву. Случившіеся москвичи просятъ отвезти въ Москву ихъ вмѣсто дровъ. Мужикъ не соглашается. Завтра базаръ. — Но чего стоятъ твои дрова? Мы тебѣ заплатимъ.—Нѣтъ!—Это что такое? Невѣжество, лѣнь? Нѣтъ, это есть нѣчто даже совсѣмъ другое: мужикъ добровольно отказывается отъ выгоды ясной, несомнѣнной, немедленной, чего не можетъ мужикъ не видѣть. Единственное разумное объясненіе можно было-бы придумать въ томъ, что мужикъ обязался поставить кому-нибудь дрова въ назначенный день и не желаетъ нарушить аккуратность. Но мужикъ этого не объяснялъ. Кромѣ того существуетъ множество однородныхъ, и притомъ всемірныхъ фактовъ. Я въ Рузѣ не могу купить погонъ

дровъ, отправляющійся чрезъ меня въ Москву. Въ Коломнѣ ни за какія деньги нельзя было купить рыбу, отправлявшуюся изъ Астрахани въ Москву. Хорошей икры нельзя достать въ Астрахани, апельсинъ въ Каннѣ и вѣроятно сигары въ Гаваннѣ. Я вывожу отсюда вотъ какое заключеніе: *трудъ добровольно ставитъ себя, любитъ ставить не въ хозяина и обладателя, а въ орудіе*. Базаръ, главный покупатель, для торговца тоже, что машина для рабочаго; равно и всякая рутина имѣетъ то-же. Трудъ подчиняетъ себя ей сознательно, пренебрегая свои выгоды, вопреки прямымъ разсчетамъ. Отчего не оставить часть лучшей икры въ Астрахани и апельсинъ въ Каннѣ? Отбросимъ вѣроятность риска. Риска даже нѣтъ: сейчасъ предлагаютъ деньги, какъ мужику за дрова; но даже предложеніе наличной покупки безсильно. Установившійся путь торговли влечетъ торговца; онъ безсиленъ отъ него оторваться; онъ остается на немъ, движется вмѣстѣ съ нимъ, не находитъ въ себѣ силы съ него спрыгнуть, все равно какъ не въ силахъ прядильщикъ, разъ ставъ у машины, отказаться отъ повиновенія ей. Извольте послѣ того толковать о спросѣ, предложеніи, конкурренціи и тому подобныхъ законахъ, которые тутъ столь грубымъ образомъ нарушаются. Извольте толковать объ эксплуатаціи труда, когда трудъ самъ себя эксплуатируетъ, везетъ сперва икру или рыбу за тысячи верстъ съ тѣмъ, чтобы она воротилась къ нему-же по дорогой цѣнѣ, съ прибавленіемъ приплаты за двойной провозъ и за барышъ московскаго покупателя.

Короче выразиться: сила, выраженная въ перечисленныхъ сейчасъ фактахъ, есть сила *косности*, продолжающая влечь, когда двигатель даже отцѣпленъ.

Эскимосъ и Ямайскій плантаторъ, олень и бутылка рома,—вотъ съ чего можно начать разсужденіе о свободномъ обмѣнѣ.

Вопросъ, касающійся этого пункта, формулируется кратчайшими словами такъ:

Вѣрно-ли, что при обмѣнѣ обѣ стороны равно выигрываютъ?

Поставляя такой вопросъ, мы отстраняемъ предположеніе о болѣе или менѣе грубой эксплуатаціи, гдѣ напримѣръ мѣдное кольце продаютъ за золотое. Нѣтъ, будемъ говорить о совершенно правильной торговлѣ.

Вѣрно-ли? Да, вѣрно, если дѣло идетъ о биржѣ, и притомъ такой, какова лондонская. Но въ чемъ эта обоюдная выгода при обмѣнѣ?

Я отдаю что у меня есть лишняго, получаю въ чемъ я нуждаюсь. Прекрасно, но надобно, чтобы для обоюдности оба эти условія равно существовали, чтобы я отдавалъ дѣйствительно лишнее и пріобрѣталъ дѣйствительно нужное. Замѣтимъ это и оставимъ разысканія о нуждѣ и излишествѣ, къ которымъ вернемся. Въ чемъ-же однако тутъ выгода, и притомъ обоюдная, гдѣ-же тутъ въ товарѣ *Mehrwerth* и откуда она явилась? Я отдалъ хлѣбъ и получаю сапоги, но тотчасъ раздумалъ и несу сапоги кому-нибудь, кто ихъ обмѣняетъ на свой лишній хлѣбъ; величины сами по себѣ остаются равными, предполагая условія, что та и другая имѣютъ одинаковую стоимость, потребовавъ для себя одинаковое количество работы. Равенство, положимъ, есть, но выгоды еще не видно. Выгода не сводится-ли единственно къ *скорости*, къ преодолѣнію времени и разстояній? Если-бы я не нашелъ готовыхъ сапогъ, долженъ-бы употребить на выработку ихъ время, гораздо конечно большее, нежели спеціалистъ; или если-бы готовые сапоги росли гдѣ-нибудь на деревѣ, или вмѣсто сапогъ мнѣ на-

добны апельсины, я долженъ туда брести, гдѣ они растутъ, и опять терять. А мой лишній хлѣбъ, оставаясь безъ призора и употребленія, тѣмъ временемъ загніетъ. Слѣдовательно обмѣнъ способствуетъ скорѣйшему обращенію запаса въ дѣло, производительному употребленію труда, выводу капитала изъ мертваго состоянія.

Здѣсь бросается въ глаза противоположное значеніе времени. Вино чѣмъ долѣе стоитъ, тѣмъ болѣе возвышается въ цѣнности, домашнее животное, произрастеніе, съ каждымъ днемъ наращаетъ себѣ цѣнность. А съ нашими сапогами и хлѣбомъ совершается обратное: они теряютъ, когда лежатъ. Противорѣчіе кажущееся. Время необходимо для созрѣванія, но время-же разрушаетъ и вообще, и въ частности, когда созрѣваніе кончилось. Дерево начинаетъ рыхлѣть, быкъ терять нѣжность мяса, о винѣ неизвѣстно, но непремѣнно есть предѣлъ, гдѣ созрѣваніе оканчивается, и цѣнность если не идетъ впередъ, то останавливается. Хлѣбъ, ссыпанный въ зернѣ, уже достигъ зрѣлости, сапоги сшитые—тоже. Не только хлѣбъ, но и сапоги переживаютъ тотъ-же процессъ, что замѣчаемъ въ быкѣ или произрастеніи. Матеріалъ подъ руками сапожника ростетъ, зрѣетъ. Такимъ образомъ самая работа есть наращеніе процента на матеріалъ, который все-таки есть капиталъ. Въ моментъ зрѣлости обмѣнъ подхватываетъ издѣліе и обращаетъ туда, гдѣ оно даетъ новый плодъ.

Мимоходомъ вопросъ: слѣдовательно трудъ наращиваетъ стоимость? Само собою разумѣется, да. Но нарашиваетъ на бо́льшую сумму, чѣмъ самъ стоитъ? Опять да, потому что не по воздуху махалъ, а имѣлъ дѣло съ капиталомъ, въ видѣ матеріала и средствъ производства, которыя обладаютъ внутреннею способностью самонаращенія, именно благодаря обмѣну, посредствомъ котораго сапогъ уравнивается съ телен-

жомъ, аршинъ холста съ яблокомъ или другимъ саморастущимъ произведеніемъ.

Обращаемся къ обмѣну. Есть выгода, и обоюдная; она не мгновенна, мгновенно она только реализуется, но есть результатъ прошлаго. Процентъ, наращавшійся въ теченіе выдѣлки сапогъ и выработки хлѣба, получаетъ въ моментъ обмѣна свою валюту. Но равная-ли для обѣихъ сторонъ выгода?

Право рабочихъ на долю хозяйскихъ барышей повидимому, самое святое. Но ему противостоитъ существенное возраженіе: а не обязаны-ли они, когда такъ, участвовать и въ убыткахъ? Разложимъ фабричное производство на элементы: 1) рабочія руки, 2) машины, 3) помѣщеніе, 4) матеріалъ. Рабочія руки и машины величины однородныя, слѣдовательно можно считать три элемента: помѣщеніе, матеріалъ и руки (механическія или живыя). То и другое и третье представляютъ собою капиталъ. Отстранимъ помѣщеніе, какъ величину безразличную. Домовладѣлецъ отдалъ внаймы и получаетъ свой процентъ, притомъ застраховалъ себя. Остаются матеріалъ и рабочія руки. Представителемъ фабриканта или капитала въ тѣснѣйшемъ смыслѣ остается матеріалъ. Машины могутъ имѣть другаго представителя и часто въ дѣйствительности имѣютъ. Итакъ, наемная плата за домъ внесена, рабочимъ и машинамъ жалованье уплачено. Матеріалъ обработанъ, но онъ нейдетъ съ рукъ или имѣетъ на рынкѣ цѣну, не покрывающую издержекъ производства. Кто-же отвѣчаетъ? Матеріалъ? Но матеріалъ самъ можетъ быть отдѣленъ отъ производства и имѣть особаго представителя, напримѣръ при аппретурѣ. Фабрикантомъ въ тѣсномъ смыслѣ остается слѣдовательно только распорядитель, слѣдовательно чья-то голова. Повидимому, на него одного и должны пасть убытки. Но

однако справедливо-ли? Убытокъ можетъ произойти и отъ 1) матеріала (онъ понизился въ цѣнѣ или недоброкачественъ), 2) отъ машинъ, (которыя могутъ быть плохими, плохо управляться и ремонтироваться) и 3) отъ рабочихъ, небрежно или неумѣло исполняющихъ. Отъ всего этого *можетъ* происходить убытокъ, но какъ его разложить по справедливости? Наконецъ, можетъ убытокъ произойти просто отъ случая: новое изобрѣтеніе убиваетъ старое, прошла мода, предложеніе превышаетъ спросъ и т. п. Во всякомъ случаѣ отвѣтственъ распорядитель, ближайшій и отдаленный, покупщикъ матеріала, распорядитель машинъ, самъ рабочій какъ распорядитель своихъ рукъ, однимъ словомъ отвѣтственность на предпринимателѣ въ обширномъ и тѣсномъ значеніи; ему слѣдовательно и барыши. Руки и машины не отвѣтствуютъ: кто за ними смотрѣлъ, или руководилъ, ихъ выбиралъ? А слѣдовательно прибыль есть законная премія предпринимателя, какъ таковаго, подобно какъ рента есть доходъ собственника, какъ таковаго. Участіе въ преміи принадлежитъ слѣдовательно пропорціонально по мѣрѣ приложенія ума, разсчета, прилежанія и всего менѣе физическимъ рукамъ, какъ таковымъ. Короче сказать, и прибыль и убытокъ принадлежатъ умственной работѣ, *изобрѣтенію*, какъ сказалъ я въ другомъ мѣстѣ. Не участвуя въ распоряженіи, рабочіе не могутъ участвовать и въ прибыляхъ. Допуская ихъ къ прибылямъ, хозяинъ долженъ допускать ихъ и къ распоряженіямъ, а отсюда стало-быть возлагать на нихъ убытки. Осуществимо-ли это? Повидимому да, хотя отчасти, но только путемъ не прямымъ, а обратнымъ, именно идти отъ minimum работной платы, съ преміями для нея въ случаѣ удачи предпріятія вообще или старательности частныхъ лицъ въ частности. Но слѣдовательно, понятно, заработная плата должна быть при-

этомъ понижена, то-есть возможный убытокъ вычтенъ заранѣе и разложенъ на рабочихъ и распорядителей въ соотвѣтствующей пропорціи. Свободнымъ договоромъ трудно этого достигнуть, и если когда будетъ осуществлено, то развѣ путемъ законодательнымъ, потому что 1) заработная плата вообще растетъ, и 2) сама по себѣ едва покрываетъ нужды, такъ что отдѣлять на страхъ нечего. Иначе сказать, рабочій не согласится добровольно на такую сдѣлку.

Обратимъ еще вниманіе на трудность, которая представляется для правомѣрнаго распредѣленія прибылей и убытковъ. Вообразимъ себѣ, что собрались капиталисты и рабочіе, положимъ, для производства пряжи. Капиталъ предлагается въ милліонъ рублей; рабочихъ тысяча человѣкъ, и ихъ годовая работная плата, положимъ, равняется двумъ стамъ тысячамъ. Они оцѣниваютъ себя изъ стоящаго на рынкѣ размѣра процентовъ, положимъ, въ 4 милліона. Рабочіе и капиталисты выберутъ сообща руководителей дѣла. По существу, прибыль, а равно и убытокъ главною долею должны отчисляться: 1) на распорядителей, 2) на живыя руки, и наконецъ уже 3) на бездушный капиталъ, который въ сущности есть только матеріалъ въ данномъ случаѣ и орудіе. Но тогда 1) капиталъ совсѣмъ лишается своихъ процентовъ, то-есть становится безконечно дешевле, нежели на рынкѣ, и поэтому не пойдетъ на предпріятіе, 2) главная отвѣтственность ляжетъ на тѣхъ, кто не имѣетъ чѣмъ отвѣтить, то-есть на распорядителей, на умственный трудъ, у котораго нѣтъ капитала. Разложить на тѣхъ, кто ихъ выбиралъ? Но въ какой мѣрѣ это справедливо? Тогда нарушается основной принципъ, и тогда сами рабочіе лишаются права на барыши-ли, убытки-ли и остается въ тѣхъ и другихъ тотъ, кто ихъ нанялъ, собралъ. Словомъ, тяжесть отвѣтственности и благо выгоды обращается

на одного предпринимателя, словомъ возстановляется теперешнее положеніе.

* * *

Заработокъ и доходъ. Заработокъ, понятно, то, что сработано; доходъ—то, что при работѣ пріобрѣтено даровою силою, земли-ли, капитала-ли, рента или процентъ, все равно.

Заработокъ долженъ быть пропорціоналенъ усиліямъ, на трудъ положеннымъ. *A*=мускулы, умъ, словомъ рабочій. Сколько *A* положено? Нужно взять механическій законъ,—массу и время, своего рода пудофутъ. Та же сила не можетъ произвести болѣе того, что есть сама въ себѣ, иначе какъ съ растяженіемъ времени. Итакъ, переводя на экономическій языкъ, рабочій при извѣстномъ напряженіи и времени долженъ отъ вѣка производить ту-же равную стоимость, заработокъ долженъ быть тотъ-же нынѣ какъ вчера, здѣсь что за океаномъ. А такъ-ли? Нѣтъ. То-ли даетъ мужику 10 часовой трудъ, что англійскому рабочему съ одной стороны и лапландцу съ другой, за трудъ того-же времени, того-же напряженія и, прибавлю, того-же качества? То-ли даетъ, что давалъ въ XIV столѣтіи тому-же мужику? Другими словами, ту-ли сумму и тѣхъ-ли же благъ можетъ онъ купить за 10 часовой трудъ? Нѣтъ, тамъ и тогда меньше, здѣсь и теперь больше.

Итакъ, *заработокъ* въ *общемъ* возвышается. Даже при меньшей заработной платѣ въ цивилизованной странѣ рабочій получаетъ больше, нежели въ варварской странѣ и въ прежнія времена (что впрочемъ въ существѣ то-же: лапландецъ есть то-же, что мужикъ древности).

А *доходъ?* Возвышается-ли? Что касается *процента*, то онъ *понижается* вмѣстѣ съ прогрессомъ; это, кажется, внѣ сомнѣнія. Но *рента* повышается, въ этомъ также нѣтъ сомнѣнія; то-есть то-же пространство даетъ

больше благъ, нежели давало. Но больше какъ? Безотносительно или относительно? Если она поднимается безотносительно, то стало быть и относительно, по крайней мѣрѣ капитала, потому что процентъ понижается; а стало быть и относительно труда, который вѣчно въ одномъ положеніи, даетъ то, что̀ онъ даетъ.

Подойдемъ съ другой стороны. Можетъ производиться и производится болѣе, нежели потребляется,— капиталъ. Но капиталъ, этотъ остатокъ, или потребляется непосредственно, слѣдовательно увеличиваетъ сумму довольства, или употребляется на производство, слѣдовательно увеличиваетъ не только на настоящее, но и на будущее время. Не служитъ къ общему довольству капиталъ только, когда онъ хранится. Потому что если онъ потребляется, то онъ не съѣдается-же обладателемъ въ томъ видѣ, въ какомъ полученъ, и не бросается въ огонь. Пріобрѣтаются вещи, слѣдовательно вызывается производство и поощряется трудъ. Все зависитъ отъ степени и направленія. Посмотримъ, какъ это совершается.

Я получаю капиталъ, какой все равно, и откуда все равно. Я его отдаю, кому все равно, но для котораго вопросъ тотъ-же, что̀ для меня: куда его дѣвать? И наконецъ, первый-ли, второй-ли или десятый пріобрѣтатель пускаетъ на производительное употребленіе, какое—опять все равно. Но результатомъ того, что онъ пущенъ въ оборотъ, является, что сумма полезныхъ вещей, благо, увеличивается не только на сумму капитала, но плюсъ на его процентъ, съ которымъ повторяется та-же исторія.

Но я капитала не отдаю и не потребляю. Что-жъ я дѣлаю? Храню? Это возможно, но это будетъ значить, что я его истребляю. Въ чемъ будетъ состоять этотъ капиталъ? Въ полѣ, домѣ, товарѣ? Но товаръ загніетъ и обезцѣнится, поле заростетъ, домъ рухнетъ. Но положимъ, домъ еще я могу самъ потреблять, то-есть

жить въ немъ; во всякомъ случаѣ я лишаю общество благъ на ту сумму, которую я удерживаю. На оборотъ, пуская въ оборотъ, я обогащаю общество. Чѣмъ-же я пользуюсь самъ? Могу ничѣмъ, то-есть только увеличивать цифирно свое богатство, то-есть пустивъ капиталъ, потомъ пустивъ процентъ съ капитала, потомъ процентъ съ процента: всѣмъ существенно пользоваться буду не я, а другіе. Но предположимъ, что я пользуюсь, *проживаю* доходъ: этимъ что я дѣлаю? Ѣсть и пить я могу больше, пожалуй даже до пресыщенія; но этотъ видъ потребности имѣетъ свои предѣлы. Могу надѣвать двѣ шубы вмѣсто одной, хотя этого никто не дѣлаетъ. Если-же ограничиваюсь только тѣмъ, что *имѣю* двѣ шубы, то отношеніе мое входитъ въ категорію уже разобранную выше, то-есть держу мертвый капиталъ.

Но я могу возвысить свое потребленіе *качественно*, лучше кушать, пить дорогое вино, держать прислугу, лошадей и проч. Въ этомъ и состоитъ преимущественно все пользованіе капиталиста. Однако въ этомъ случаѣ на половину я употребляю свой капиталъ также производительно и точно также поощряю трудъ, положимъ, парижскаго портнаго или токайскаго винодѣла. Я ничего не похищаю у общества и въ частности у труда, за исключеніемъ рукъ, способныхъ быть производительными, а у меня употребляемыхъ на занятія лакеямъ, кучерамъ и т. под. Для общества результатъ этой жизни тотъ-же, что при храненіи богатства плюсъ отвлеченіе производительныхъ рукъ отъ работы. Я ни у кого ничего не отнимаю, отнимаю лишнюю возможность увеличенія лишнихъ благъ, но не отнимаю какія нибудь готовыя блага.

Въ окончательномъ итогѣ выходитъ что-же? Во первыхъ, главная бѣда не *неравномѣрность* распредѣленія богатствъ, а если такъ выразиться—монархиче-

скій режимъ въ распоряженіи ими. Ими распоряжается капиталистъ или собственникъ, давая имъ такое, а не другое направленіе, болѣе или менѣе полезное въ общемъ прогрессѣ, а никому въ частности не наносящее обиды и труду въ томъ числѣ. Одинъ увеличиваетъ производительность, а слѣдовательно и богатство, выпиваніемъ шампанскаго, другой—распахиваніемъ поля; но вѣдь и шампанское въ какомъ нибудь отдаленномъ концѣ обращается въ распахиваніе. Вопросъ сводится на посредственность и непосредственность результатовъ и во всякомъ случаѣ къ вліянію на общее благосостояніе, а не частное того или другаго, или чью нибудь обиду.

Съ другой стороны попробуемъ упразднить упомянутый монархическій режимъ. Допустимъ, что нашли возможнымъ выдѣлить чистый заработокъ отъ его приростка, даваемаго даровыми силами, и возложили распоряженіе этимъ приросткомъ на общественныя плечи. Но какъ? Совѣщательнымъ порядкомъ выборныхъ? Не будутъ-ли управлять опять лица? Не возобновится-ли старый порядокъ, только въ другомъ видѣ? Будетъ распоряжаться А вмѣсто Б. Рабочій-же нисколько не выигрываетъ; каждый получитъ то-же, что получаетъ, потому что каждый и безъ того получаетъ болѣе, чѣмъ вырабатываетъ. Отнимается у капиталиста или собственника лишь возможность беречь безъ толка, пить шампанское, держать лошадей и шить новомодные фраки. Но что-же черезъ это? Или предметы роскоши должны совсѣмъ исчезнуть, или-же будетъ кто нибудь другой роскошествовать. Въ послѣднемъ случаѣ то-же шампанское будетъ опять пить распорядитель; только лице будетъ другое, а существо дѣла останется то-же. То-же оно останется, если совсѣмъ прекратятся: шампанское, рысаки и новомодные фраки. Войдетъ только своего рода запретительный тарифъ, упраздняющій одинъ видъ

промышленности, поощряющій другое. Положеніе-же рабочаго вообще не измѣнится. Но нельзя не ожидать громадной разницы въ смыслѣ содѣйствія прогрессу. Предпріимчивость, если не умретъ, то ослабнетъ; изобрѣтательность заснетъ. Однимъ словомъ, то-же самое что съ казеннымъ управленіемъ промышленными заведеніями, гдѣ личная выгода перестаетъ быть двигателемъ.

Утверждали, что процентъ есть премія за воздержаніе: это справедливо лишь отчасти; процентъ есть приростъ или приходъ естественный, и откуда еще не слѣдуетъ, чтобы получатель процента пользовался какой нибудь преміей, кромѣ возможности прибавить лишнюю цифру къ счету своего капитала. Премія начинается съ того момента, когда капиталистъ начинаетъ проживать процентъ, употреблять его на себя. Но эта премія есть скорѣе премія за управленіе, за предпріимчивость, премія за то, что капиталъ не зарывается въ землю. Пуская его въ оборотъ, хотя-бы для своего чрева, капиталистъ ублажаетъ себя, но благодѣтельствуетъ и другимъ. Въ какой кому степени, равномѣрно-ли и всѣмъ-ли по заслугамъ, и ему самому въ частности? Но съ экономической точки зрѣнія на это отвѣтъ невозможенъ. Мы имѣемъ предъ собою естественно-историческій фактъ, и съ естественно-исторической точки онъ правомѣренъ. Каковъ онъ будетъ съ психической, съ нравственной стороны, это вопросъ другой. Но нечего и задавать его экономисту. Экономистъ можетъ спрашивать развѣ о томъ, должна-ли экономическая жизнь оставаться со своими законами, или справляться съ нравственностью и имъ подчиняться? Но въ такомъ случаѣ экономическая жизнь даже возможна-ли, не упраздняется-ли она въ существѣ?

* * *

Зерно посѣянное даетъ черезъ годъ 10, 15 и болѣе зеренъ. Что это?

Самоумноженіе, *доходъ*, матеріальная прибавка.

Совершилось это внутренней жизнію зерна. Дѣломъ человѣка или труда было:

Подставить органическую особь подъ такія физическія условія, которыя способствуютъ его внутреннему (само)возрастанію.

Оставимъ *мѣсто*, которое есть общее условіе для всѣхъ производствъ и для самаго человѣка. Имѣемъ:

1) *Внѣшнихъ*, общихъ физическихъ дѣятелей (свѣтъ, воздухъ, тепло).

2) *Почву*, дающую ближайшій матеріалъ.

Итакъ 1) *дѣятели* и 2) *матеріалъ*.

Тряпка кладется въ рольный ящикъ и черезъ пять часовъ выходитъ *листомъ бумаги*, веществомъ новымъ, убавившимся въ вѣсѣ, но увеличеннымъ въ цѣнности, такъ что за единицу бумаги даютъ 5, 6 единицъ тряпки.

Совершилось самоумноженіе, *доходъ* безъ матеріальной прибавки, даже съ уменьшеніемъ.

Процессъ тотъ-же. *Матеріалъ* подставляется *физическимъ дѣятелямъ*. Но разница:

а) Совершается не *приращеніе*, а *превращеніе*.

б) Дѣятели не атмосферные, всегда для всякаго готовые, а *искусственно устроенные*, механическіе.

в) Самъ первоначальный матеріалъ только въ отдаленномъ началѣ есть непосредственное произведеніе самой себѣ оставленной природы, тоже зерно (льняное), а есть плодъ того-же искусственнаго сочетанія силъ и матеріаловъ, какъ и листъ бумаги, который изъ него выйдетъ.

Здѣсь все—*приготовленное*, тамъ все—*готовое*. Но и тамъ можетъ быть все или почти все приготовлено. Почва накладена, искусственное тепло (въ теплицѣ)

и орошеніе; самое мѣсто: зерно переносится изъ другаго мѣста.

Разница неистребимая все-таки остается.

Тамъ естественно-органическій процессъ; здѣсь подражаніе ему обмѣномъ матеріи чрезъ искусственное сосредоточеніе и сопоставленіе механическихъ и химическихъ дѣятелей.

И здѣсь и тамъ, въ сущности, ничего не прибываетъ и не убываетъ, а только превращается. Прибываетъ лишь одинъ видъ на счетъ уменьшенія другаго обмѣномъ матеріи. Въ одномъ случаѣ прибавочность состоитъ въ простомъ умноженіи количества, въ другомъ—увеличеніемъ годности, безъ матеріальнаго приращенія. Или: годное само въ себѣ увеличивается въ своемъ числѣ. Негодное или не непосредственно годное пріобрѣтаетъ годность или увеличивается въ ней.

Природа не заботится о произведеніи годностей для человѣчества, примѣнительно къ его числу, его вкусамъ и его размѣщенію. Она производитъ годное, но не всегда и не вездѣ въ такомъ количествѣ, въ какомъ требуетъ человѣкъ, и не всегда въ готовомъ видѣ, въ какомъ нужно. Многаго она и вовсе не производитъ готовымъ.

Содѣйствіе природѣ къ изготовленію нужнаго человѣку въ количествѣ и видѣ, которые онъ находитъ нужными, совершается самимъ человѣкомъ.

Дѣятель есть его *умъ*.

Орудіе—*рука*, совершеннѣйшее изъ орудій природы.

На что простирается содѣйствіе человѣка? На все, начиная съ общихъ физическихъ дѣятелей: человѣкъ можетъ сосредоточивать ихъ, размѣщать, приводить въ дѣйствіе и останавливать.

Представимъ себѣ, что природа производитъ только нужное для человѣка и въ томъ количествѣ и видѣ, въ какомъ ему нужно, подаетъ ему готовымъ.

Это и есть цѣль человѣчества: освобожденіе отъ труда.

То-же есть и цѣль индивидуума: получить готовое благо.

Если произведенія, нужныя человѣку, назвать вещественнымъ благомъ, то въ каждомъ, стало быть, различается *степень* его готовности быть употребленнымъ, и она можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: а) внѣшней *близости* по времени или мѣсту къ желающему пользоваться, б) внутренней *зрѣлости*.

Такъ какъ нѣтъ произведенія, зрѣлость котораго не зависѣла-бы отъ природы, и нѣтъ произведенія, которому нельзя-бы было содѣйствовать для его готовности трудомъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ *приближенія*, то различимы степени участія, принимаемаго тѣмъ и другимъ дѣятелемъ въ каждомъ произведеніи.

Таково различіе по *происхожденію*. Затѣмъ, по *назначенію* произведенія могутъ различаться степенью, въ какой угождаютъ потребностямъ и вкусамъ. Одна потребность сильнѣе другой; та-же потребность можетъ удовлетворяться въ различной степени не количественно только, а качественно (сытное просто, сытное и вкусное).

Сравненіе въ сказанныхъ отношеніяхъ имѣетъ мѣсто, пока человѣкъ одинъ остается предъ природою и ея благами. Экономія начинается и въ этомъ состояніи; сравненіе есть оцѣнка. Она выражается въ предпочтеніи, которое выражается въ свою очередь частію выборомъ для употребленія, частію береженіемъ. Какой-же законъ расцѣнки въ этихъ условіяхъ?

Болѣе цѣнно то, что полнѣе и пріятнѣе удовлетворяетъ.

Болѣе цѣнно то, что готовое (ближе и зрѣлѣе).

Первое понятно само собою. Но второе противорѣчитъ обыкновеннымъ понятіямъ. Слѣдуетъ, что *до-*

рою то, *что не требуетъ труда*. Напротивъ менѣе цѣнно то, для добыванія чего мнѣ необходимо употребить усиліе, разумѣется при предположеніи, что обѣ вещи совершенно равно удовлетворили-бы и притомъ ту-же потребность. Я цѣню усиліе, которое долженъ употребить, а не вещь. Вещь имѣетъ свою реальную цѣнность: во первыхъ внутреннюю, безотносительную (зрѣлость), во вторыхъ относительную (къ моему аппетиту). Но я цѣню свою силу, свое здоровье, свою жизнь; это есть высшее для меня, и я не хочу ихъ издерживать. Въ душѣ моей происходитъ своего рода обмѣнъ и торговля. Получаю пищу, отдаю силу. Принимая пищу безъ затраты силъ, я увеличиваю свой капиталъ. Затрата его уменьшаетъ и слѣдовательно уменьшаетъ цѣнность потребленной вещи на всю сумму затраты.

—

Хозяйство возможно и бываетъ даже въ одинокомъ состояніи. Для этого не нужно воображать Робинзона, и достаточно вспомнить христіанскихъ пустынниковъ. Живетъ въ лѣсу, питается кореньями, частію ягодами, можетъ пріучить оленя или козу; сколочена хижина; звѣриная шкура—и постель и одежда, и пр. пр. Здѣсь понятія о богатствѣ еще нѣтъ, хотя своего рода есть избытокъ. Дѣятели экономическіе предъ природою: физическія силы и физическія потребности, и надъ ними умъ, обоихъ господинъ. Стоимость и цѣнность мерцаютъ лишь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ.

Но является *второй человѣкъ*.

Если мѣста и произведенія природы вдоволь, силы обоихъ равны и потребности одинаковы, это тоже одинокое состояніе. Два пустынника, изъ которыхъ каждый одинокъ, не завися отъ другаго и не нуждаясь. Но а) окружающій міръ въ смыслѣ готовыхъ благъ можетъ быть тѣсенъ и скуденъ,

б) силы обоихъ неодинаковы и

в) потребности разныя.

Отсюда начинается экономическая игра. Вступаютъ новыя условія:

а) соперничество,

б) обмѣнъ и предполагаемое обоими

в) усвоеніе.

Соперничество можетъ доходить до изъявленія двухъ требованій на одну вещь въ данномъ мѣстѣ и данное время. Оно предполагаетъ одинаковость потребностей и скудость готовыхъ благъ.

Обмѣнъ предполагаетъ разность силъ и потребностей и разность окружающей природы.

Обмѣнъ есть и первое *раздѣленіе* благъ.

При обмѣнѣ каждый отдаетъ лишнее и получаетъ необходимое (недостающее).

Правильный обмѣнъ предполагаетъ съ обѣихъ сторонъ равныя цѣнности, но разнородныя. Безъ того обмѣнъ не имѣетъ смысла.

Что-же служитъ мѣрою или уравнителемъ?

Одна *нужда*.

Мнѣ нужно овса, сосѣду—ячмень. Оба товара предназначены къ удовлетворенію однородной потребности и матеріально доступны они тожественному измѣренію (вѣсомъ или объемомъ). Мнѣ нужнѣе овесъ, нежели сосѣду ячмень: во столько разъ уменьшеннымъ количествомъ овса довольствуюсь я.

Или: мнѣ овесъ менѣе нуженъ, то есть болѣе излишенъ, чѣмъ сосѣду овесъ: новое пониженіе цѣны ячменя.

Но мнѣ нужнѣе овесъ, чѣмъ сосѣду ячмень. За то въ ячменѣ у меня не такое излишество, какое въ овсѣ у сосѣда.

Этимъ сравненіемъ нуждъ балансируется мѣна и устанавливается *цѣна*, то есть сравненіе съ какою нибудь третьей равнодушной единицей.

Трудъ, степень готовности товара, издержки производства, словомъ *происхожденіе* не имѣетъ здѣсь самостоятельнаго значенія. Товаръ при мѣнѣ уже является готовымъ и даже излишнимъ. Степень труда, необходимаго на производство, имѣетъ значеніе лишь рефлективнаго, и опять въ зависимости отъ нужды. Не то опредѣляетъ возвышеніе или пониженіе цѣны, сколько *потрачено* силъ на производство, а сколько потребуется ихъ на возстановленіе товара, если онъ мнѣ будетъ самому нуженъ. Опять овесъ и ячмень. Добывка ячменя мнѣ стоила вдвое болѣе трудовъ, нежели сосѣду добывка овса. Обстоятельства этого я не принимаю въ соображеніе и отдаю дешево ячмень потому, что онъ мнѣ не нуженъ. Я отдаю его и еще дешевле, если предполагаю, что за продажею всего ячменя я буду имѣть его задаромъ саморослый, и онъ мнѣ притомъ равно будетъ не нуженъ, какъ и теперь. Но я *предвижу*, что онъ *будетъ* мнѣ нуженъ, и добывка его будетъ стоить мнѣ большихъ трудовъ: я удерживаюсь отъ продажи или цѣну возвышаю на столько, на сколько затруднительнымъ предполагаю удовлетвореніе мной *предвидимой* нужды. Напротивъ, сколько-бы ни предвидѣлось труда на возстановленіе ячменя, но когда я не предвижу въ немъ нужды, все-таки я отдамъ его по прежнему, дешево. Старомодный сюртукъ, и притомъ изъ матеріи, которой уже достать нельзя, я продамъ все-таки дешево, потому что онъ мнѣ не нуженъ теперь и не будетъ нуженъ послѣ; нужды нѣтъ, что онъ мнѣ обошелся дорого.

Итакъ, реальный, совершившійся трудъ собственно не имѣетъ значенія, а оказываетъ вліяніе на цѣну трудъ предполагаемый въ будущемъ на возстановленіе товара и притомъ въ зависимости отъ нужды.

Отъ того, какъ я сказалъ уже въ другомъ мѣстѣ, производитель или трудъ всегда проигрываетъ, а по-

требитель выигрываетъ. Потому что издержки производства уже совершившійся фактъ, котораго нельзя взять назадъ или умѣрить, какъ потребность еще неудовлетворенную. За то, съ другой стороны, при обмѣнѣ каждый изъ мѣняющихся непремѣнно и выигрываетъ, выигрываетъ какъ потребитель. Каждый получаетъ вещь, которой *не* могъ-бы самъ произвести или могъ-бы произвести, потративъ слишкомъ много силъ и времени. Мнѣ эта вещь безконечно дорога или очень дорога, а между тѣмъ я ее получаю за ничто или почти за ничто. Уже въ этомъ, потребительскомъ смыслѣ, оба выгадываютъ. Но бываетъ большею частію, что выгадываютъ оба даже какъ производители. Излишество, въ какомъ-бы его ни принимать видѣ, экстенсивномъ или интенсивномъ (т. е. болѣе чѣмъ нужно или вовсе не нужно, потому что нѣтъ на эту статью у меня потребности), связывается большею частію съ легкостью пріобрѣтенія. Слѣдовательно каждый даетъ, что ему легко, слѣдовательно дешево (безъ потраты жизненныхъ силъ) досталось, и получаетъ, что̀ ему досталось-бы съ трудомъ, слѣдовательно дорого, безъ этого обмѣна.

Слѣдовательно,

1) Я продаю, а тѣмъ менѣе получаю, не трудъ, а благо, которое нахожу для меня нужнымъ.

2) Дороже всего я цѣню свою жизнь, здоровье, силы и только въ этомъ смыслѣ я цѣню трудъ, то есть еще не проявившійся.

3) Трудъ уже совершившійся, затрату силы уже сдѣланную, я цѣню столь-же мало, какъ и обыкновенный экскрементъ.

Поэтому-то происхожденіе высшаго блага, трудомъ-ли оно добыто или даровано готовое природою, обезразличивается. Самородная-ли рожь или посѣянная,— экономическое достоинство ея равно. Трудъ, издержки производства имѣютъ значеніе для одного произво-

дителя лично, и притомъ до той поры, пока они не произведены; общественной стоимости они не имѣютъ никакой, если только само общество не разсматривать, какъ производителя.

Сопротивленіе и его виды. Оно можетъ быть *пассивное* и *активное*. По крайней мѣрѣ есть различіе между *добычей* и *выработкой*.

Два конечные пункта: *индивидуумъ* (человѣческій) и *вселенная*.

Что нужно индивидууму? *Что* можетъ дать вселенная? Перспектива безконечнаго прогресса.

Готовыя блага и *непосредственныя* нужды. Травоядное существованіе въ тропическомъ климатѣ. Перспектива безконечнаго однообразія, когда-бы къ нуждѣ въ *питаніи* не присоединялась нужда половая, а отсюда неизбѣжность *воспроизведенія*.

Въ *воспроизведеніи* первый задатокъ *взаимослуженія* (коопераціи и раздѣленія труда).

Нужды, условливаемыя *питаніемъ* и *воспроизведеніемъ*, остаются навсегда, составляя глубочайшее дно всѣхъ нуждъ.

Косность—первое сопротивленіе, представляемое готовыми благами, второе—*случайность* ихъ размѣшенія.

Задача, поставляемая индивидуумомъ: съ *меньшимъ* напряженіемъ достигнуть *лучшаго* удовлетворенія. Внутренняя борьба: сравненіе видовъ и степени напряженія, видовъ и степеней удовлетворенія. Первый зародышъ и *цѣнности* и *стоимости*.

II.

Мѣстность и *семья*. а) *Мѣстность*—первое проявленіе *случайности*, косное: ограниченные виды питанія. Оно переходитъ въ *потенцированную* случай-

ность, падающую въ категорію времени: сегодня не походитъ на завтра (бури, землетрясеніе и т. п.).

б) *Семья* заключаетъ въ себѣ возможность другой семьи, и съ нею осложненія пассивныхъ сопротивленій косной природы активнымъ — силъ другой или другихъ семей. Выводъ: *внѣшняя* борьба, съ двумя представляющимися путями: на углубленіе въ косную природу и на преодолѣніе живаго соперничества. Случайность, вступающая въ міръ самихъ потребителей: разная сила размноженія, болѣзни, неодинаковая крѣпость организма.

Борьба соперничествъ преодолѣнная и а) въ фактѣ и б) въ побужденіяхъ, съ направленіемъ общихъ силъ къ преодолѣнію мѣстной природы и углубленію въ нее, образуетъ:

III.

Общество. И его начало и его продолженіе совершается подъ вліяніемъ тѣхъ-же случайностей. Личная отвага, личная изобрѣтательность (случайная и неравномѣрная). Смиреніе слабаго передъ сильнымъ—законъ большинства. Это можно назвать активнымъ моментомъ общественной жизни, который впадаетъ другою стороною въ косность и управляется ею. Общественный организмъ стремится уподобиться механическому равновѣсію природы и избавить себя отъ активности. Такъ существуютъ всѣ общества; *contrat social* есть поклепъ на человѣчество.

Общество расположено не просто въ мѣстности, а на *территоріи*. Является отношеніе къ ней, пробѣгающее разныя степени, при чемъ постоянно остаются дѣйствующими активный починъ индивидуумовъ и косное произрастаніе массъ. Появленіе *производства* и *мѣны*. Готовыя блага исчезаютъ, сокращаясь съ начала въ воду, воздухъ и свѣтъ, затѣмъ прекращаютъ общедоступность и этихъ условій существованія. На мѣсто природы является общество, блага по-

лучаются не непосредственно изъ рукъ природы, а *черезъ* общество, и *благо* принимаетъ видъ *капитала*.

* * *

Сама *природа* обращается въ *капиталъ*. Потому что всѣ вещи обращаются въ собственность и въ томъ числѣ земля, вода, воздухъ и свѣтъ. Воздухъ и свѣтъ покупаются, за пользованіе ими, какъ водой, платятъ (государству или компаніямъ).

Во-вторыхъ, всѣ вещи, не исключая воздуха, являются дѣланными искусственно: самобытное исчезаетъ все.

Блага являются въ видѣ также *капитала*. Не только одежда и домъ, даже пища, вмѣсто готоваго банана или почти готоваго молока, является въ видѣ хлѣба, прошедшаго сквозь руки пахаря, мельника, транспортировщика, повара, ресторатора. Молоко и фрукты одни удерживаютъ часть непосредственности. А одежда! А домъ!

Человѣкъ остается *потребителемъ*, но *производителемъ* непосредственно перестаетъ быть. Хлѣбъ пекла печь, мололъ муку жерновъ, сѣяла соха, борона, сѣялка. Производство чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе превращается въ *духовное творчество*, которое одно и получаетъ право на титло истиннаго производителя. Производитель есть Ваттъ, Аркрайтъ, Эдиссонъ, затѣмъ инженеръ, архитекторъ и авторъ. Мускулы обращаются въ части машины, и весь міръ въ искусственный механизмъ.

Непосредственное отношеніе человѣка исчезаетъ не только въ отношеніи къ благамъ и природѣ, но даже къ капиталу и даже къ деньгамъ, которыхъ самостоятельность упраздняется *кредитомъ*. Цѣлые полсвѣта со всѣми его благами укладываются въ боковомъ карманѣ.

Условность, подтвержденная всеобщимъ, частію

открытымъ, частію подразумѣваемымъ соглашеніемъ (косность), есть законъ, которому повинуются всѣ міровыя отправленія. Клочекъ бумаги за подписью Ротшильда способенъ произвести дѣйствіе, равное землетрясенію: производить всю цѣпь условій, въ силу которыхъ дѣйствіе этого клочка отразилось на мужичкѣ деревни Вантеевки Малоархангельскаго уѣзда, на его спинѣ, высѣченной за недоимку, ребенкѣ, захворавшемъ отъ скудной пищи, и исправникѣ, получившемъ благодарность начальства.

Марксъ красиво изобразилъ логическій процессъ капитализма. Но онъ ограничился а) почти одною мануфактурною промышленностью, удѣливъ сравнительно мало вниманія земледѣлію и ровно ничего интеллектуальному міру; б) беретъ одну страну, нужды нѣтъ, что образцовую, но судьба ея есть звѣно въ цѣпи другихъ. При опредѣленіи *прибавочной стоимости* онъ предполагаетъ готовыми матеріалъ и машины, начиная съ пункта, гдѣ приставленъ къ нимъ рабочій. Но отправимся выше: посмотримъ на корабельщика, привезшаго хлопокъ, на плантатора, который его собралъ, и негра, который его воздѣлалъ. Марксъ упоминаетъ, правда, о колоніальномъ хищеніи, составившемъ богатство Англіи, но въ своей картинѣ забываетъ американскаго негра и китайскаго кули. Попробуемъ-ка, однако, приложить и къ нимъ ихъ право на полный заработокъ, пропорціонально рабочимъ часамъ, — много-ли останется не только для рабочаго, но и для капиталиста Великобританніи? Не одинъ капиталистъ, но и рабочій черезъ него эксплуатируетъ и грабитъ негра и малайца. Если собственность должна быть общая, то не одной Англіи, а всего міра. Марксъ— Международной основатель, спора нѣтъ, но международность понимается въ смыслѣ частныхъ отношеній между хозяевами и рабочими цивилизованныхъ странъ. Раз-

вернемъ проповѣдуемое начало во всю широту и покроемъ имъ земной шаръ, не исключая ни одного въ свѣтѣ хозяина, ни одного въ свѣтѣ рабочаго: капиталистическій процессъ представится въ иномъ видѣ. «Крупная собственность пожираетъ мелкую и подъ конецъ экспропріаторы экспропріируются». Какъ? Во всемъ мірѣ? Не смотря на разнообразіе промышленностей? По большей мѣрѣ можно представить, что будетъ одинъ прядильщикъ на весь міръ, одинъ ткачъ, наконецъ и одинъ землевладѣлецъ. Вотъ къ чему долженъ идти процессъ поглощенія, и логически, тѣмъ путемъ, какимъ идетъ Марксъ, необходимо для перехода въ обратную экспропріацію, чтобы одинъ сосредоточилъ у себя и всѣ виды богатства. Это совершенная ахинея, противорѣчащая другому основному закону капиталистическаго производства— дробленію труда, не отрицаемому Марксомъ, напротивъ имъ самимъ признаваемому за одинъ изъ основныхъ законовъ.

Истина заключается именно въ одновременномъ движеніи производства по двумъ этимъ направленіямъ: во первыхъ—разложенію производства на составныя его части, изъ которыхъ каждая отвоевываетъ свою самостоятельность, а чрезъ это централизуется, то есть поглощаетъ мелкія промышленности, идя путемъ, такъ сказать, обобщенія, но сохраняя взаимность съ другими, соотносительными частями или моментами производства. Короче сказать, прогрессъ въ капитализмѣ идетъ путемъ абстрагированія, разложенія живаго, конкретнаго, цѣлостнаго производства на отвлеченное, разрозненное само въ себѣ, мертвое. Цѣнности для производства имѣютъ значеніе не своими потребительными годностями, а отвлеченными качествами. Для того, чтобы испечь хлѣбъ, нужно тепло, и для того, чтобы наутюжить платье и согрѣть комнату. Тепло отвлекается отъ этихъ

трехъ употребленій и сосредоточивается, а я, капиталистъ, берусь отпускать тепло всѣмъ тремъ потребителямъ. Примѣръ швейцарскихъ часовъ слишкомъ извѣстенъ, но тамъ каждый рабочій имѣетъ дѣло всетаки съ опредѣленною вещью, опредѣленнымъ издѣліемъ, пусть лишеннымъ непосредственной живой потребности, но имѣющимъ отношеніе къ одному опредѣленному виду стоимости—часамъ. Но аппретурная напримѣръ машина равнодушна, что̀ ей дадутъ гладить. И въ часовомъ производствѣ возможно (да и будетъ) употребленіе такихъ орудій, которыя будутъ напримѣръ одни закаливать, равнодушныя къ тому, для часовъ-ли это пружина, для вагоновъ-ли рессора, другія—вычерчивать шестерни, опять равнодушныя къ ихъ назначенію. Закаливать будутъ въ Лидсѣ, вычерчивать въ Нью-Йоркѣ. Вотъ отвлеченное производство! До чего оно можетъ дойти, даже воображеніе безсильно нарисовать. Можетъ дойти до разложенія экономическихъ дѣятелей на самые простые физическіе дѣятели, въ родѣ тепла и электричества (что̀ уже и есть), и на самые общіе механическіе: будетъ производство, ограниченное проведеніемъ по чему-нибудь прямыхъ линій, другое — кривыхъ, будутъ дѣйствовать на разстояніяхъ;—да я и не знаю, что̀ будетъ. Это процессъ за разъ и спеціализаціи и обобщенія, но спеціализаціи и обобщенія не по живымъ признакамъ, а по отвлеченнымъ.

Просмотрѣвъ это направленіе прогресса, точнѣе сказать—не придавъ ему того первенствующаго, всеуправляющаго значенія, которое въ сущности ему принадлежитъ, Марксъ осудилъ себя на неизбѣжную односторонность, а слѣдовательно химеричность. Процессъ капитализма есть процессъ постепеннаго и постояннаго омертвѣнія и отвлеченія, а вмѣстѣ и чрезъ то самое процессъ постояннаго и постепеннаго преобѣжденія интеллектуальныхъ силъ надъ матеріальными.

Само матеріальное, всѣ матеріальныя отношенія, становятся исполнителями, придатками, орудіями интеллектуальныхъ силъ въ производствѣ; движеніе матеріальнаго прогресса есть движеніе идеализаціи. Къ чему оно придетъ отъ настоящаго, дѣйствительно во многомъ и для многихъ бѣдственнаго положенія? Діалектика процесса построится иначе, нежели у Маркса. А именно:

I. Отношеніе непосредственное (благъ къ человѣку).

II. Посредственное (процессъ разложенія конкретныхъ благъ и идеализаціи).

III. Побѣжденная посредственность и идеализація, возвращеніе къ непосредственному пользованію благами, но подъ единственнымъ управленіемъ интеллектуальныхъ силъ, съ полнымъ не только освобожденіемъ, но съ упраздненіемъ матеріальнаго мускульнаго труда.

Какъ все построеніе тогда измѣняется! Человѣчество живетъ теперь въ серединѣ втораго періода, знаменательнаго между прочимъ, что дѣятелями и элементами являются не только не непосредственныя блага и непосредственные агенты, но даже не капиталъ, а уже деньги и кредитъ. Отвлеченные знаки самаго капитала и его владыки!

* * *

Умственная экономія.

Есть умственный *трудъ*, умственныя *произведенія* и даже умственный *капиталъ*.

Такъ какъ и матеріальное производство все одушевлено, и умъ есть начальный двигатель самыхъ рукъ, и есть въ матеріальномъ производствѣ элементы, гдѣ руки даже не участвуютъ (надзоръ и изобрѣтеніе), то въ тѣсномъ смыслѣ умственность труда, произведеній и капитала опредѣляется точнымъ обра-

зомъ потребностями, которымъ они служатъ и которыя не матеріальны. Произведенія искусства и науки—таковы произведенія умственныя. Они суть умственныя, духовныя блага, параллельныя матеріальнымъ, назначенныя для питанія души, какъ тѣ для питанія тѣла. Они имѣютъ цѣнность и слѣдовательно также входятъ въ составъ богатства.

Какъ и матеріальныя, они бываютъ естественныя, готовыя, и—созданныя трудомъ. Красивое мѣстоположеніе имѣетъ цѣнность, независимую отъ его матеріальной доходности и возвышающія ее.

Общество имѣетъ цѣнность, и среди образованныхъ людей жить, за это можно заплатить лишнее, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ удобствъ.

Иное слово буквально дороже золота, и за него охотно платятъ.

Глубочайшая особенность духовнаго блага та, что наслаждающійся имъ не потребляетъ его; отъ него не убываетъ ничего, сколько-бы ни пользовались, особенно когда оно прочно воплощено въ матеріальномъ выраженіи. Слово Гомера питаетъ такъ-же, какъ и питало тысячу лѣтъ назадъ, и напитавъ милліоны людей, способно питать еще сотни милліоновъ, оставаясь тѣмъ-же. Отъ того

1) Ни одно матеріальное издѣліе неспособно такъ цѣниться дорого, какъ созданіе умственное. Пѣвецъ собираетъ въ одинъ часъ то, что можетъ быть произведено въ видѣ матеріальнаго блага десятками тысячъ рабочихъ рукъ въ нѣсколько лѣтъ. Книги и газеты расходятся въ сотняхъ тысячъ и милліонахъ экземпляровъ и воспроизводясь продолжаютъ сохранять цѣнность.

2) За то никакой другой трудъ не способенъ погибать такъ безвозвратно, такъ истощать невознаградимо силы, при всей своей цѣлесообразности. Десятки лѣтъ мысленнаго труда могутъ окупиться дешевле

труда землекопа, и даже вовсе не окупиться, идти въ чистую потерю силъ. Законъ здѣсь выдерживается тотъ-же, общій. Сколько положено труда на созданіе, это для цѣнности безразлично. Сколько труда предлагается въ обмѣнъ на готовое созданіе, вотъ чѣмъ рѣшается цѣнность. Удовольствіе слышать Патти я цѣню въ десять рублей за часъ. То есть, я даю за часъ наслажденія, готовъ дать такое-то количество рабочихъ часовъ, употребленныхъ мною для полученія десяти рублей. Не трудъ производителя, а трудъ потребителя есть рѣшающая сторона, мѣра, мѣритель.

Задаютъ вопросъ: производительны-ли умственныя профессіи? Вопросъ этотъ отрицаю въ самомъ основаніи. Онъ предполагаетъ, что вся дѣятельность человѣка должна быть направлена на добывку физическаго пропитанія и только то оправдано въ общественной жизни, что́ даетъ или прибавляетъ матеріальный кормъ. Но почему-же такъ? Почему даже не обратно? Почему не спросить: посѣвъ картофеля питателенъ-ли для души? Умственная жизнь есть самостоятельное благо и самостоятельная цѣнность; соотношеніе умственной и матеріальной экономіи существуетъ и должно быть опредѣлено, но опредѣлено какъ отношеніе двухъ зависимыхъ, но самостоятельныхъ сферъ. Жизненная сила затрачивается, между прочимъ, трудомъ, и возстановляется питаніемъ въ разныхъ смыслахъ, между прочимъ и духовнымъ. Питаніе духовное есть даже высшая окончательная цѣль самаго матеріальнаго прогресса.

* * *

Когда разсуждаетъ К. Марксъ о рабочихъ часахъ, онъ разсуждаетъ какъ необразованный рабочій, а не какъ политико-экономъ или не какъ соціологъ (потому что политико-экономъ до нѣкоторой степени

предполагаетъ филистера),—словомъ, не какъ ученый. Онъ торжествуетъ побѣду фабричнаго закона, но не какъ гигіенистъ, а какъ антикапиталистъ. Чему-же однако тутъ радоваться, вотъ что непонятно. Капиталистъ крадетъ рабочіе часы, и у него законодательнымъ путемъ уменьшаютъ этой кражи. Дѣло представляется такъ, и Марксъ торжествуетъ. Но дѣло совсѣмъ не такъ. Я выгналъ муху въ окно, когда двери отворены: изъ-за чего я буду радоваться? Уменьшеніе рабочихъ часовъ тогда достигаетъ цѣли, когда плата остается неизмѣнною. А развѣ не въ волѣ капиталиста уменьшить плату въ мѣру уменьшенія часовъ? Слѣдовательно вся операція въ экономическомъ смыслѣ является химерою. Иное дѣло вопросъ санитарный. У Маркса и проскальзываетъ мысль, что за сведеніемъ работы къ 10 часамъ послѣдовали уменьшенія платы, но такъ это вскользь и осталось, тогда какъ отъ головы столь остроумной и столь способной мыслить ожидалось-бы, что она остановится на экономическомъ значеніи явленія. Съ точки зрѣнія, на которую Марксъ себя поставилъ, необходимо добиваться не только уменьшенія рабочихъ часовъ, но *рабочей таксы*. По правдѣ сказать, удивительно, почему на этомъ не агитируютъ или агитируютъ такъ мало, хотя забастовки изъ-за платы и бываютъ.

Главу о *коопераціи* нахожу вообще слабою. Она пытается найти въ коопераціи прибавочную стоимость и объяснить ее механически. Но механически кооперація ничего не прибавляетъ и не способна прибавить. Трудъ числа рабочихъ, раздѣленныхъ на время, вотъ механическій законъ, и результатъ совершенно равный, десять-ли рабочихъ въ одинъ часъ или одинъ рабочій въ десять часовъ. Если одинъ рабочій проработаетъ болѣе десяти часовъ, то причина будетъ уже не механическая, а какая-нибудь другая, именно психическая. А это даетъ мѣсто совсѣмъ другимъ

выводамъ. А именно, во-первыхъ, если капиталистъ пользуется здѣсь прибавочною стоимостью, то слишкомъ мало, и именно на столько, на сколько рабочій забываетъ, что онъ наемный рабочій; словомъ, прибавочная сила коопераціи обратно пропорціональна выгодамъ капиталистическаго производства, и ужъ ни какъ не слѣдовало ставить ее въ пику капиталисту. Вопросъ о коопераціи стоитъ раньше капитала; это есть общій, основной вопросъ экономіи, и онъ дѣйствительно заслуживаетъ изученія, но инаго, какъ и о раздѣленіи труда, гдѣ предвижу тоже односторонность.

Исключеніе психологическаго элемента составляетъ вообще капитальный недостатокъ Маркса и сообщаетъ его положеніямъ односторонность и даже прямо ложность. Отъ такъ-называемой имъ *потребительной стоимости* онъ отдѣлался съ первыхъ строкъ и совершенно произвольно, равно произвольно признавъ единственною субстанціею стоимости *трудъ*. Сдѣлалъли онъ это лемматически, то-есть заимствовавъ у Смита и Рикардо? Все равно, и совершенно неосновательно. Основательнѣе сказать, что трудъ вовсе не есть субстанція стоимости. Отчасти у меня было это объяснено. Прекрасный примѣръ нахожу у самого Маркса. Стоимость есть *вѣсъ*, и дѣйствительно вѣсъ, только не физическій. Вѣсъ есть обнаруженіе тяжести, какъ и стоимость обнаруженіе тяжести. Но тяжесть опредѣляется не самимъ тѣломъ вѣсомымъ, а земнымъ центромъ, куда оно тянется. Этотъ центръ для стоимости есть человѣческій аппетитъ, алчность, даже не потребность, а потребность ощущаемая, субъективное чувство потребности. Но впрочемъ здѣсь и оканчивается сходство. Вѣсъ опредѣляется плотностью, и въ вѣсѣ экономическомъ соотвѣтствовалъ-бы труду, но не соотвѣтствуетъ. Экономическій вѣсъ ближе сравнить съ проявленіемъ магнитности. Трудъ способенъ дать

вещи притяжимость, но не самъ по себѣ, а вниманіемъ своимъ къ аппетиту. Марксова точка зрѣнія приложима была-бы къ твореніямъ искусства, къ непотребляемымъ созданіямъ человѣчества, и именно съ этой художественной точки. Стоимость Шекспира и Аверкіева равняется размѣру воплощеннаго генія, но для экономической оцѣнки безразлично, сколько труда положено въ вещь, обладающую стоимостью и сравниваемую по стоимости. Нельзя даже сказать, чтобы трудъ давалъ вещи стоимость. Стоимость ей присуща, съ тѣхъ поръ и покуда передъ природою и среди природы стоитъ человѣкъ. Но она можетъ быть болѣе или менѣе развернута и выражена болѣе или менѣе положительно. Свѣтъ, воздухъ повидимому даровыя условія, а не совсѣмъ даровыя; они покупаются, когда ихъ не достаетъ, и они способны къ измѣренію, когда они въ достаткѣ. Воздухъ Мадеры и свѣтъ итальянскаго солнца очень большая стоимость для художника и чахоточнаго, и они покупаются, хотя обратнымъ путемъ нежели обыкновенныя. Какъ Магометъ къ горѣ, такъ и художникъ съ чахоточнымъ придвигаются къ дорогимъ для нихъ стоимостямъ, не имѣя возможности притянуть ихъ къ себѣ. Рѣка есть даровой способъ сообщенія, но онъ перестанетъ быть даровымъ, когда рѣка засорится, а въ слѣдствіе того и въ незасоренномъ видѣ она есть стоимость, стоимость въ будущемъ, даровая для нашего времени, но не для человѣчества. Категорія времени вообще несправедливо пренебрегается экономистами, тогда какъ время не только въ своемъ проявленіи, но въ своемъ абстрактѣ и въ антизипаціи есть одинъ изъ существенныхъ факторовъ и даетъ бытіе цѣлому явленію *кредита*. Но въ кредитѣ, тѣсно понимаемомъ, категорія времени только выступаетъ осязательно, и притомъ отвлекаясь, тогда какъ во всякой экономической сдѣлкѣ

скрывается кредитъ, даже въ такой операціи, какъ въ срываніи яблока съ дерева или отправленіи моемъ изъ кабинета въ столовую къ обѣду. Это опять психическій элементъ, это опять основаніе всей экономіи. Она и начинается съ предположенія, съ образа, котораго реальности еще не существуетъ, съ предустановленной *цѣли*, что̀ и даетъ начало труду и за нимъ всякому производству.

Марксъ съ особенною силою настаиваетъ, что капиталистъ покупаетъ рабочую силу, а не трудъ. Не вѣрно. Капиталистъ *нанимаетъ* рабочую силу, и этимъ отличается капиталистическое производство отъ рабства, и притомъ въ древнемъ его видѣ, то-есть съ правомъ жизни и смерти. А если только *нанимаетъ*, то слѣдовательно покупаетъ только проявленіе рабочей силы и слѣдовательно трудъ опредѣленнаго времени. Становясь на ту естественно-историческую или механическую точку зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, имѣемъ право элементъ, заключающійся въ живой силѣ труда, приравнять ко всякому дѣятелю экономической жизни, напримѣръ къ машинѣ, и чтобы ближе было сравненіе, къ лошади. Я нанялъ лошадь на день, нанялъ рабочаго. Гдѣ-же разница? Въ качественности труда? Но я еще нанялъ машину, которая качественно исполняетъ то же, что̀ рабочій, потому что у нея искусственные пальцы. Гдѣ же различіе? Стоимость слѣдовательно рабочаго времени должна быть учитываема такъ же, какъ лошади или машины, а тогда падаетъ самое главное основаніе и вся система, падаетъ положеніе, что сущность стоимости есть *трудъ*, то есть человѣческій. Почему-же не сказать, что эта сущность есть паръ или еще лучше вода и уголь? Потому-ли что вода и уголь должны быть принесены? Но принести пустое мѣсто не будетъ стоимость. Если опредѣлить стоимость по

генетическому, а не практическому значенію, сведеніе всего къ человѣческому труду будетъ не только односторонне. Представимъ наблюдательный умъ, но принадлежащій не къ человѣческому роду, который-бы откуда нибудь, положимъ съ луны, посмотрѣлъ на земное производство, какъ мы смотримъ на муравейную кучу. Что-бы онъ увидалъ? Увидалъ-бы систему рычаговъ въ движеніи. Желѣзная дорога съ машинистомъ и кочегарами, подвозка матеріала къ зданію, паровщики, прядильная машина, прядильщики, все явилось бы въ безразличномъ видѣ, какъ намъ при наблюденіи всякаго физическаго процесса, особенно физіологическаго. Старый примѣръ о спорѣ желудка съ руками. Почему будемъ сводить весь процессъ къ одному органу? Отсюда выходятъ очень важныя послѣдствія. А именно, какъ мы уже и прежде сказали, управляющею въ экономическомъ процессѣ есть цѣль, *потребленіе*, а не средство или производство, которое существуетъ только ради своей цѣли; и слѣдовательно сущностью не трудъ. По крайней мѣрѣ не съ него надобно начинать, тѣмъ менѣе на немъ останавливаться. Основаніемъ стоимостей есть *потребимость*, то есть степень потребимости, а не количество труда. Второе послѣдствіе, отсюда вытекающее то, что задачи, вытекающія изъ неправильнаго распредѣленія богатствъ и самое понятіе о неправильности имѣетъ основаніе нравственное, а не экономическое въ тѣсномъ смыслѣ, то есть не физическое.

Посмотримъ однако, какъ станетъ дѣло, если расцѣнить рабочую силу, ограничиваясь однимъ физическимъ или механическимъ процессомъ, откидывая нравственную сторону. Я нанимаю лошадь на день. Что я плачу за нее? 1, Средства ея прокормленія, 2, процентъ погашенія ея стоимости.

Meyer 1, 189. По поводу Productiv-Associationen in Gewerkvereinen приводится мнѣніе, что раздѣлъ прибыли на дивидендъ капитала и дивидендъ работы есть *ложный принципъ*, потому что рабочій получаетъ лишнее не за прилежаніе и сметливость, а за свой вкладъ; а стало быть это и нейдетъ къ сообществамъ, которыя стремятся избавить рабочихъ отъ Lohnverhältniss. — Выходитъ стало быть, что производство должно быть безъ капитала, на воздухѣ и изъ воздуха.

Система Bonus'овъ Борхерта дѣйствительно есть комедія: рабочій получаетъ премію соразмѣрно своему Lohn'у. Ну, стало быть, Lohn долженъ понизиться въ ту-же мѣру.

Meyer говоритъ:

Kathedersocialisten обсуживаютъ дѣло исторически. Въ связи съ историческимъ обсужденіемъ стоитъ воззрѣніе на предметъ, отличное отъ манчестерской школы. Послѣдняя разсматривала человѣческое хозяйство лишь съ безличной, естественной и матеріальной стороны, и потому подчинило трудъ, какъ одну изъ сторонъ производительной силы, такъ называемымъ безусловнымъ и вѣчнымъ хозяйственнымъ законамъ. Новѣйшая школа приписываетъ хозяйству человѣчески-нравственный характеръ и требуетъ потому слѣдующаго. Такъ какъ-де хозяйственная жизнь есть только часть всеобщей жизни человѣчества и должна совершаться въ гармоніи съ высшею духовною и религіозною жизнію, то и хозяйственные законы должны дѣйствовать не абсолютно и абстрактно, а въ созвучіи съ высшими законами общественной жизни. И далѣе,—что до сихъ поръ положеніе рабочаго было холодно безличное: въ глазахъ предпринимателя рабочій былъ просто рабочею

машиной; а новая школа требуетъ, чтобы предприниматели смотрѣли на свое отношеніе къ рабочимъ не какъ на юридическое договорное отношеніе, а вмѣстѣ и какъ на нравственное.

Huber 342, равно и *Wagener*: два дѣятеля—капиталъ и трудъ. Капиталъ долженъ получить свой процентъ, трудъ свою плату, а прибыль должна быть между ними раздѣлена, и вступиться государство въ ихъ споры.

362. *Meyer* считаетъ Германію земледѣльческимъ государствомъ и требуетъ ему, какъ таковому, покровительства предъ возрастающею индустріею.

400. Приближается къ моей мысли объ артеляхъ. И въ частности—о призрѣніи.

Вотъ буквальныя слова Лассаля:

«Мѣдный, экономическій законъ, опредѣляющій заработную плату при нынѣшнихъ отношеніяхъ, подъ властію предложенія и спроса на работу, состоитъ въ томъ, что средній размѣръ заработной платы остается всегда на уровнѣ необходимаго жизненнаго продовольствія, которое, согласно усвоенной народомъ привычкѣ, требуется для продолженія существованія и для воспроизведенія. Дѣйствительный заработокъ постоянно тяготѣетъ къ этому пункту, подобно качающемуся маятнику, не будучи никогда въ состояніи на долгое время ни подняться выше, ни опуститься ниже. Онъ не можетъ на продолжительное время подняться выше этого уровня, ибо тогда послѣдовало-бы благодаря легчайшему и лучшему положенію рабочихъ умноженіе браковъ между рабочими и воспроизведеніе рабочихъ, умноженіе рабочаго населенія и слѣдовательно предложенія рукъ, которое снова понизитъ заработокъ на прежнюю ступень. Заработокъ не можетъ надолго и упасть ниже

этого необходимаго продовольствія, ибо тогда послѣдуютъ выселеніе, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и наконецъ произведенное нищетою уменьшеніе числа рабочихъ, въ слѣдствіе чего понизится предложеніе рабочихъ рукъ, и заработокъ снова возвысится до прежняго состоянія».

Слѣдовательно: народонаселеніе всегда пропорціонально средствамъ продовольствія, или: существующихъ средствъ продовольствія всегда достаточно для существующаго населенія. Иначе, понятно, и не можетъ быть: чтобы жить, необходимо продовольствоваться. Но это пусть и «мѣдный законъ», но вовсе не Мальтусъ и Рикардо, и не имѣетъ исключительнаго отношенія къ заработной платѣ. Теорія Мальтуса ложна совершенно. «Народонаселеніе прибавляется въ геометрической пропорціи, а средства въ ариѳметической». И та и другая половина не основательны. Населеніе *можетъ* умножаться въ геометрической пропорціи, при благопріятныхъ, понятно, обстоятельствахъ, а не то что *умножается;* это совсѣмъ иное. Иначе-бы земной шаръ давно имѣлъ милліарды милліардовъ населенія. А если такъ, то и средства продовольствія *могутъ* умножаться геометрически, и умножаются тамъ и въ той-же пропорціи, гдѣ умножается населеніе. Если въ Америкѣ (примѣръ Мальтуса) населеніе въ 25 лѣтъ удвоилось, то стало быть удвоилось и продовольствіе: не съ луны-же оно брало пищу. Въ другихъ странахъ населеніе медленнѣе прибываетъ: стало быть и продовольствіе прибываетъ медленнѣе. Что̀ отъ чего происходитъ, гдѣ причина, гдѣ слѣдствіе, это вопросъ другой. Но самый законъ изложенъ ложно, и слѣдовательно теорія изъ него выведенная, какая-бы ни была, никуда не годится.

«Населеніе постоянно держится на уровнѣ продовольствія»: вотъ настоящій законъ, если угодно въ

новой, третьей редакціи. Я-бы сказалъ (да это и дѣйствительно такъ): продовольствія всегда больше, чѣмъ нужно для населенія; но это отвлечетъ меня отъ прямаго вопроса. Достаточно указать, какія средства употребляются для достиженія упомянутаго уровня, и какими обстоятельствами онъ поддерживается. 1) Дальнѣйшею разработкою естественныхъ богатствъ. 2) Уменьшеніемъ числа населенія. 3) Сокращеніемъ питанія. Воздержаніе отъ браковъ и дѣторожденія занимаетъ весьма умѣренное, можно сказать—послѣднее мѣсто. Напротивъ, мы знаемъ, что индѣецъ доволенъ нѣсколькими зернами риса, еврей питается цѣлую недѣлю одною селедкою. Стало быть, если предположить производительность природы даже неподвижною, растяжимость природы человѣческой сумѣетъ къ ней примѣниться, не насилуя естественнаго стремленія къ воспроизведенію, а стало быть даже не ведя за собою уменьшенія численности, какъ необходимаго послѣдствія. Мы знаемъ, что Ирландія во время самаго бѣдственнаго состоянія плодилась ужасно и доросла до 9 милліоновъ. Представимъ себѣ, что производительность природы достигла даже послѣдней точки. Будетъ это или нѣтъ когда, не знаемъ, но логически не только возможенъ, но требуется предѣлъ, за которымъ уже невозможно приращеніе производительности. Люди даже перебрались частію на воздухъ, частію на воду, чтобы уберечь послѣдній кусокъ земли, способный дать произрастеніе. Отселѣ природа даетъ единообразное количество. Но что-же происходитъ, при сохраненіи той-же склонности къ произведенію себѣ подобныхъ, въ человѣчествѣ? Постоянный моръ? Ничуть. Пожалуй, и постоянный моръ; но прежде, въ слѣдствіе уменьшеннаго питанія, родъ человѣческій будетъ мельчать; чѣмъ онъ мельче, тѣмъ меньше требуется питанія; чѣмъ меньше питанія, тѣмъ мельче. Наконецъ, если угодно, тѣмъ

короче жизнь при томъ-же числѣ. Если при милліардѣ населенія средняя продолжительность жизни, положимъ, 50 лѣтъ, она можетъ сократиться на 20 лѣтъ и даже менѣе, люди могутъ дойти до величины блохи. Итакъ, здѣсь самые предѣлы сокращенія безконечны и способы сокращенія разнообразны; но законъ одинъ: средствъ продовольствія всегда хватитъ для населенія и даже всегда будетъ болѣе, чѣмъ нужно, разумѣется принимая весь родъ человѣческій, а не часть его или, тѣмъ менѣе, единицы.

Теперь о заработной платѣ. Мѣдный законъ, какъ онъ выраженъ Лассалемъ, хочетъ сказать то, что рабочій получаетъ менѣе того, что̀ онъ сработалъ, и это именно благодаря заработной платѣ и благодаря существованію спроса и предложенія. Въ сущности законъ даже въ томъ видѣ, какъ онъ значится у Мальтуса и Рикардо, къ спросу и предложенію не имѣетъ отношенія. Это новый членъ, введенный въ умозаключеніе. Раздѣлимъ мысленно человѣчество на спрашивающихъ и предлагающихъ. Большое или малое количество запроса равнозначительно будетъ большему или меньшему количеству продовольствія относительно числа рабочихъ или, все равно, населенія вообще. Слѣдовательно нечего впутывать тутъ внутреннія отношенія рабочихъ къ капиталистамъ. Вообразимъ вмѣсто капиталистовъ сундуки съ продовольствіемъ или участки земли съ готовыми произведеніями. Меньше населенія, достанется каждому больше изъэтихъ сундуковъ или участковъ, или наоборотъ. Это естественно; введеніе понятій о спросѣ и предложеніи затемняетъ дѣло. Главный смыслъ въ томъ, что рабочій получаетъ *только* то, что нужно ему для поддержанія жизни и воспроизведенія себя въ дѣтяхъ, а вырабатываетъ больше. Но изъ того, какъ выраженъ законъ, этого еще не видно. Чтобы рѣшить вопросъ, больше-ли вырабаты-

ваетъ рабочій, чѣмъ зарабатываетъ, должно условиться напередъ, въ какомъ смыслѣ понимается *больше*: больше чѣмъ можетъ, или больше чѣмъ нужно (для удовлетворенія первыхъ потребностей)? Больше чѣмъ *можетъ* въ данное количество времени и при данныхъ силахъ рабочій выработать не *можетъ*. Хотя это тождесловіе, но необходимо его повторить. Если рабочій можетъ выработать только пять фунтовъ въ день, то при равенствѣ прочихъ условій онъ не можетъ выработать шесть. Если онъ вырабатываетъ шесть, то причина уже не въ немъ, а во внѣшнихъ обстоятельствахъ: другое мѣсто, другое время, другое состояніе общественности: при коопераціи и раздѣленіи труда, при болѣе плодородной землѣ, лучшихъ условіяхъ свѣта и тепла. Слѣдовательно, избытокъ вовсе не заслуженъ; понятно—равно какъ и недостатокъ.

Или больше чѣмъ *нужно?* Но нужда эластична. Самъ Лассаль прибавляетъ: «согласно усвоенной народомъ привычкѣ». Почему народомъ, не человѣчествомъ, не индивидуумомъ? Китайцы, отъ которыхъ не знаютъ какъ отдѣлаться американцы, получаютъ гораздо болѣе чѣмъ нужно, по ихъ привычкѣ. Американецъ же, получая то-же, только удовлетворяетъ первыя потребности; а сто лѣтъ назадъ эта-же заработная плата покрывала-бы и вторичныя потребности и даже оставляла мѣсто сбереженію. Итакъ—сказать, что получаетъ не болѣе чѣмъ нужно для первыхъ потребностей, значитъ еще ничего не сказать. Сказано во всякомъ случаѣ, что получается не менѣе. Потребности возрастутъ; согласно со сказаннымъ закономъ, получится опять не менѣе. Сумма заработной платы, стало быть, сама по себѣ не значитъ. Итакъ, если рабочій не зарабатываетъ всего того, что онъ вырабатываетъ, это значитъ ни болѣе ни менѣе какъ 1) рабочій не получаетъ того за свою работу, что при-

надлежитъ не ему, а случайнымъ обстоятельствамъ; 2) не получаетъ того, что̀ для поддержанія его жизни и для воспроизведенія дѣтей ему излишне. Мѣдный законъ оказывается еще не столь несправедливымъ, какъ его выдаютъ. Рабочій желаетъ или Лассаль считаетъ для него справедливымъ желать, чтобы онъ получалъ въ видѣ заработной платы удовлетвореніе своихъ прихотей или возможность откладывать капиталъ, или и то и другое вмѣстѣ, и притомъ и то и другое *незаслуженно*.

Вотъ о послѣднемъ пунктѣ должна быть поведена новая рѣчь. Въ дополненіе къ *мѣдному закону*, въ видѣ посредствующаго основанія, добавляютъ теорію Смита, что трудъ есть «не только всеобщій источникъ, но единственный точный *мѣритель* стоимости». Но такъ-ли? Объ этомъ въ своемъ мѣстѣ у меня достаточно разъяснено. Трудъ есть источникъ, это такъ (впрочемъ все-таки отчасти), но никакъ не *мѣритель*; мѣритель—польза, потребимость: дуги, которыя гнулъ медвѣдь, не имѣютъ стоимости, точнѣе—цѣнности. Стоимость относительно труда все-таки есть напряженіе, помноженное на время: ткачъ, стоящій у машины, произвелъ все-таки не болѣе того, чѣмъ ткачъ у ручнаго станка. Проработавшій на черноземѣ въ сутки произвелъ не болѣе того, чѣмъ онъ же или другой равносильный и равноприлежный въ денной срокъ—на пескѣ. Разница принадлежитъ не труду, а въ первомъ случаѣ машинѣ, во второмъ—почвѣ.

Но заслуженно-ли получаетъ капиталистъ разницу, которую заработала машина?—Нѣтъ, не заслуженно, если заслуга принадлежитъ только мускульному труду. Но не слѣдуетъ-ли лошади откладывать весь излишекъ овса, который она помогла рабочему обмолоть на машинѣ, или скосить сѣнокосилкой, сравнительно съ тѣмъ, что̀ онъ скосилъ-бы одинъ безъ пособія

лошади? Или не потребовать-ли, чтобы воронежскій мужикъ дѣлился съ тверскимъ тѣми избытками хлѣба, которыми онъ одолженъ не своему трудолюбію, а болѣе благодарной почвѣ и благодатной погодѣ? Случайность еще не есть несправедливость. Задача государства и человѣчества вообще бороться противъ случайностей, предупреждать и побѣждать ихъ; но это вопросъ совсѣмъ другой. Во всякомъ случаѣ соціальная задача переносится совсѣмъ на иную почву, нежели ставятъ ее вожди, подобные Лассалю и Марксу. О ней скажу дальше, а разсужденіе о мѣдномъ законѣ можетъ быть заключено замѣчаніемъ: что европейскій рабочій во всякомъ случаѣ зарабатываетъ *болѣе*, чѣмъ нужно для первыхъ потребностей: наглядный примѣръ китайцы. Онъ зарабатываетъ болѣе именно благодаря общественности и культурѣ, благодаря тѣмъ самымъ машинамъ, которыя гнетутъ его, благодаря тому искусственному построенію окружающей обстановки, въ слѣдствіе которой туманная Англія доведена до равенства и даже превосходства съ самыми богато-одаренными странами. Потребности, считаемыя англичаниномъ за первыя, въ существѣ уже не первыя и не вторыя: для готтентота или мадагаскарца онѣ роскошь, изъ-за которой тотъ и другой можетъ быть продалъ-бы годъ и нѣсколько лѣтъ жизни. Слѣдовательно болѣе чѣмъ заслуженно получаетъ и капиталистъ и рабочій; въ какой относительно мѣрѣ каждый, это вопросъ, заслуживающій особаго разсмотрѣнія. Но капиталистъ, если употребляетъ свою прибыль на дальнѣйшее производство, обращаетъ косвенно свое богатство на того-же рабочаго. За капиталистомъ остается одна роскошь и еще легчайшее удовлетвореніе духовныхъ потребностей. Оба обстоятельства заслуживаютъ государственнаго вмѣшательства, не въ видахъ, впрочемъ, уравненія, а въ видахъ педагогическихъ и въ видахъ на-

роднаго блага, вообще. Когда-же рабочій простираетъ руки къ долѣ избытка, ускользающей отъ него, онъ свидѣтельствуетъ лишь о похоти своей на роскошь (бо́льшую, чѣмъ онъ имѣетъ, ибо прогрессъ съ каждымъ днемъ ее у него самаго увеличиваетъ) и на обладаніе капиталомъ, и часто тѣмъ самымъ капиталомъ, на который онъ гнѣвается. Ибо если онъ (или государство вмѣсто его) не употребитъ на роскошь, то долженъ пустить въ оборотъ и повторить капиталиста. Соціалистическое требованіе есть во всякомъ случаѣ забѣганіе впередъ.

Марксъ.

1. *Между потребительною и мѣновою стоимостью нѣтъ субстанціальной связи.*

«Полезность какой-нибудь вещи для жизни дѣлаетъ ее *потребительною стоимостью*», и эти «потребительныя стоимости образуютъ вещественныхъ носителей мѣновой стоимости въ капиталистической формѣ общества». Мѣновая стоимость есть «пропорція, въ какой потребительныя стоимости одного рода мѣняются на потребительныя стоимости другаго рода». Эта мѣновая стоимость можетъ существовать въ различныхъ вещахъ, и потому «субстанція мѣновой цѣнности независима отъ физически осязательнаго бытія товаровъ или ихъ бытности въ смыслѣ потребительной стоимости (ihrem Dasein als Gebrauchswerth).»

Первое положеніе вѣрно, стоимость для потребленія измѣряется ея пользою, и самая стоимость есть степень пользы, или сравненіе двухъ вещей по этой пользѣ.

Вѣрно и второе положеніе. Одна полезная вещь мѣняется на другую полезную: ихъ сравненіе есть *ихъ мѣновая* стоимость. Слѣдовательно, прямое заклю-

ченіе то, что потребительная и мѣновая цѣнность, въ сущности, тожественны. Именно потому, что потребительная стоимость есть матеріальный носитель мѣновой. По крайней мѣрѣ одна стоимость зависитъ отъ другой и ею условливается. Тѣмъ неожиданнѣе заключеніе, что субстанція мѣновой цѣнности не зависима отъ потребительной или, какъ выражается Марксъ, отъ «физически осязательнаго существованія товаровъ». Мѣновая стоимость есть же пропорція, въ какой мѣняются потребительныя стоимости. Словомъ *пропорція* ровно ничего не прибавлено къ умозаключенію. И потребительная стоимость сама въ себѣ есть *пропорція*, то есть пропорція ея пользы въ отношеніи къ другимъ пользамъ или пользамъ другихъ вещей. Въ силу пропорціональности своей она и есть стоимость; безъ того она есть вещественный предметъ и болѣе еще ничего. Но является ея отношеніе къ нуждѣ (потребителя), а отсюда вытекаетъ понятіе стоимости.

Потребительная стоимость мѣняется одна на другую; существенный, новый моментъ является въ томъ, что онѣ мѣняются. Субстанція остается такъ-же—потребимость. Но потребимость выходитъ изъ состоянія непосредственности. Потребительная стоимость вступаетъ въ зависимость отъ другой потребительной стоимости, и эта зависимость есть ея мѣновая стоимость. Мѣновая стоимость есть потребительная стоимость для другаго и посредствомъ другаго. Субстанція остается та-же потребительная стоимость, которая и даетъ ей быть стоимостью.

«Независимо отъ физически осязательнаго существованія товаровъ или бытности въ смыслѣ потребительной стоимости». Потребительная стоимость предполагаетъ физически осязательное существованіе вещи; но ея сущность не въ томъ, что она физически осязаема, а въ томъ, что физически осязаемый такъ

ея полезенъ. То-же остается и для мѣновой стоимости: физически осязательное существованіе вещи ею предполагается. Сущность ея опредѣляется опять полезностью. Доселѣ различія никакого; различіе начинается съ пропорціи, и притомъ пропорціи одного товара къ другому въ смыслѣ его полезности.

Этотъ разводъ, даваемый Марксомъ двумъ видамъ стоимости, есть только фокусъ, и притомъ самый грубый фокусъ, съ подмѣномъ и не оправданнымъ умолчаніемъ существенныхъ понятій.

2. *Начало (Princip), образующее мѣновую стоимость, субстанція, образующая стоимость, заключается въ работѣ и притомъ въ общественной работѣ; мѣритель этихъ стоимостей есть поэтому общественное рабочее время, необходимое для ихъ произведенія.*

«Какъ потребимые предметы, товары суть вещи тѣлесно различныя. Бытіе ихъ, какъ стоимости (Werthsein), образуетъ ихъ единство. Это единство вытекаетъ не изъ природы, а изъ общества. *Общая* мѣновымъ стоимостямъ *общественная субстанція*, только различно представляемая въ различныхъ потребительныхъ стоимостяхъ, есть *работа*».

Но мѣновая стоимость, далѣе разсуждаетъ Марксъ, образуется не просто индивидуальною работою; потому что индивидуальная работа можетъ производить только потребительную стоимость для самаго работника; поэтому не она, а *общественная* работа есть «субстанція мѣновой цѣнности». Подъ общественной работой разумѣетъ Марксъ то множество и тотъ родъ работы, которые, по силѣ мѣняющихся (Wechselnden) соціальныхъ условій производства, необходимы возникновенію какого-нибудь Güterquantum, въ смыслѣ мѣновой цѣны, то есть для рынка.

Примѣч. О томъ, что не работа образуетъ субстанцію стоимости, говорено довольно. Обративъ вниманіе на то, какъ выскочило такое заключеніе. Стои-

мость даетъ единство потребительнымъ предметамъ. По просту сказать, стоимость есть общій признакъ потребимыхъ предметовъ. Но въ сущности это билиберда: ихъ общій признакъ есть потребимость. Это уже даетъ единство товарамъ «тѣлесно различнымъ». Стоимостью вносится въ потребимые предметы новый признакъ или новое свойство, ни мало не прибавляющее единства, которое уже получено подведеніемъ подъ понятіе потребимости. «Стоимость» указываетъ только на новое отношеніе, въ которомъ разсматривается потребимость. Это отношеніе, какъ мы знаемъ, есть сравненіе. Пока нѣтъ сравненія, не возникаетъ понятія и о стоимости; остается только потребимость, пожалуй вмѣстѣ и стоимость, но это будетъ тождесловіе. Остается вопросъ: съ чѣмъ и что сравнивается? Нѣтъ, поступается не такъ.

«Это единство вытекаетъ не изъ природы, а изъ общества». 1) Терминъ «природа» выскочилъ неизвѣстно откуда. Еще сносно было-бы выслушать: это единство вытекаетъ не изъ индивидуума, а изъ общества. 2) Если единство вытекаетъ изъ общества, а оно образуетъ стоимость, стало быть потребительная стоимость не есть стоимость!

Общее мѣновымъ стоимостямъ, общественная субстанція, различно представляемая въ различныхъ потребительныхъ стоимостяхъ, есть *работа*.

Слѣдовательно, пока нѣтъ мѣны, нѣтъ работы! Она становится субстанціей только съ перехода потребительной стоимости въ мѣновую! Потребимыхъ предметовъ единство есть стоимость, а мѣновыхъ стоимостей работа! Работа является общественною, и притомъ субстанціею, потому что она есть общее! —Удивительный произволъ понятій.

И затѣмъ: мѣритель стоимостей *поэтому* есть *рабочее время*. Стало быть работа допускаетъ единственное измѣреніе—*время*? Изъ того что *компмиципованную*

работу можно разсматривать какъ *потенцированную*, ровно ничего не слѣдуетъ. Это голыя слова. Вопросъ о *качествѣ*, которое совершенно умалчивается. Развѣ оно есть комплицированная работа? Почему?

3. По силѣ раздѣленія общества на имущихъ и неимущихъ, капиталистъ (собственникъ) получаетъ работу на товарномъ рынкѣ, платитъ ея мѣновую стоимость, то есть обиходную жизненную нужду, и распоряжается потомъ ея потребительною стоимостью, т. е. полнымъ доставленіемъ работы (Arbeitsleistung).

Прим. Это вѣрно, но можетъ быть проще выражено. Работа мѣняется на деньги и обращается въ товаръ, перевертывается товаромъ. Товаръ пойдетъ на жизненныя потребности той-же работы. Между производителемъ и потребителемъ стоитъ посредникъ въ видѣ имущаго и даетъ рабочему не все, что онъ выработалъ.

4. Изъ разницы между мѣновою и потребительною стоимостью работы (необходимымъ и фактическимъ рабочимъ временемъ) возникаетъ Mehrwerth. Она остается у капиталиста, послѣ того какъ онъ уже получилъ обратно уплаченную мѣновую стоимость работы, рабочую плату, которую въ предѣлѣ рабочаго времени работникъ уплачиваетъ капиталисту эквивалентомъ. Что рабочій выработаетъ поверхъ этого времени, образуетъ Mehrwerth. Эта Mehrwerth поэтому созданіе не оплаченной работы, и притомъ неоплаченной работы *чужой*, потому что она присвоена капиталистомъ.

Прим. Еще выскочило понятіе о *чужомъ!*

5. Эта прибавочная стоимость, по естественному праву, принадлежитъ работѣ и субстанціи, порождающей стоимость; присвоеніе ея капиталистомъ есть хищеніе (Ausbeutung); оно возникаетъ изъ Lohnsystem (и права отдѣльной собственности на средства производства) и съ обоими должно пасть.

6. Средство къ тому—экспропріація капиталистовъ, превращеніе условій производства—земли и орудій работы — въ коллективное владѣніе; затѣмъ общая ихъ обработка.

Прим. Единственное, что еще нахожу хорошимъ въ этихъ общихъ понятіяхъ, что̀ есть остроумнымъ у Маркса, это—опредѣленіе *денегъ*. Деньги — форма стоимости. Но и тутъ всѣ понятія, съ которыми онъ ворочается, есть пустословіе, въ родѣ формы своей формы и т. д.

Schäffle 32 и 47. Попадаетъ совершенно въ точку. Опять таки *gelten* непреодолимое препятствіе, хотя Шефле и не теряетъ надежды на преодолѣніе. Сейчасъ мнѣ приходитъ примѣръ, о которомъ напомнило мнѣ заключеніе Leroi Beaulieu; что всего болѣе зарабатываютъ танцовщицы и пѣвцы. Это такъ и есть. Разберемъ-же это явленіе.

Слушаніе пѣвца или созерцаніе танцовщицы принадлежитъ-ли къ естественнымъ удовлетвореніямъ? Нѣтъ, скажетъ какой-нибудь Писаревъ. Но почему-же? Извращенная это потребность! Но почему-же? Такого рода занятія должны быть запрещены. Но за что-же? Не кормите меня хлѣбомъ, я день охотно проголодаю, чтобы послушать Патти или видѣть какую-нибудь балерину. Нельзя мнѣ отказать въ этомъ удовольствіи: оно вложено природою, оно есть у дикихъ. Да наконецъ запрещеніе во всякомъ случаѣ есть деспотизмъ, нарушеніе свободы.

Итакъ, я хочу слышать Патти, а Патти хочетъ пѣть, удовлетворяетъ своей потребности пѣть.

Она пѣть будетъ, но она нуждается и въ ѣдѣ. Я откажусь отъ ѣды, еще тысячи откажутся и вручатъ ей свои билеты на полученіе разныхъ *Gebrauchswerthen*. Но что-же это однако будетъ? Съ ея и съ нашей стороны, работа или нѣтъ? Если работою на-

звать только то провожденіе времени, результатомъ котораго является осязаемое издѣліе, ни мы, ни она не работаемъ, а она въ частности будетъ совершенною тунеядицею, большею, нежели капиталистъ; полученіе, наслажденіе будетъ вовсе не равняться заслугамъ, то есть труду, потому что найдется очень много Патти, которыя окажутся въ томъ-же положеніи. Нѣтъ, придется вѣрно запретить совсѣмъ, а запретить даже нельзя. Нельзя требовать отъ меня, чтобы я не только работалъ, но и потреблялъ только то, что мнѣ дадутъ, чтобы я лишенъ былъ права выбора.

Но Патти только рѣзкій примѣръ. Мнѣ должно быть предоставлено право выбора и между дозволенными продуктами. Я желалъ-бы растительной, а не мясной пищи, желалъ-бы вкуснѣе ѣсть, нежели теплѣе одѣться. Неужели и въ этомъ отказъ? Когда отказъ, тогда весь прогрессъ остановится, ибо онъ разсчитанъ частію на раздробленіе вкуса, частію вызывается развитіемъ вкуса, которое бываетъ съ начала прихотями одного. Но если выборъ дозволенъ, тогда неизбѣжна роскошь, роскошь питаемая уже не капиталистами, а другаго рода дармоѣдами, въ родѣ Патти и даже вообще женскаго пола. Почему женщины необходимо будутъ работать? Самцы будутъ имъ, нѣкоторымъ по крайней мѣрѣ, волочь всѣ свои заработки. Нельзя-же имъ запретить воздержанія и подарковъ. Средствъ для наслажденій окажется у одного меньше, у другого больше, опять незаслуженно. Государство конечно можетъ вступиться и не смотря на требованіе безусловно воспретить безполезные или вредные виды промышленности. Но въ его власти совершить то-же и при теперешнемъ капиталистическомъ процессѣ. Если-же оно не запретитъ, какъ не запрещаетъ теперь, то разница между тогдашнимъ и теперешнимъ, что дармоѣдство тогдаш-

нее будетъ добровольнымъ даромъ работника, тогда какъ теперешнее одолжено происхожденіемъ или случаю (наслѣдство) или предпріимчивости (во всякомъ случаѣ производительной).

Къ *Werth* (Дюрингъ).

Дюрингъ о стоимости разсуждаетъ смутно, но сущность мысли та, *что дороже то, что труднѣе достается*. Стоимость, выходитъ, есть отношеніе достижимости къ напряженію силъ. Удивительно, что въ заголовкѣ главы обозначается между прочимъ, что различный тяжеловѣсъ (Schwergewicht) потребностей опредѣляетъ направленіе, куда издерживается сила. Повидимому правильно, и на этомъ бы нужно основаться. А въ самомъ трактатѣ вотъ какъ объяснено: «Вопросъ о томъ, какую стоимость имѣютъ вещи, не зависитъ отъ различнаго тяжеловѣса потребностей, а зависитъ отъ того, въ какихъ родахъ артикуловъ стоимость осуществима». И только, и прямое противорѣчіе съ заголовкомъ!

Величина напряженія опредѣляетъ одинъ изъ моментовъ стоимости, но Дюрингъ забываетъ или обходитъ мимо другой моментъ—потребность. Явленія природы тѣмъ дороже цѣнятся, чѣмъ они рѣже. «Но рѣдкость есть элементъ противодѣйствія, которое противопоставляется обладанію желаемою вещью». Но вѣдь вся сила въ *желаніи*. Землетрясеніе—рѣдкое явленіе, но дорогое оно? Для естествоиспытателя такъ, но не для хозяина, для котораго землетрясеніе есть не положительная, а уже отрицательная стоимость, именно то противодѣйствіе, о которомъ говоритъ Дюрингъ.

Стоимость опредѣляется потребностью, а степень потребностей опредѣляется отношеніемъ ихъ къ сохраненію жизни. Когда идетъ вопросъ о томъ, что

спасти, спасаютъ то, говоритъ Дюрингъ, что́ труднѣе (больше матеріала и времени) будетъ воспроизвести. Прекрасно, вообразимъ себя на кораблѣ, и приходится послѣ крушенія перебраться на баркасъ. Въ каютѣ виситъ дорогая картина, въ трюмѣ ромъ, въ буфетѣ мясо. Что мы спасемъ, за что хватимся? Достать всѣ вещи въ открытомъ морѣ одинаково трудно, на первый разъ невозможно. Но мы хватимся за мясо, потомъ за ромъ, а никакъ не за картину, не смотря на ея рѣдкость и на трудность, даже невозможность возстановить ее въ послѣдствіи.

Богатство.

Богатство, по Дюрингу, есть экономическая власть „надъ вещами и людьми». Совершенно то-же у Мейера; только безъ прибавки *экономическая* и потому точнѣе. Прибавка *экономическая* есть petitio principii. Вопросъ идетъ объ экономической сущности, въ чемъ она состоитъ, и отвѣчается, что она состоитъ въ *экономической* сущности. А прибавкою *надъ людьми* забѣгается впередъ. «Богатство есть власть надъ вещами» или, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, «имущество». Власть надъ людьми бываетъ экономическою, но *черезъ* власть надъ вещами. Дюрингъ желаетъ поставить обратно, и рабство предпослать собственности. Совершенно произвольно и въ историческомъ и въ логическомъ смыслѣ. Самъ онъ, справедливо различая естественную стоимость отъ общественной, говоритъ о противникѣ, который стоитъ съ мечемъ и не допускаетъ до блага (удовлетворенія потребности). Вотъ гдѣ начало рабства, и собственность есть право primi occupantis.

Затѣмъ, что́ предшествуетъ: богатство стоимости или стоимость богатству? Богатство есть сумма пріобрѣтенныхъ стоимостей, стало быть прежде, и въ

историческомъ и въ логическомъ порядкѣ, стоимость, а потомъ богатство.

Стоимость есть понятіе относительное и первое ея отношеніе—къ потребностямъ, а потребностей—къ сохраненію жизни. Чѣмъ непосредственнѣе къ сохраненію жизни, тѣмъ она выше. Понятіе дано еще прежде труда, и разница его напряженія пока не имѣетъ значенія. Я голоденъ и нагъ, но въ тепломъ климатѣ; изъ двухъ вещей я предпочитаю пищу, и она дороже одежды для меня, предполагая необходимость равнаго напряженія силъ для удовлетворенія обѣихъ потребностей. Затѣмъ уже начинается разность потребнаго напряженія, иначе степень препятствій и противодѣйствій, которыя должно преодолѣть. При равномъ значеніи на лѣстницѣ потребностей дороже то, что требуетъ болѣе труда экстенсивно и интенсивно. Здѣсь начинается сравненіе и труда самого съ собою, и труда съ желаніями. Потому что потребность не только существуетъ реально, но она опредѣляется сознаніемъ. Болѣе естественная потребность можетъ имѣть менѣе вѣса для моего сознанія, которое можетъ быть ложнымъ и истиннымъ. Въ этомъ-то смыслѣ и необходимо различеніе, мною дѣлаемое, между стоимостью и цѣнностью, между *kosten* и *gelten*, какъ выразился-бы я по нѣмецки. Вещь очень стоящая можетъ не имѣть цѣнности, вещь очень цѣнимая ничего не стоить. Женщина, за которую жизнь готовъ отдать мужчина, сама идетъ на сближеніе. Повидимому этотъ примѣръ не экономическій, и онъ будетъ дѣйствительно таковъ, когда тронемъ его по опредѣленіи богатства, предполагающаго владычество только надъ вещами, но до богатства, когда говорится объ его условіяхъ, стоимости и цѣнности, примѣръ подходитъ. Да впрочемъ Іаковъ трудился за Рахиль, и доселѣ готовъ потрудиться: стало быть элементъ экономическій не-

сомнѣненъ. Но впрочемъ вмѣсто женщины можно поставить звѣря или птицу: я дорого-бы далъ за соловья, а онъ самъ прилетѣлъ. Вотъ цѣнная вещь, которая ничего не стоитъ. Обратныхъ-же примѣровъ множество, и крайнимъ проявленіемъ этого обратнаго есть *Ueberproduction*, производство свыше потребности. Такое явленіе случается съ общественною цѣнностью, и какъ показано въ предшествующихъ примѣрахъ, имѣетъ основаніе въ потребности естественной, то есть опредѣляемой только отношеніемъ потребителя къ желаемой вещи. Общественность вноситъ новый элементъ и въ стоимость и въ цѣнность. Общественность вноситъ измѣненіе въ стоимости—взаимопомощью (раздѣленіемъ труда и обмѣномъ), въ цѣнности—умноженіемъ и усложненіемъ препятствій, которыя противупоставляются уже не одною природою внѣшнею, но и людьми—соперничествомъ и противоборствомъ. Два араба передъ деревомъ, способнымъ прикрыть тѣнью одного человѣка, два турка предъ единственною одалискою,—вотъ гдѣ законъ борьбы за существованіе во всей силѣ, когда отдѣльныя личности предоставлены собственнымъ силамъ. Манчестерская школа и проповѣдуетъ такой идеалъ общественности, но онъ носитъ противорѣчіе въ себѣ: законы общежитія представляются назначенными къ огражденію личнаго простора. Нѣтъ, когда дана идея общежитія, законъ его долженъ ограждать взаимосодѣйствіе, взаимную помощь, а не взаимную борьбу; борьбѣ, исходящей изъ личнаго простора, онъ долженъ полагать границы. Личность должна быть защишена, но права ея должны быть опредѣлены не ея стремленіемъ и потребностями (то есть ея личными опредѣленіями потребностей), а нуждами другихъ. Я лишній для другихъ, для сожителей моихъ, мало того что лишній, я вреденъ, и общество въ правѣ меня *извергнуть*, даже истребить. Для опредѣленія изли-

шества и вреда вовсе нѣтъ нужды даже въ реальности того и другаго, потому что потребность вообще для своего опредѣленія не требуетъ реальности. Если я лично могу желать вреднаго, считая его полезнымъ и нужнымъ, то цѣлое общество тѣмъ съ большимъ правомъ опредѣляетъ по своему свои потребности, свой вредъ и пользу. Умѣй не только сдѣлаться полезнымъ, но убѣдить твоихъ сожителей въ твоей пользѣ. Личность, какъ личность, оказывается безправною, это правда: но оказывается безправной и всякая абсолютная истина, и польза и правда. Вершина прогресса будетъ заключаться въ томъ, чтобы признать это отсутствіе абсолютности въ общественной жизни. Передъ этимъ признаніемъ одинаково будетъ виноватъ и Торквемада и Бабёфъ. Въ мірѣ общественномъ все есть сдѣлка, а мечты объ общемъ счастіи тогда только достигнутъ своего исполненія, если только достигнутъ, когда сдѣлка войдетъ не только во всеобщій фактъ, но во всеобщее сознаніе и всеобщую религію.

Я отклонился отъ предмета, но краткое упоминаніе объ общественномъ экономическомъ идеалѣ, впредь до подробнаго разъясненія о немъ въ своемъ мѣстѣ, необходимо для выясненія *стоимости* или *цѣнности общественной*. Благо, вступая, какъ элементъ, въ жизнь общественную (взаимодѣйствіе) вызываетъ необходимо сдѣлку для примиренія разнообразныхъ, предъ нимъ столпившихся противорѣчій: противорѣчій между желаніемъ пріобрѣсти и возможностью пріобрѣсти,— потребностью и трудомъ; между реальною нуждою и сознаніемъ нужды; между нуждою одного, имъ такъ сознаваемою, и нуждою другаго и другихъ, такъ-же или иначе опредѣляемыхъ,—вызываетъ необходимость и соизмѣренія своего съ другими благами. Требуется равновѣсіе, уравненіе. Уравнитель есть *цѣна*, стоимость и цѣнность со всѣми подразумѣ-

ваемыми элементами, въ абстрактѣ, отрѣшенныя отъ своего непосредственнаго отношенія къ труду и потребности, къ желанію и препятствію. Цѣна есть среднее число, отбрасывающее высшія и низшія единицы; есть нивелиръ, проведенный по всей общественной работѣ и по всѣмъ каждаго потребностямъ. Выразителемъ и конкретнымъ носителемъ этого абстрактнаго уравнителя являются *деньги*. Къ нимъ можно примѣнить изреченіе Вольтера: если-бы ихъ не было, ихъ необходимо было-бы выдумать, потому что безъ нихъ общественный экономическій процессъ невозможенъ. Смитъ назвалъ трудъ мѣрителемъ стоимости. Вѣрнѣе деньги назвать такимъ мѣрителемъ, но точнѣе, онѣ суть мѣритель стоимости и цѣнности, противопоставленныхъ другъ другу (коль скоро уже найдено понятіе цѣнности, какъ противоположности къ стоимости); конкретный мѣритель, вызванный неизбѣжною абстрактною мѣрою, которою служитъ цѣна. Смитъ не могъ этого усмотрѣть, потому что вся теорія вызвана односторонностью меркантилизма. Но деньги, служа мѣрителемъ, и не составляютъ богатства, какъ полагали меркантилисты. Обладаніе аршиномъ еще не дѣлаетъ меня обладателемъ всего способнаго мѣриться на аршинъ. Но деньги и не есть одинъ только мѣритель: онѣ мѣритель конкретный, представитель и носитель уравненныхъ стоимости и цѣнности. Блага, какъ стоимость и цѣнность, въ нихъ воплощены, сокрыты, скрываются въ предположеніи, но могутъ быть вызваны къ дѣйствительности, способны реализоваться. Деньги это—слово въ отношеніи къ мысли, или, еще лучше, письмо въ отношеніи къ слову. Письмена мертвы и ничтожны, но разъ выразивши слово, они способны вызвать снова и слово и мысль. Также и деньги: онѣ не имѣютъ естественнаго значенія, онѣ вызваны общественностью, какъ и письмена со словомъ, но разъ

вызванныя къ жизни, онѣ питаютъ самую мысль воздѣйствіемъ на нее чужихъ мыслей.

Безполезно обсуждать, что деньгами преимущественно представляется трудъ или капиталъ. Разумѣется прежде всего капиталъ, но капиталъ самъ есть воплощенный трудъ. Деньги къ капиталу относятся такъ-же, какъ капиталъ къ труду: онѣ способны возстановить капиталъ, какъ капиталъ способенъ возстановить или точнѣе возобновить трудъ.

Упоминая здѣсь о капиталѣ, я употребляю это слово въ его обиходномъ значеніи, — трудъ, затѣмъ капиталъ. Въ моемъ построеніи это не такъ. Капиталъ не послѣдуетъ за трудомъ, а ему одновременъ и даже предшествуетъ, потому что есть капиталъ и природный. Впрочемъ для существа денегъ это различіе не имѣетъ значенія.

* * *

Энгельсъ, 1844. «У эконома плохо приходится тому, что̀ въ производствѣ есть главное, есть «источникъ богатства»—свободной человѣческой дѣятельности. Какъ капиталъ былъ уже отдѣленъ отъ работы, такъ теперь вторично работа опять разорвана: продуктъ работы противостоитъ ей какъ заработная плата, отдѣленъ отъ нея, и опять, какъ обыкновенно, опредѣляется конкурренціею, потому что, какъ мы видѣли, нѣтъ твердой мѣры для участія работы въ производствѣ. Это неестественное раздѣленіе падетъ, если уничтожить частную собственность: работа будетъ своею собственною заработною платою, и выяснится значеніе ранѣе обнаружившейся заработной платы, значеніе работы для опредѣленія издержекъ производства любой вещи».

Poor Man's Guardian, 1851, во время чартистовъ: «Вспомните, друзья и братья, что вы и вы одни производите все реальное богатство страны; припо-

мните слѣдовательно, что вы пользуетесь только самою малою порціею того, что̀ въ дѣйствительности производите; а кто-же пользуется этимъ?»

Далѣе: «На дѣлѣ ваши хозяева, ваши торговцы, начиная отъ банкира и негоціанта до носильщика угольевъ, получающаго 10 фун. ежегодно, отъ лорда-мэра до «средняго человѣка», не пользуются-ли они на вашъ счетъ?»

1849. Katechismus des Proletarier von Tedesco;

«Трудъ, когда онъ покупается и продается, есть товаръ, цѣна котораго называется заработною платою.

«Цѣна каждаго товара зависитъ отъ издержекъ, необходимыхъ на его производство.

«Заработная плата или цѣна товару труда зависитъ отъ издержекъ, необходимыхъ для производства работы, то-есть отъ издержекъ на продовольствіе рода работниковъ.

«Два класса стоятъ одинъ противъ другаго: богатые и пролетаріи.

«Причина власти богатыхъ: обладаніе орудіями и капиталами».

1850. Родбертусъ, 2-е письмо къ Кирхману:

«Естественные законы, управляющіе распредѣленіемъ общественнаго продукта, при предоставленномъ самому себѣ обращеніи земельной собственности и капитала, не даютъ приращенію общественной производительности достигнуть полнаго благополучія (Segen). Ибо, благодаря имъ съ одной стороны, это распредѣленіе принимаетъ форму мѣноваго оборота, при которомъ частный обладатель земли и капитала не можетъ или вовсе или въ болѣе сильной мѣрѣ предпринять производство, чѣмъ въ силахъ одолѣть противостоящая покупная сила; а съ другой стороны, благодаря имъ, продуктъ не только дѣлится между владѣльцами и рабочимъ классомъ, но *участіе послѣднихъ въ продуктѣ, а чрезъ это и покупная сила общественнаго большин-*

ства все уменьшается. Это послѣднее происходитъ отъ того, что трудъ, творецъ всякаго продукта, становится такимъ товаромъ, который оплачивается по правиламъ спроса и предложенія, то-есть заработною платою, которая даетъ ему участіе въ продуктѣ, и что эти правила, при развитіи общества, и именно при возвышеніи производительности, въ возрастающей мѣрѣ обращаются къ ущербу обладающихъ этимъ товаромъ, то-есть рабочаго класса. Такимъ образомъ, благодаря естественнымъ законамъ обращенія, увеличеніе имущества, вмѣсто того чтобы служить по своей природѣ увеличенію благосостоянія и счастія общественнаго, служитъ причиною противоположнаго. Такимъ образомъ общество естественными законами обращенія стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи, какъ-бы загнано въ волшебный кругъ... Общество должно быть выведено изъ этого волшебнаго круга, въ который вгоняютъ его только предразсудки, и естественные законы, поколику они вредны, должны быть замѣнены разумными.»

Дюрингъ, 3 сар. «Въ обширнѣйшемъ смыслѣ деньги суть все то, что̀ въ обращеніи имѣетъ общую Geltung, какъ цѣлесообразное Ausgleichungsmittel von Leistung und Gegenleistung и для обманнаго или законнаго погашенія обязательствъ». Благородные металлы: 1) легко дѣлимы, 2) Widerstandskraft, 3) трудность доставанія, 4) подвижность и способность къ обработкѣ, 5) эстетическое d....s, *) удовлетвореніе любви къ украшеніямъ.

«Das Capital ist ein Stamm aekonomischer Machtmittel zur Fortführung der Production und zur Bildung von Antheilen an den Früchten der allgem. Arbeitskraft».

* * *

---

*) Слово, которое было невозможно разобрать.

Рабочій, капиталистъ, землевладѣлецъ—правильное противопоставленіе; но неправильно такое перечисленіе: земля, капиталъ, трудъ. Земля и капиталъ если даютъ что, то или вполнѣ или отчасти также трудомъ. Слѣдовательно правильнѣе поставить: земля=капиталъ и трудъ; земля и капиталъ, разсматриваемые внѣ труда, и—трудъ, какъ дѣятель надъ ними.

Въ первомъ противопоставленіи разсматривается принадлежность, степень имущества: нѣкоторымъ принадлежатъ (землевладѣльцу и капиталисту) вещи; рабочій ничѣмъ не обладаетъ кромѣ себя. Во второмъ—противополагаются дѣятели производства, и одинъ изъ нихъ (въ двоякомъ видѣ земли и капитала) является коснымъ элементомъ, матеріаломъ, другой—дѣятелемъ въ тѣсномъ смыслѣ: пассивный и активный элементы производства. Съ одной стороны нѣчто готовое, данное, съ другой—сила, превращающая данное въ нѣчто новое, въ продуктъ. Но сила не есть трудъ; трудъ есть только процессъ. Слѣдовательно придется поставить опять рабочаго: земля-капиталъ и—рабочій. Трудъ есть *способъ* превращенія готоваго, предлагаемаго землею и капиталомъ, въ новое, въ продуктъ.

Хотя земля и капиталъ даютъ продукты чрезъ трудъ большею частью, но бываетъ, что даютъ самостоятельно. Поемная луговина и на ней пасется стадо, которое даетъ продуктъ въ видѣ приплода. Съ другой стороны самъ рабочій дѣйствуетъ тѣми-же силами, которыя ростятъ траву и производятъ приплодъ. Давая лошади кормъ въ стойлѣ, онъ замѣняетъ собственныя лошадиныя ноги, передвигающіяся за полученіемъ корма на пастбищѣ. Итакъ законно говорить только о производящей силѣ вообще, которая во всякомъ случаѣ есть сила природы, дѣйствующая чрезъ лошадь, чрезъ рабочаго человѣка и безъ нихъ чрезъ тепло, свѣтъ, тяжесть, химическое сродство и т. д.

Слѣдовательно: производящая сила природы, дѣйствующая непосредственно тепломъ, тяжестью, химическимъ сродствомъ и проч., и—посредствомъ лошадиныхъ ногъ и человѣческихъ рукъ и т. п. Рабочій такимъ образомъ, если экономическое производство разсматривать само въ себѣ, есть такое-же орудіе, какъ лошадь, щиплющая траву, и дождь, которымъ камень скатился съ горы. Участіе ихъ въ производствѣ равнозначительно, если не считать, что лошадь и рабочій человѣкъ такія-же произведенія сложныхъ дѣйствій свѣта, тепла и прочихъ дѣятелей природы. Зерно, подъ вліяніемъ солнышка пустившее ростокъ, лошадь, бѣгущая къ овсу, пролетарій, отправившійся къ станку, чтобы прокормить семью, и банкиръ, подъ дѣйствіемъ сытнаго обѣда покупающій бриллiанты своей возлюбленной, съ этой точки зрѣнія равнозначительны: въ одномъ случаѣ дѣйствуютъ довольно извѣданные химическіе законы, въ другомъ—мало разслѣдованные біологическіе, и банкиръ повинуется имъ такъ-же, какъ зерно солнцу и теплотѣ, лошадь и пролетарій—побужденіямъ голода.

***

Богатство, цѣнность, капиталъ: какая между ними разница? Не всякая цѣнность есть капиталъ, не всякая цѣнность есть богатство, не всякое богатство есть капиталъ.

Но всякое богатство и всякій капиталъ есть цѣнность.

Слѣдовательно, прежде всего, *цѣнность* предшествуетъ обоимъ понятіямъ.

Цѣнность есть сравненіе двухъ вещей (благъ) безотносительное къ тому, кто ими обладаетъ и обладаетъ-ли, хотя и предполагаетъ возможность обладанія. Блага сравниваются по своей годности.

Богатство имѣетъ въ виду обладателя и сравненіе его съ другимъ обладателемъ или съ нимъ-же въ

другой моментъ. Богатство есть избытокъ за удовлетвореніемъ потребностей.

Капиталъ имѣетъ въ виду жизненность цѣнности самой въ себѣ: цѣнность, способная къ саморосту.

Вещь становится *цѣнною* съ той минуты, какъ доказана ея годность для человѣка,—способность быть употребленною на что-нибудь, предполагаемое нужнымъ.

Поступивъ во власть человѣка, она является *богатствомъ*, когда остается за удовлетвореніемъ нуждъ.

Обращается въ *капиталъ*, когда способна увеличиваться, не требуя труда отъ своего обладателя.

*
* *

Весь экономическій процессъ сводится къ *тратѣ жизненныхъ силъ* съ цѣлью и въ надеждѣ ихъ *возобновленія* посредствомъ *усвоенія матеріи*.

*
* *

1. Трудъ не есть ни мѣрило, ни основаніе цѣнности.

2. Трудъ не есть главный производитель.

3. Не производитель, а потребитель есть владыка экономической жизни.

Прим. Потому рискъ есть необходимая принадлежность производства.

4. Матеріальное богатство не есть самостоятельное благо.

5. Въ полученіи дохода рабочій обдѣленъ не болѣе другихъ дѣятелей производства.

6. Монополія и централизація есть неизбѣжное зло настоящаго состоянія природы и общества.

*
* *

Программа.

Понемногу выясняется программа моего труда, который можетъ носить (въ той сферѣ, которой я пока

касаюсь) заглавіе *основныхъ началъ человѣческой экономіи* или даже просто *началъ экономіи*, безъ прибавленія человѣческой, потому что другой не можетъ быть, а эпитеты *политической* или *національной* суживаютъ предметъ, указывая на частные законы, которымъ подчиняется экономія именно извѣстной групы, называемой *народами*. *Экономія* какъ относится къ *богатству*,—понятію, поставленному Смитомъ въ заголовкѣ?—Какъ *цѣль* къ *достиженію*, то-есть процессу достиженія. Экономія въ ближайшемъ смыслѣ есть домашняя экономія, «домостроительство» въ буквальномъ переводѣ. Въ русскомъ переводѣ экономія равнозначительна хозяйству. Основныя начала экономіи или начала хозяйства,—равнозначительны, и не знаю еще, какъ назвать лучше. Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ понятіе хозяйства или экономіи къ понятію богатства. Экономія съ одной стороны предполагаетъ существованіе богатства, она имъ распоряжается. Ея задача не растерять богатства, а умножить. Но богатство для хозяйства можетъ быть не реальнымъ только, но предполагаемымъ, ожидаемымъ, мыслимымъ. Оно есть предметъ стремленій, все равно—есть или нѣтъ у меня какое-нибудь богатство. Экономія такимъ образомъ не имѣетъ нужды предполагать богатство уже существующимъ, о которомъ возможенъ вопросъ: а какъ-же оно-то пріобрѣтено: а первый-то портной у кого учился? Сталобыть вопросъ о пріобрѣтеніи богатства и слѣдовательно о его сохраненіи, потому что богатство, отъ котораго черезъ минуту ничего не осталось, не есть богатство; его существенный признакъ—принадлежность человѣку. Безъ возможности сохраненія богатства, самое понятіе о немъ исчезаетъ: богатство есть не только пріобрѣтенное, но и сохраненное.

Но богатство есть не простое juxtapositio къ своему обладателю, не ограничивается внѣшнимъ сосѣдствомъ

или отвлеченною возможностью власти: оно предполагаетъ власть реальную, распоряженіе, проявляемое или непроявляемое. Стало-быть предполагается жизнь, движеніе, измѣненіе какъ въ относящихся элементахъ, такъ и въ самомъ ихъ отношеніи. Это и есть процессъ экономическій или хозяйственный. Когда жизнь и измѣненіе, тогда стало-быть пріобрѣтеніе и сохраненіе есть не одно механическое приращеніе, а преобразованіе, такое преобразованіе, результатомъ котораго является приращеніе. Это вводитъ насъ въ понятіе о побужденіяхъ къ экономіи и цѣли ея.

Побужденіе къ экономіи или пріобрѣтенію и сохраненію богатства есть не властолюбіе. Чувство власти подчиняется здѣсь другому чувству: оно есть не цѣль, а средство; цѣль есть пользованіе богатствомъ, именно усвоеніе не внѣшнее механическое, а органическое. Для выясненія сущности этого явленія, необходимо войти подробнѣе въ понятіе о богатствѣ. Именно окажется, что богатство начинается съ того момента, когда за удовлетвореніемъ потребностей извѣстныя вещи остаются въ обладаніи. Богатство окажется, такимъ образомъ, однозначительнымъ съ капиталомъ. Слѣдовательно съ богатства, во всякомъ случаѣ, нельзя начинать: оно будетъ понятіемъ уже выводнымъ.

Достатокъ, избытокъ, обезпеченіе.

Застрахованіе не принадлежитъ-ли къ *обезпеченію*, какъ частное понятіе?....

Библиотека Академіи Наук СССР

VIII-86
86

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

GENERAL BOOKBINDING CO.
79 2225T 53 005 P 7162
QUALITY CONTROL MARK

HB179.G4

HB 179 .G4 C.1
Osnovnyia nachala ekonomii.
Stanford University Libraries
3 6105 038 138 637

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305